

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА
ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ПЕРВАЯ
РУССКАЯ
ГРАММАТИКА
НА РОДНОМ
ЯЗЫКЕ

Доломоновский период
отечественной русистики

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1975

1506 43 43

Работа представляет собой исследование обнаруженной автором в фондах Библиотеки АН СССР не известной до сих пор рукописной грамматики 30-х годов XVIII в., которая является первым опытом кодификации русской речи. Автором этой грамматики, как доказывается в работе, был В. Е. Адогуров — первый русский адъюнкт Академии наук. Рассмотрение данной грамматики, ее источников и последующей судьбы дает основание говорить об особом — доломоновском — периоде отечественной русистики.

ИМДН
У-77

БОРИС АНДРЕЕВИЧ УСПЕНСКИЙ

**Первая русская грамматика на родном языке
(Доломоновский период отечественной русистики)**

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Н. Н. Барская Художественный редактор Т. П. Поленова Художник А. В. Вавра Технический редактор Ю. В. Рылина

Сдано в набор 25/VI 1974 г. Подписано к печати 2/I 1975 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 12,18. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 11000. Тип. зак. 1328.

Цена 80 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34. 9 лн., л. 12

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть первая	
ИССЛЕДОВАНИЕ	
Доказательство существования доломоновской грамматики русского языка, написанной на родном языке; возможность реконструкции полного текста этой грамматики (§ 1.1—§ 3)	7
Определение автора грамматики (§ 4.1—§ 5)	27
Адогуров, Тредиаковский и Татищев как основные представители доломоновской русистики, их взаимосвязь и взаимовлияние (§ 6.1—§ 8)	51
Часть вторая	
МАТЕРИАЛЫ	
Текст грамматики	92
Текстологические примечания	127
Объяснительный комментарий	171
Принятые сокращения	222

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена доказательству того, что первая грамматика русского языка, предназначенная непосредственно для самого его носителя, была написана не Ломоносовым — как это считалось до последнего времени — но еще в 30-е годы XVIII в. Это обстоятельство, понятно, не может умалить значения замечательного труда Ломоносова (по достоинству оцененного уже современниками), но именно позволяет более точно определить это значение и вместе с тем понять конкретные исторические условия появления ломоносовской грамматики. Одновременно следует подчеркнуть, что самый факт появления грамматического описания такого рода представляется эпохальным событием в истории литературного языка, знаменуя начало становления литературного языка нового типа — языка, ориентирующегося на живую речь, а не на искусственные книжные нормы, и подчиняющегося ей в своем развитии.

Автору настоящей работы посчастливилось обнаружить рукописный фрагмент этой неизвестной доселе ломоносовской грамматики. Филологический анализ, основывающийся на привлечении ряда дополнительных источников, как русских, так и иностранных, позволил доказать существование более полного текста данной грамматики и вместе с тем определить конкретные возможности для его реконструкции. Одновременно обнаружилась тесная связь данного сочинения с некоторыми другими, более поздними филологическими трудами, заставляя по-новому ставить вопрос об источниках — а иногда даже и об авторстве — этих последних (ср. наши предварительные публикации: Успенский, 1972 и 1974). Рассмотрение указанной грамматики, ее источников и ее последующей судьбы позволяет исследовать лингвистические взгляды предшественников Ломоносова и говорить об особом — до ломоносовском — периоде отечественной русистики, основными представителями которого являются

В. Е. Адодуров и В. К. Тредиаковский, а также В. Н. Татищев. Этот период тесно связан с петровской реформой азбуки и вообще с идеологией петровской эпохи; его характеризует радикальность программы, размежевание сферы влияния церковнославянского и собственно русского языков, борьба за эмансипацию русского литературного языка и в известной мере — ориентация на западноевропейскую языковую ситуацию. Как известно, программа Ломоносова имела существенно более компромиссный характер и была направлена на объединение книжной и разговорной языковой стихии в границах русского литературного языка; но самый компромисс такого рода едва ли был бы осуществим без этой предварительной работы. Тем самым ломоносовские опыты кодификации русской речи в известной мере подготовили почву для появления грамматики Ломоносова. Вместе с тем они в значительной степени предвосхитили последующую демократизацию русского литературного языка.

Естественно, что в центре внимания находились при этом вопросы орфографии и: орфография вообще играет доминирующую роль в самоосознании литературного языка¹, с другой же стороны, именно в графических различиях, — начиная с противопоставления гражданской и церковной азбуки, — с наибольшей наглядностью выражалось противопоставление русской и церковнославянской языковой стихии. Тем самым в условиях размежевания церковнославянского и русского литературного языков орфографические проблемы становятся особенно актуальными, приобретая принципиальную важность. Еще Лудольф писал в своей известной грамматике 1696 г., что русские «пишут слова не так, как произносят, а так, как они должны писаться по правилам Славянской грамматики, например, пишут *сегодня* (*segodnia*), а произносят *севодни* (*sevodni*)» (цит. по изд.: Ларин, 1937,

¹ Ср. слова Ломоносова в черновом наброске предисловия к «Российской грамматике»: «Россіяна знают [свой язык. — Б. У.] и безъ грамматики, однако главное понятие и правописание» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 691). — Не случайно и много позднее именно правописанию уделяется преимущественное внимание в школьном преподавании родного языка. «Центром тяжести в учебных курсах по русскому языку в средних учебных заведениях служит до настоящего времени, как известно, орфография» (Будде, 1916, стр. 6).

стр. 114). Итак, церковнославянско-русский дуализм изначально обусловил появление собственно орфографической традиции, противопоставленной живому произношению, и тем самым стимулировал особое внимание к вопросам орфографии, которое необходимо сохранялось и в дальнейшем. Понятно поэтому, что процесс эмансипации русского литературного языка закономерно должен был начаться с выработки специальных норм русского гражданского правописания. При этом, если правописание церковнославянских текстов опиралось на собственно орфографическую традицию, то правописание русских текстов в той или иной степени могло приближаться к транскрипции реального произношения (причем могло быть обусловлено, как живым, так и книжным произношением). Это обстоятельство делает первые опыты кодификации русской речи ценным источником по русскому произношению первой половины XVIII в.

* * *

Книга складывается из двух частей: I. *Исследование*, в котором доказывается существование упомянутой выше грамматики, устанавливается возможность реконструкции ее полного текста, определяется автор этого сочинения и, наконец, рассматриваются взаимоотношения лингвистических взглядов предшественников Ломоносова; II. *Материалы*, которые содержат воспроизведение текста данной грамматики (по единственному русскому списку) с текстологическими примечаниями и объяснительным комментарием. Следует при этом иметь в виду, что текстологические примечания соотнесены со страницами воспроизводимой рукописи, между тем как комментарий относится к параграфам самой грамматики. Замечания в квадратных скобках при цитировании, так же как разрядка и многоточие в цитатах, всегда принадлежат автору настоящей работы. В цитатах из исследуемой грамматики явные описки исправляются; вместе с тем, при воспроизведении целого текста грамматики, мы стремились к посильной точности.

Автор благодарит за помощь и поддержку в работе Р. И. Аванесова, О. А. Князевскую, Д. С. Лихачева, О. Я. Лейбман, Н. И. Толстого, Б. С. Шварцкопфа, а также сотрудников рукописных хранилищ, в которых ему довелось заниматься,

ИССЛЕДОВАНИЕ

*Доказательство существования
доломоновской грамматики русского языка,
написанной на родном языке;*

*возможности реконструкции полного текста этой грамматики;
определение ее автора;*

*Алдовуров, Гредиаковский и Татищев как основные представители
доломоновской русистики, их взаимосвязь и взаимовлияние*

1.1. Хорошо известно, что грамматические описания русского (а не книжного церковнославянского) языка появились сравнительно недавно. Первым описанием такого рода по праву считается грамматика Лудольфа 1696 г. (см.: Унбегаун, 1958, стр. 100); отчетливое противопоставление русской и церковнославянской языковой стихии и ориентированность именно на русскую разговорную речь с достаточной ясностью проявились, между прочим, уже в самом названии этой грамматики.

Доломоновские грамматики русского языка вообще насчитываются единицами, причем все известные до сих пор грамматики написаны на иностранных языках, т. е. предназначены для иноязычного читателя, практически заинтересованного в описании именно живой разговорной речи, а не книжных языковых норм.

Перечислим их (в порядке хронологической последовательности). Сюда относятся:

а) Уже цитированная «Grammatica Russica» Г. В. Лудольфа (1696 г.) на латинском языке. См.: Лудольф, 1696.

б) Анонимная грамматика 1730 г. на французском языке — очень неполная и содержащая по существу только фрагментарные замечания, — автором

которой является, предположительно, И. С. Горлицкий. См.: Горлицкий, 1730¹.

в) Краткая грамматика В. Е. Адодурова, изданная (опять-таки без указания автора) в качестве приложения к лексикону Вейсмана 1734 г. — на немецком языке. См.: Адодуров, 1731².

д) Грамматика Михаила Гренинга (1750) г., вышедшая на шведском языке. См.: Гренинг, 1750. Последняя грамматика (в дальнейшем она будет представлять для

¹ См. описание этого сочинения у Вомперского, 1969; здесь же и аргументы в пользу авторства Горлицкого. Первое упоминание об этой грамматике как о грамматике именно русского языка, — которое осталось, по-видимому, не известным Вомперскому, — имеется в кн.: Балицкий, 1876, стр. 16. Следует еще отметить, что в книжной росписи академических изданий 1731 г. данная грамматика обозначена как «русская грамматика ради француз» (см.: Князев, Файдель и Шафрановский, 1958, стр. 564).

Фрагментарность данной грамматики, может быть, объясняется отчасти тем обстоятельством, что единственный известный ее экземпляр (собр. Библиотеки Академии наук), как отмечал еще Балицкий, не имеет конца (этого указания, между тем, нет у Вомперского).

Остается при этом неясным, в каком отношении находится данная «Грамматика французская и русская...» к той «французской грамматике», которая была поднесена (вероятно, в рукописи) Горлицким Екатерине I, т. е. сочинена им во всяком случае еще до 6 мая 1727 г. См. письмо Горлицкого к Екатерине, где говорится о «сочинении сей книжки, нарицаемая грамматика французская...», у Пекарского, 1862, стр. 241 (со ссылкой на Каб. дела, II, № 93, л. 345—347); Вомперский не упоминает об этом в своем исследовании. Вместе с тем по указу Петра II от 26 июня 1727 г. предписывается «взятую у шпрахмейстера Декомбеля французского диалекта грамматикку, для переводу со онаго на российский диалект отдать переводчику Ивану Горлецкому» (Материалы АН, I, стр. 499).

² Хотя П. К. Симонов (в изд.: Ягич, 1910, стр. 922) считал, что авторство Адодурова «известно по преданию», на этот счет имеется вполне достоверное свидетельство Г. Ф. Миллера, см.: Материалы АН, VI, стр. 170. — В печати уже критиковалось несправедливое мнение о том, что грамматика Адодурова представляет собой всего лишь обработку церковнославянской грамматики Смотрицкого. Это мнение, идущее, кажется, от Будиловича (1869, стр. 171), некритически повторяется затем у целого ряда авторов (в том числе и таких, как С. К. Булич (1904, стр. 213, 324), П. С. Кузнецов (1958, стр. 40), Д. Е. Михальчи (1969, стр. 40) и др.). См., однако, Унбегаун, 1958, стр. 110—113; Макеева, 1961, стр. 14 и др.; ср. также: Бауманн, 1964.

Как констатирует Унбегаун (1958, стр. 112—113), в некоторых случаях Адодуров оказывается даже более тонким грамматиком, чем Ломоносов.

ние специального интереса) — наиболее обстоятельное из ломоносовских описаний русского языка.

Вместо с тем, вопреки иногда высказываемому мнению (см., например: Вомперский, 1969, стр. 125), нет оснований причислять к грамматикам русского языка «Грамматику славенскую» Ф. Максимова (СПб., 1723). То обстоятельство, что в этой грамматике содержится иногда перевод церковнославянских форм на русский язык³, при всей его знаменательности, конечно, отнюдь не может служить основанием для того, чтобы рассматривать эту грамматику как описание русского языка: это именно грамматика книжного (славянского) языка, где русский язык может выступать в качестве чуждого рода метаязыка⁴.

С другой стороны, вряд ли может считаться грамматикой русского языка и учебник И. Копиевича 1706 г. Следует, по-видимому, согласиться с Унбегауном (1958, стр. 108), который писал, что сочинение Копиевича «can hardly be termed a description of Russian. It is rather a grammar, based on Smotrickij's grammar, of a modernized Church Slavonic. The author was completely unaware of the difference between Church Slavonic and Russian, and the title he gave to the grammar (... *Sclavonica Rosseanum seu Moscoviticam*...) shows his ignorance only too clearly»⁵.

Наконец, едва ли можно безоговорочно признать грамматикой русского языка рукописную «Славяно-русскую» грамматику

³ В предисловии автор сообщает: «наста нѣжда собрати ѿ различныхъ въ краткѣ ою грамматикѣ, съ приложениемъ простыхъ реченій, понѣже въ нѣи ѿдержатъ славенская реченія, русо-йски в'мѣлѣ развѣщаема» (см.: Максимов, 1723, стр. 3).

⁴ В этой же функции выступает «проста мова» в грамматике Лаврентия Зизания 1596 г. и в некоторых других юго-западнорусских изданиях. Очень вероятно вообще, что соответствующая особенность грамматики Максимова и объясняется именно влиянием юго-западнорусской традиции.

⁵ Последнее замечание Унбегауна, впрочем, не вполне точно. Отождествление «славянорусского» и «московского» языков у Копиевича может быть обусловлено тем обстоятельством, что книжным языком в Московской Руси в принципе был именно церковнославянский язык — в отличие от Руси Юго-Западной, где в качестве книжного языка могла выступать и «проста (руска) мова». Естественным следствием этого различия в языковой ситуации является, между прочим, необходимость перевода юго-западнорусской литературы с «простого» языка на церковнославянский в тех случаях, когда эта литература предназначалась для употребления в Московской Руси; ср., с другой стороны, характерные протесты московских книжников против книг «на белорусском языке». Понятно поэтому, что для представителя Юго-Западной Руси (каким был Копиевич), как и вообще для внешнего наблюдателя, «славянорусский» язык мог отождествляться с «московским» (ср. такое же отождествление и в букваре Г. Давида 1690 г.). Это, собственно, еще одно свидетельство того, что намерением Копиевича было описание к н и ж н о г о («московского») языка.

И. В. Пауса (Паузе), написанную по-немецки в 1705—1729 гг.⁶, хотя надо сказать, что сам автор видел позднее (в ретроспективном отчете 1732 г.) основную ценность своего труда и преимущество своей грамматики перед другими именно в том, что различал в ней церковнославянский и русский языки⁷. Тем не менее, здесь нет той ориентации на собственно русскую (разговорную) стихию, которая позволяла бы говорить об этой грамматике как о грамматике русского языка. Мы имеем здесь скорее смешанный язык; к тому же грамматика Пауса характеризуется искусственно придуманными формами, что, понятно, делает объект описания еще более расплывчатым⁸.

1.2. Первой грамматикой русского языка на родном языке принято считать «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова (Ломоносов, 1755)⁹. Тем самым фактически

⁶ См. исследование данной грамматики в цикле работ Михальчи. Первая редакция грамматики Пауса была закончена к 1717—1720 гг. (см.: Михальчи, 1964, стр. 52; 1969, стр. 7, 17). До нас дошла (я то не полностью) черновая рукопись второй редакции этой грамматики 1724—1729 гг. (см.: Паус, грамматика; расшифровку этой рукописи см. в неопубликованной диссертации Михальчи, 1969а) и только небольшой фрагмент ее белового списка (см.: Паус, фрагмент; издание перевода этого фрагмента см. у Михальчи, 1968).

⁷ «... daß beide dialecti, slavonisch und rüssische, deren jene in geistlichen und Kirchensachen von alters her, diese aber bei unsern Zeiten in Staats- und Regimentssachen nach der Zivilität und gemeinen Wesen schaltet und waltet, so daß dieselben nun in diesem kleinen Buch als Bruder und Schwester (Russ. zwei Brüder: языка) beieinander in Frieden leben (welches noch in keinem Buch geschrieben stehet als hier in diesem). Und ob sie gleich manichmal Disput miteinander haben, so kommen sie doch im Grunde überein. Nur müssen slavonischerseits die ungeheure Endungen in den praeteritis und indefinitis wegleiben, so ist weniger difference unter ihnen beiden. Die übrige raisons, warum beide dialecti nebeneinander sein könnten und bleiben mögen, habe ich aparte beschrieben und können zur andern Zeit, um allhier Weitläufigkeiten zu vermeiden, vorgelegt werden». См. изд.: Винтер, 1958, стр. 759.

⁸ Претензию Пауса на описание русского языка и на четкое разграничение между церковнославянским и русским следует, видимо, объяснять не столько самим существом дела, сколько полемической направленностью вышеупомянутого отчета 1732 г. Следует иметь в виду, что непосредственным стимулом к написанию данного отчета послужило появление грамматического очерка Адодурова 1731 г. (см.: Михальчи, 1969, стр. 9). Хотя Паус стремится опорочить своих предшественников — Лудольфа и Адодурова — и приписать себе их заслугу в деле различения церковнославянской и русской языковых стихий (см.: Винтер, 1958, стр. 758—762, ср. Михальчи, 1969, стр. 29, 40, прим. 123), это не имеет достаточных оснований.

⁹ См., например: Унбегаун, 1958, стр. 98.

принимается, что описание русского языка появилось на родном языке только 60 лет спустя после появления первой грамматики русского языка, т. е. грамматики Лудольфа¹⁰.

Это мнение в известной мере поддерживается заявлением самого Ломоносова, который и сам считал, по-видимому, свою грамматику первой. В черновых набросках предисловия к «Российской грамматике» Ломоносов писал: «Сию грамматику не выдаю я за полную, но только опыт, ибо еще никакой нѣтъ, кромѣ славенской [имеется в виду грамматика Мелетия Смотрицкого] и малинькой въ лексиконѣ [имеется в виду грамматика Адодурова 1731 г.], ничѣмъ несовершенной и во многихъ мѣстахъ неисправной» (на месте последнего слова первоначально стояло: «исправедливой») (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 690—691)¹¹. И в другом месте черновых набросков к тому же предисловию читаем: «Меня хотя другіе¹² мои главныя дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако видя, что ни кто не принимается, а многіе того. . .» (фраза не окончена) (см. там же, стр. 689)¹³.

Понятно, что данный вопрос имеет принципиальное значение: появление грамматики на родном языке знаменует кодификацию норм живой речи и представляет собой тем самым кардинальный этап в истории литературного языка¹⁴.

¹⁰ Грамматика Ломоносова, хотя и обозначена на титульном листе 1755 годом, вышла первым изданием в январе 1757 г. Рукописный экземпляр этой грамматики был поднесен великому князю Павлу Петровичу 20 сентября 1755 г. На следующий день автором был подан рапорт о ее напечатании. См.: Ломоносов, 1952, стр. 850; Ломоносов, 1955, стр. 402.

¹¹ Необходимо заметить, что, несмотря на критический отзыв об адодуровской грамматике 1731 г., Ломоносов во многом использовал это сочинение, тщательно его изучая и даже конспектируя отдельные места. См.: Макеева, 1961, стр. 66, 72, 74, 90, 93, 115, 192; ср. также: Будилович, 1869, стр. 9—15 второй пагинации.

¹² В издании Сухомлинова (см.: Ломоносов, 1898, стр. 27 примечаний): «другія».

¹³ Ср. еще здесь же: «Я хотя и не совершу, однако начну, то будешь другимъ послѣ меня легче дѣлать» (стр. 689).

¹⁴ Ср. в этой связи знаменательный вывод о необходимости такой грамматики у В. Н. Татищева в «Разговоре двухъ приятелей о пользе науки и училищ»: «И тако можешь разуметь, что и своего языка грамматику учить нужно» (см. изд.: Татищев, 1887, стр. 94).

Представляется возможным утверждать, что это мнение не соответствует действительности: у Ломоносова были предшественники. Грамматическое описание на родном языке было составлено более чем за пятнадцать лет до появления грамматики Ломоносова.

С другой стороны, обнаружение этого описания, как это ни парадоксально, не увеличивает списка доломоносовских грамматик в силу того обстоятельства, что одна из перечисленных выше иноязычных грамматик русского языка неизвестно оказывается переводом этой неизвестной доселе русской грамматики.

2. В отделе рукописей Библиотеки Академии наук под шифром 16.7.3 хранится анонимное грамматическое сочинение, писанное (разными почерками) скорописью, по большей части довольно небрежной¹⁵. На титульном листе рукописи значится надпись: «Сія кѣга Ивана Сердюкова. 1738го Года»; запись эта, конечно, владельческая, но она очень важна для раскрытия обстоятельств, связанных с написанием данного сочинения. Что касается владельца рукописи, то, вне всякого сомнения, это Иван Михайлович Сердюков¹⁶, инженерный деятель середины XVIII в. (умер в 1761 г.)¹⁷. Важно отметить, что во время

¹⁵ Единственное известное нам упоминание о данной рукописи содержится в письме Р. О. Якобсона к Д. Н. Ушакову (без даты), сохранившемся в архиве Г. О. Винокура (Центр. гос. архив литературы и искусства, ф. 2164, оп. 1, № 372); здесь же представлены и некоторые выписки, а сама рукопись (которая упоминается в числе других материалов) характеризуется следующим образом: «Ркп. анонимная (Сердюкова?) — грамматика — очень ценная (1738 г.?)».

Итак, описываемая рукопись была известна (прямо или косвенно) трем выдающимся русистам — но, тем не менее, осталась неисследованной.

¹⁶ Ср. почерк И. М. Сердюкова в его росписи по тексту челобитной, поданной им в 1759 г. (см.: Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 241, л. 603—603 об.), а также в его письмах к Я. Я. Штелину от 1745 г., написанных по-немецки (см.: Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки, ф. 871, № 668). Этот почерк совпадает как с владельческой надписью, так и с первым (и основным) почерком рассматриваемой рукописи.

¹⁷ Его отец, Михаил Иванович Сердюков, крещеный калмык, сподвижник Петра I (имевший, между прочим, столкновение с Феофаном Прокоповичем) — известный новгородский купец, строитель каналов; Иван Михайлович был его ближайшим помощ-

ником. Некоторые сведения о них даны в «Русском биографическом словаре». (т. [18]. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904, стр. 366—371).

Показанная дата не противоречит свидетельству филиграни. Водяной знак — один и тот же по всей рукописи — подобен знаку № 448 по каталогу Хивуда («Coat of arms»), который соответствует английской бумаге (лондонских фабрик) 1736 г.²⁰

Рукой И. М. Сердюкова написана и основная часть рукописи. Ему именно принадлежит первый почерк: стр. 1—78 (Введение и § 1—71), 111—117 (§ 102—105), 123 (§ 109), 125—134 (§ 111—118)²¹. Второй почерк может быть выделен на стр. 78—79 (начало § 72), 109 (начало § 101 — всего одна недописанная фраза), 120—122 (§ 107—108), 124 (§ 110); итак, в конце рукописи первый и второй почерки довольно последовательно чередуются, иногда сменяя друг друга на каждой новой странице (см. стр. 123—125). Наконец, третьим почерком написаны всего две страницы: это стр. 80—81 (продолжение § 72 и недописанный § 73). При этом в рукописи имеются и пустые, т. е. не заполненные текстом страницы, как в конце, так и в середине книги (см. об этом ниже). Текст вообще содержится на страницах 1—81, 109, 111—117, 120—134 по пагинации, проставленной чернилами, что соответствует листам 6—46, 60, 61—64, 65 об. — 72 об. по карандашной фолиации. В дальнейшем мы ссылаемся исключительно на обозначение страниц. В рукописи, кроме того, имеются еще буквенные сигнатуры, обозначающие порядок тетрадей, из которых шита книга

ником. Некоторые сведения о них даны в «Русском биографическом словаре». (т. [18]. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904, стр. 366—371).

¹⁸ См.: Материалы АН, III, стр. 177, 262; IV, стр. 160, 265, 268.

¹⁹ В 1743 г. Михаил Сердюков вместе со своим сыном Иваном ходатайствует о дозволении взять на себя улучшение судоходства по р. Мсте. 19 марта 1745 г. И. М. Сердюков получает звание коллежского ассессора.

²⁰ Обследование бумаги произведено Т. В. Диановой.

²¹ Если сначала почерк Сердюкова весьма аккуратный и ровный (писавший, видимо, пользовался транспарантом), то затем он становится небрежным и размашистым и в этом случае производит впечатление довольно архаичного, ближайшим образом напоминающего скоропись конца XVII в.

(соответствующие обозначения встречаются через каждые восемь страниц). Как обозначения тетрадей, так и обозначения страниц проставлены, видимо, рукой И. М. Сердюкова.

Разметка тетрадей произведена до тетради «к», которая начинается на стр. 81; разметка страниц — до стр. 149 (после чего в рукописи следует еще много пустых страниц). Можно предположить, что рукопись была переплетена примерно тогда, когда текст дошел до тетради «к»²², после чего отпала необходимость в дальнейшей разметке тетрадей и была произведена уже разметка страниц²³. При переплетении в начале рукописи — перед тетрадью «а» — были добавлены чистые форзацные листы, оставшиеся нумерованными, так как нумерация страниц начинается с тетради «а». Именно тогда, по всей вероятности, на одном из таких листов и была сделана цитируемая выше владельческая запись Сердюкова с обозначением 1738 г. Таким образом, обозначенная дата может соответствовать не началу написания текста, а середине этого процесса. Вероятно, это конец 1738 г., поскольку уже со стр. 111—112 следуют даты, относящиеся к марту и маю 1739 г.; между тем есть основания полагать, что грамматика была начата в июне 1738 г. (см. об этом ниже).

Переплетение тетрадей, может быть, связано с тем обстоятельством, что весь текст до тетради «к», за исключением последних трех страниц, написан непосредственно самим Сердюковым. Иначе говоря, препоручая дело другому, Сердюков счел нужным объединить как уже написанные, так и предназначенные для написания тетради в книгу (если бы он писал все сам, он, вероятно, переплел бы текст уже после завершения всей работы). Замечательно в этой связи, что там, где кончается рука Сердюкова (стр. 78), на полях помечено: «до Поѣду»; можно предположить, что речь идет о временном отъезде Сердюкова²⁴, в связи с чем написание текста и было продол-

жено другим²⁵, а затем в дело на короткое время подключился и третий писец. Надо сказать, что этот другой писец (или другие писцы) оказался менее прилежным: в двух случаях он пропускает текст — об этом свидетельствует нумерация параграфов, — оставляя пустые страницы, явно предназначенные для позднейшего заполнения. Так, на стр. 81—110 оставлено место для пропущенных § 74—101, а на стр. 118—119 — для § 106; при этом каждый раз после пропущенных страниц на полях имеется помета с календарной датой. В одном случае — на стр. 109 — второй писец даже начал было один из этих (пропущенных) параграфов, но написал всего несколько слов сверху страницы: «§ 101. Въ проче^м находи^м мы» — без дальнейшего продолжения (для этого параграфа оставлены две страницы: стр. 109 и 110).

Пустые страницы, предназначенные для пропущенного текста, так же как и смена почерков, определенно указывают на то, что рукопись воспроизводит уже готовый оригинал. Вместе с тем в рукописи наблюдаются некоторые исправления, вставки, зачеркнутые куски текста. К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся.

На полях рукописи неоднократно встречаются записи, свидетельствующие о временном прекращении и возобновлении письма; эти записи в ряде случаев помечены более поздними датами. Так на стр. 38 читаем: «зача^л по калпикула^х 17го дня август» (несомненно имеется в виду 17 августа 1738 г.); на стр. 111 — «14го зача^л опя^т писа^т», причем, по всей вероятности, имеется в виду 14 марта 1739 г., так как на следующей (112-й) странице на полях помечено 15 марта 1739 г. Только что цитируемая запись на стр. 111 совпадает с возобновлением почерка Сердюкова, который прекратился на стр. 78, причем в соответствующем месте, как уже отмечалось, на полях тогда была сделана помета: «до Поѣду»; можно предположить, таким образом, что к 14 марта 1739 г. И. Сердюков вернулся из поездки (которая началась где-то в конце 1738 г., см. выше) и вновь принялся за написание текста.

²² Переплет, кажется, того же времени, что и рукопись.

²³ Этим может объясняться и то, что пагинация проставлена не на каждой странице рукописи (если бы разметка страниц производилась до переплетения, страницы, видимо, были бы размечены подряд).

²⁴ Этот отъезд, вероятно, совпадает по времени с переплетением тетрадей, т. е. может быть датирован концом 1738 г. (см. выше).

²⁵ Ср. ниже (стр. 48 наст. изд.) предположение о том, что исследуемая рукопись представляет собой запись лекций, более или менее регулярно читавшихся при академическом университете. Если это так, то вполне понятна необходимость передачи записи другому при отъезде.

Наконец, на стр. 112, 116, 117, 120, 124, 127, 129, 130 помечены разные числа марта и мая 1739 г., а на последней — 134-й странице — в конце текста на полях стоит дата: «6 Junii» (очевидно, того же 1739 г.); все эти даты написаны каким-то совершенно новым почерком, причем латинскими буквами²⁶. Итак, рукопись грамматики была начата несколько ранее августа 1738 г.; процесс написания продолжался в общей сложности до июня 1739 г.

Как видно отчасти и из сказанного, интересующая нас грамматика представлена в рукописи не полностью. Если, с одной стороны, можно констатировать отдельные лакуны текста, то, с другой стороны, грамматика явно не окончена. Перед нами, собственно, только первая часть грамматики русского языка, посвященная вопросам орфографии и отчасти фонетики — «Часть первая о Орфографіи», — которой предпослано краткое введение, озаглавленное «О Грамматикѣ во обще». Уже само обозначение данной части грамматики предполагает продолжение; и действительно, в тексте данной рукописи несколько раз (см. стр. 21, 50, 67, 71, 72) встречается ссылка на другую часть грамматики (в одном случае она прямо и называется «второй частью», см. стр. 50), где содержится описание морфологии. С другой стороны, в упомянутом вводном рассуждении «О Грамматикѣ во обще» вслед за определением грамматики представлен план всей грамматики в целом, из которого явствует, что она должна состоять из четырех частей, подразделяясь на «Орфографію, Этѣмологію [так именуется морфология], Сѣнтаксисъ и Просодию» (стр. 1).

Необходимо отметить вместе с тем, что даже и первая часть грамматики («О Орфографіи»), по-видимому, не имеет в рукописи конца. Действительно, в заключительной фразе того текста, который имеется в нашем распоряжении, автор обещает, «послѣдую рассужденію нѣкоторо-го писателя нашихъ временъ», изложить правила употребления знаков препинания (стр. 134); однако же текст

²⁶ Совсем иного характера, между тем, запись на полях стр. 113: «р: 179. 723го года». Это отнюдь не календарная помета, как могло бы показаться, а ссылка на 179-ю страницу грамматики Ф. Максимова (буква *p* принадлежит здесь латинскому, а не русскому алфавиту, т. е. это сокращенное обозначение страницы).

на этом обрывается, и соответствующие правила отсутствуют²⁷.

Итак, перед нами отрывок не дошедшего до нас в полном виде сочинения.

Уже первое знакомство с данной рукописью не оставляет сомнения в том, что дело идет о грамматике именно русского языка, совершенно оригинальной и во многом революционной. Достаточно отметить, хотя бы необычайно смелое по тому времени предложение упразднить букву *ер* (см. § 4, 15, стр. 4, 7—10) — предложение, почти на двести лет опередившее его практическую реализацию!; четкое провозглашение фонетического принципа в орфографии — см. § 23 (особенно пункт VI), 24, стр. 12—17, ср. еще § 4, стр. 3—4, § 15, стр. 7—10, § 54, стр. 40—41, § 61, стр. 59—60²⁸; довольно последовательное различие звука («глас») и буквы («литера»), о чем специально говорится в § 3, стр. 3²⁹; и т. п.

Эта грамматика характеризуется отчетливым противопоставлением церковнославянских и русских форм и явной ориентацией на собственно русскую языковую стихию. Достаточно показательны в этой связи уже ссылки на «нынешнее (resp.: обыкновенное, общее) употребление» (или «произношение») ³⁰, которое неоднократно встречаем в тексте (см. специально ниже, стр. 55 наст. изд.).

Особенно ярко это проявляется при противопоставлении местоименных форм (таких, как *этот—сей, ея—ю*) и глагольных приставочных форм (например, глаголов с приставками *воз-, пре-* и соответствующих форм с *вз-, пере-*). Так, например, о местоимении *этот* здесь говорится, что данное «слово есть природно русское и тожъ значѣтъ, что мѣстоимѣніе *сей*, въ писмѣ оно поинѣ еще не оче^н часто случает^ся, но въ обыкновенныхъ разговорахъ безъ него обой-

²⁷ Некоторые предположения относительно содержания этого недошедшего до нас текста будут высказаны ниже (стр. 75).

²⁸ См. подробнее ниже (стр. 52—54 наст. изд.).

²⁹ Замечательно, что автор грамматики может различать графически звук *э* и букву *е* (например, на стр. 46, 50); иначе говоря, здесь могут наблюдаться элементы транскрипции.

³⁰ Ср. в этой связи выражение «грамматика... нынешняго языка» в заглавии упоминавшейся выше грамматики 1730 г., приписываемой И. С. Горлицкому (см.: Горлицкий, 1730). Вместе с тем, выражение «общее (всеобщее, нынешнее всеобщее) употребление» (или «произношение») неоднократно можно встретить в сочинениях Тредиаковского; см. в этой связи стр. 56, 68 наст. изд.

тиса неможно для того что мѣстоимѣніе *сей* бывае^т тогда уже весьма неупотребительно» (§ 49, на полях стр. 36). Между тем, относительно местоимения *ю* сообщается: «*ю* употреблялось прежде вмѣсто *я* которое есть мѣстоимѣніе третіяго лица въ винительномъ падежѣ рода женскаго въ семъ знаменованіи употребляется оно отъ нѣкоторыхъ еще и по нѣмъ при сложеніи стиховъ о^тнакожъ отъ тѣхъ которые чистоту языка храни^т стараются а особливо въ простой рѣчи оно уже весьма не принимается» (§ 66, стр. 71).

Точно так же, говоря о глагольных приставках, автор грамматики замечает, что «въ предлогѣ *возъ* гласное *о* по нынѣшнему употребленію часто выкидывается а въ предлогѣ *пре* еще одно гласное *е* принимается такъ вмѣсто *возношу* часто употребляю^т *взношу*, а вмѣсто *пехожу* употребляю^т *перехожу* или вмѣсто *преломляю* *переламываю* и проч.» (§ 110, стр. 124). Ср. также соотнесение глаголовъ с приставкой *изъ* и глаголовъ с приставкой *вы-* в § 61, стр. 62: о глаголахъ на *изъ* здесь говорится, что «они... *сей* предлогъ *изъ* перемѣняю^т въ... предлогъ *вы* которой съ предлогомъ *изъ* имѣе^т равное знаменованіе... такъ пишутся глаголы: *вымѣриваю*, вмѣсто *измѣриваю*, *выношу* вмѣсто *изношу*, *выбираю* вмѣсто *избираю* и прочія» (§ 61; стр. 62). Отождествление соответствующихъ глагольных пар свидетельствуетъ о томъ, что данные глаголы противопоставлялись не семантически, но исключительно стилистически: глаголы с *изъ* относились къ высокому стилю и въ определенныхъ условияхъ автоматически заменялись на соответствующие дублиеты с *вы-*.

Замечательно, что и собственно русские формы, попадая въ контекстъ литературной (письменной) речи, могутъ немедленно противопоставляться по признаку книжности—некнижности. Достаточно характерно в этомъ отношении, например, рассужденіе о формахъ *очень* и *очунь*, причемъ последняя форма (этимологически, между прочимъ, едва ли не более правильная) признается нелитературной. «Вмѣсто гласного *е* въ словѣ *очень* многіе кладутъ двогласное *ю* которое какъ для согласныхъ літеръ *ч*, въ семъ слогѣ стоя^т не може^т, но до^тженствовало^т бы по силѣ прежняго §⁶⁴ [авторъ ссылается здесь на предшествующее изложеніе] перемѣнено бы^т въ літеру *у*, такъ противно то и наилучшему прои^тношенію, для того что всѣ которы^т мы въ то^т до^тжны послѣдова^т, выговариваю^т сіе слово *очень* а не

очунь, ниждѣ *очунь* въ такіа погрѣшенія въпадаю^т не только чужестранныя, но и многія и^т рускаго народа которы^т или особливо^т прои^тношенію какой нибудь прои^тцѣи послѣдую^т, или о свойствахъ нашихъ літеръ и правил^тномъ и^т употребленіи не рас^тсуждаютъ» (§ 65, стр. 69—70). Итак, легализация слова «очень» в литературномъ языкѣ привну повлекла за собой дифференциацию правильной (книжной) и неправильной (некнижной) формы данного слова. Уместно подчеркнуть в этой связи, что «общее (обыкновенное) употребленіе», ссылки на которое характерны для нашей грамматики (см. выше), совсемъ не отождествляется съ «народнымъ» употребленіемъ или просторечіемъ в современномъ смыслѣ этого слова³¹. Речь идетъ имѣнно о нормахъ литературнаго языка — и при этомъ о нормахъ, основывающихся на русской, а не на церковнославянской языковой стихіи.

3. Итак, передъ нами начало первой грамматики русскаго языка на родномъ языкѣ. Но ближайшее рассмотрение даннаго сочиненія приводитъ къ еще более неожиданному выводу: оказывается, наша грамматика до с^т о в н о с о в п а д а е т с^т одной изъ известныхъ науке иноязычныхъ домоносовскихъ грамматикъ русскаго языка — а именно, с^т упоминавшейся выше грамматикой Михаила Грѣнинга, изданной в Стокгольмѣ в 1750 г. Иначе говоря, грамматика Грѣнинга оказывается не оригинальнымъ сочиненіемъ, какъ это до сихъ поръ считалось, а переводомъ на шведскій языкъ неизвестнаго русскаго источника; во всякомъ случаѣ это можно утверждать в отношеніи первой части грамматики Грѣнинга, но с^т достаточной вероятностью — и в отношеніи второй и третьей ея частей, о которыхъ речь пойдетъ ниже³².

Следуетъ со всей категоричностью подчеркнуть, что грамматика Грѣнинга представляетъ собой именно п е р е в о д, а не пересказъ обнаруженной русскаго грамматики. Вотъ одинъ изъ примеровъ того, какъ слепо следуетъ Грѣнингу своему источнику. В § 5 русскаго грамматики объясняется значеніе буквы *г*, обозначающей взрывной звукъ [g], и не фриктивный [ɣ], принятый в русскаго орфоэпії

³¹ См. специально об этомъ ниже, стр. 56—57 наст. изд.

³² Следуя установившейся традиціи, мы будемъ и в дальнѣйшемъ продолжать говорить о «грамматикѣ Грѣнинга», имея въ виду, однако, не авторскую, а издательскую деятельность послѣдняго.

О Грамматикѣ во обще.

1/ Грамматика есть такая наука, которая об-
ясняетъ и изъясняетъ языкъ приходящъ въ обшче-
ственные употребленія.

2/ Наполе^е изъясняя языкъ состоитъ изъ разныхъ
словъ, которыми другъ друга мысленно и
являемъ, а шкѣное слово соединитъ въ себѣ
одинъ или несколько слоговъ, такъ какъ и
слоги и оны или многыя дѣлѣ составляются
то надлежитъ въ Грамматикѣ перво раз-
суждѣнн о литерѣ, ихъ раздѣленн и повторѣ-
бленн по мѣстѣ ослѣдъ, особливо о дѣлѣ
системѣ, о раздѣлѣ и мѣстѣ словъ, по мѣстѣ о сло-
вѣ соединенн, то есть о цѣломъ словѣ, а на
послѣднѣ какъ дѣлѣ по мѣстѣ положенн
слова правильно употреблять.

3/ Отъ сего проишло раздѣленн Грамматикѣ
на разныя ея части, а именно на Орфографію,
Этимологию, Синтаксисъ и Просодию.

4/ Что касается Грамматикѣ насчетъ, то оное
есть искусство, и происходящъ отъ слова Грамматика.

а.

Копіе

Om GRAMMATICAN i Gemen.

§. 1.

Grammatican är en Konst af inrätta et tal efter wis-
sa Reglor och af rätt Skrifwa.

2. Och som et tal består af deslika ord, genom hvilka
man uttrycker sina tankar uttöcker: samt hwart och et
ord innehåller en eller några stavwetter: stavwetterne äro
en eller flere liksamma stäcke bokstäfver; Så bde man sök
i Grammatican huraktig bokstäfverne, theras indelning och
bruk; theradst skrifwa orden, besynnerligen theras huswund
egenskaper och skilnad sig emellan; sedan the förenade orden,
ther är, et helt tal, och ärdeligen bren hwart ord uti et tal
sål regelmätigt uttändande munda.

3. Huruas är Grammaticans indelning i thes wote-
sa delar, nemligen Orthographien, Etymologien, Synta-
xin och Prosodien, utkommen.

2

4 Svad

Рис. 1. Начало грамматики

(рукопись Библиотеки Академии наук, шифр: 16.7.3, стр. 1).

Рис. 2. Тот же текст в шведском переводе Михаила Гренинга
(изд.: M. G r o e n i n g, Российская грамматика. Thet är Grammatica Rus-
lica., Stockholm, 1750, стр. 1).

XVIII в.³³, причем объяснение производится со ссылкой на латинское или польское *g*: «Малороссіяне прибавили къ си^м [литерам] еще літеру *г* которая произношеніе сходна съ латински^м или съ по^лски^м *g* и имѣ^т гласъ посредств^енные ме^жду наши^м *г* и *к*» (стр. 4). Это буква *а л ъ н о* повторяет Грөнинг в соответствующем параграфе, хотя очевидно, что у него под рукой были более близкие примеры произношения взрывного [g], чем мало что говорящая шведскому читателю ссылка на фонетику польского языка: достаточно было бы сослаться на родной язык Грөнинга. Ср. здесь: «... bokstafwen *г*, som ännu i sitt uttal lika med et Latinskt eller Påliskt *g*, thet är, then äger en medelton emellan Ryska bokstäfwerne *г* och *к*» (стр. 5).

Еще пример такого же рода. В § 57 (см. стр. 55 русского текста) обсуждение необходимости различать *е* и *ѣ* заканчивается следующим выводом: от их смешения произойдет непреодолимая трудность не только для иностранцев, но и для природных русских, почему «имѣ^т мы бо^лшею причину оста^тся при пре^жне^м употребленій си^м літе^р». Грөнинг буквально повторяет эти слова («... hafwe wi större orsak, at blifwa wid theße bokstäfwers förra bruk», стр. 29), не замечая того, что вывод этот, вполне уместный, когда он исходит от русского, звучит по меньшей мере странно в устах иностранца, от которого, к тому же, никак не зависят возможные реформы русской орфографии³⁴.

³³ См. об этом: Успенский, 1968, стр. 41—42; 1971, стр. 15—16.

³⁴ Ср. еще то место стокгольмской грамматики, где говорится о принятом раньше написании слов греческого происхождения на греческий манер типа *Пагкратій*, *аггелъ* и т. п. (§ 77, стр. 44). Здесь читаем: «Men wi antage icke thenna Regeln i vår Orthographie; hwarföre skulle man påtaga sig sådane swårigheter, som ingen nytta med sig hafwa, och hwilka man ganska wäl kan wara förutan...» (т. е.: Но мы не принимаем этого правила в нашем правописании; зачем обременять себя такими трудностями, в которых нет никакой пользы и без которых прекрасно можно обойтись...). Хотя в русском оригинале соответствующее место представлено лакуной (имеем на этом месте пустые — незаполненные — страницы), не может быть сомнений в том, что декларативный характер изложения и употребление выражений типа «wi antage icke» («мы не принимаем»), «vår Orthographie» («наше правописание») обусловлены ничем иным, как дословным переводом русского источника.

Аналогично в § 58 (стр. 55—57) русской грамматики идет речь о том, что различие в произношении гласных *ы* и *и* представляет значительную трудность для иностранцев, «потому что недостае^т имъ въ свое^м языкѣ иногда гласа которой наше^м *ы* свойстве^но приличенъ», тогда как русские легко могут различать пары типа *был* и *был*, *сыр* и *сир*, *сыт* и *сит*: «мы сию ра^зность очень легко познаваемъ, мы ясно слыши^м что літерую *ы* изображае^тся гласъ посредств^енный между літера^м *у* и *и*». В соответствующем параграфе грамматики Грөнинга (стр. 30) на месте последней фразы читаем: «Man kan thenna Afskillnaden [имеется в виду различие между приведенными словами] mycket lätt begripa, när man gifwer nukt på uttalet; ty wi höre tydeligen, at bokstafwen *ы* uttrycker en medelton emellan bokstäfwerne *у* och *и*». Грөнинг буквально перевел слово «мы», которое в оригинале относится, конечно, к носителям языка, т. е. к русским, в одном случае безличным «тап», а в другом — местоимением «wi»; в результате цитированная фраза в грамматике Грөнинга прямо противоречит тому, что было сказано непосредственно раньше: получается (конечно, вопреки желанию переводчика), что шведам легко дается различие, которое, между тем, представляет трудность для нерусских.

Кажется, уже и независимое рассмотрение подобных мест в стокгольмской грамматике могло бы привести к выводу о том, что в ее основе лежит какой-то русский источник³⁵.

³⁵ Некоторые места грамматики Грөнинга вообще невозможно понять адекватным образом, если не обращаться к ее русскому оригиналу. Так, в § 45 (стр. 21) читаем: «... hafwer *плачу*, uti Socunda Persona Indicativi Modi Perfecti temporis *плакалъ*». Странное для грамматиста и, казалось бы, ничем не оправданное (применительно к русскому языку) упоминание о втором лице прошедшего времени представляет собой результат порчи текста: в соответствующем месте русского текста имеем: «*плачу* имѣть по второ^м лицѣ наклоненія п^рявляе^тнаго времени настоящаго *плѣчешъ*, въ прош: вр: *плѣка^л*» (стр. 31). Иначе говоря, в цитированном шведском переводе выпали слова оригинального текста: «... времени настоящаго *плѣчешъ*». При этом соответствующие слова («время настоящаго») попали в другое место данной фразы, что еще более ее обесмыслило (см. здесь «Р г е л е н t i Infinitivi Modi, что соответствует в русском тексте словам «въ наклоненіи неопредѣленно»). См. некоторые другие случаи такого рода в разделе «текстологических примечаний» к тексту грамматики (см., в частности, прим. к стр. 60 и др.).

Грёнинга в принципе также должна соответствовать не дошедшему до нас русскому оригиналу. То же с вероятностью может быть предположено и в отношении совсем небольшой третьей части, посвященной синтаксису и заглавием всего шесть страниц. При этом та близость шведского текста к русскому оригиналу, которая обнаруживается в первой части грамматики, позволяет догадываться о такой же близости и других ее частей.

Сформулированные предположения получают дополнительные подтверждения ниже в связи с обсуждением авторства рассматриваемого сочинения. Именно, мы увидим, что как отдельные фразы в первой части грамматики, которые имеются в шведском тексте, но отсутствуют в тексте русском, так и ее вторая и третья части находя соответствие в сочинениях предполагаемого автора нашей грамматики, откуда естественно полагать вообще, что соответствующий текст принадлежит именно данному автору, а не М. Грёнингу, выступавшему только в качестве переводчика³⁷.

Итак, перевод Грёнинга оказывается одним из основных — и непосредственных — источников при исследовании рассматриваемой грамматики. Вместе с тем, есть определенные основания полагать, что и шведский текст данной грамматики не является исчерпывающе полным по своему составу. Действительно, в том плане грамматики, который представлен в самом ее начале («О Грамматике вообще», см. стр. 1 русского списка или стр. 1 перевода Грёнинга), как мы уже говорили, предполагаются четыре части грамматики, именно: Орфография, Этимология

(т. е. морфология), Синтаксис и Просодия (по-шведски соответственно: Orthographien, Etymologien, Syntaxis, Prosodien); однако последняя часть отсутствует в издании Грёнинга, где имеется всего три части. Ниже будут выявлены некоторые соображения относительно возможного обоснования этой отсутствующей части.

4.1. Кто же был автором данной грамматики? Есть все основания считать, что им являлся Василий Евдокимович Адогуров (или Адагуров, Атагуров, как его иногда называют).

Рис. 3. Василий Евдокимович Адогуров (1709—1780) — автор первой русской грамматики на родном языке.

См. работу неизвестного художника.

Отметим сразу же, что если принять это предположение, становится понятной и легко объяснимой близость грамматики Грёнинга к краткой грамматике Адогурова 1731 г., давно замеченная исследователями (см.: Давыдов, 1855, стр. XVIII; Балицкий, 1876, стр. 18; Унбегаун, 1958, стр. 114—115; Унбегаун, 1969, стр. XII—XIV). В частности, как констатировал Унбегаун, вторая часть грамматики Грёнинга, посвященная морфологии («Om Etymologien», стр. 71—172), не может считаться оригинальной, поскольку она обнаруживает непосредственную зависимость от грамматики Адогурова 1731 г.³⁸ Еще в боль-

³⁷ Сам Грёнинг нигде прямо не говорит о том, что его грамматика является переводом сочинения русского автора, хотя в небольшом предисловии, имеющемся в стокгольмском издании, глухо упоминаются какие-то собранные в России материалы: «Altse hafwer jag thetta lilla werck med flit sammandragit utur mine i Ryskan gjorde Samlingar, och på Swenska förklarar, samt thet så inrättat, at hwar och en theraf kan hafwa tydelig Handledning til bemänte Språk» («Итак, я эту маленькую работу с усердием составил из моих по-русски написанных материалов и по-шведски изъяснил, так устроив, что каждый отсюда может иметь ясное руководство к данному языку») — пишет здесь Грёнинг, но ничто не указывает на то, что в его руках был непосредственный оригинал предлагаемого сочинения. Может быть, поэтому же на титульном листе данного издания указано, что грамматика издана («utgifwen») Михаилом Грёнингом, а не сочинена им.

См. довольно подробное сопоставление обеих грамматик в работе: Унбегаун, 1958, стр. 115. — О знакомстве Грёнинга с соответствующим изданием имеются и документальные данные. Так, в Архиве Академии наук [ф. 3, оп. 11, № 6 (11), также ф. 3, оп. 1, кн. 79, л. 245] хранится рапорт М. Грёнинга 1746 г. в кан-

неспоримых оснований» (Архив Академии наук, разр. оп. 70, № 1а, л. 49). Точно так же и Н. И. Новиков упоминал в своем «Историческом словаре» (изданном еще при жизни Адогурова!) ³⁹, что Адогуров, «будучи адъюнктом Академии наук, сочинил «Правила российской орфографии»» (см. изд.: Новиков, 1772, стр. 2). Адогуров приписывается и книга под тем же названием, изданная якобы в Санкт-Петербурге в 1768 г. (см., например, Евгений, 1838 и 1845, Пекарский, I, стр. 516, Геннадий, I, стр. 8; и др.). Правда, существование данного издания иногда ставится под сомнение (например, П. К. Симонид, см. изд.: Ягич, 1910, стр. 922). Если предположить, что при этом имеется в виду то же сочинение, о котором упоминают Новиков и сам Адогуров, то можно усмотреть здесь всего лишь хронологическую ⁴⁰ — но не фактическую — неточность ⁴¹. Но независимо от того,

³⁹ Очень вероятно, что Новиков лично знал Адогурова. В плане характеристики их отношений заслуживает внимания некое анонимное «Историческое приключение», помещенное в июньском выпуске новиковского «Пустомели» (1770 г.) и написанное самим Новиковым? — в крайне благожелательном тоне. Здесь сообщается о Добровраге, «новгородском дворянине из поколения Стародуровых, поселившемся в тот город еще при царствование Иване Васильевиче Грозном на место побитых дворян, и отпущенном в Петербург сыне его Добросерде». Надо думать, что у читателя предполагалась при этом изначальная ассоциация с Адогуровым (которая, конечно, совсем не обязывала автора «Исторического приключения» к исторической достоверности самого сюжета).

⁴⁰ Адогуров стал адъюнктом в 1733 г. (см. Материалы АН, VI, стр. 233; II, стр. 422; 163, 183—184). В 1741 г. он оставил академическую службу (см. там же, VI, стр. 537).

⁴¹ С другой стороны, соответствующие указания могут реально относиться к «Азбуке церковной и гражданской с краткими примечаниями о правописании», изданной Московским университетом в 1768 г. Это сочинение принадлежит А. А. Барсову (см.: Барсов, 1768), но вышло оно без обозначения автора. Первые библиографы могли приписать его Адогурову, поскольку то был в это время (с 1762 по 1771 г.) куратором Московского университета и соответственно фамилия Адогурова в принципе могла значиться в каких-то экземплярах на титульном листе. Азбука Барсова тем более могла быть принята за сочинение Адогурова, что она обнаруживает весьма значительное сходство с адогуровскими идеями и рекомендациями в отношении русской гражданской орфографии (уничтожение *ъ* на конце слов и замена его в середине апострофом; замена буквы *и* буквой *і* и т. д.); соответствующие идеи могли быть восприняты Барсовым скорее всего

мало ли издано сочинение Адогурова о правилах российской орфографии, самый факт написания им подобного сочинения, ввиду цитированных свидетельств, не подлежит сомнению. Соотнося показания Адогурова и Ломоносова, мы можем заключить, что это сочинение было закончено в 1740 или в 1741 г., но начато было до этого; первоначальном варианте оно могло существовать уже в 1738 г. Соответствующее сочинение с теми или иными поправками и могло войти в качестве первой части грамматику русского языка.

Есть все основания полагать вообще, что Адогуров принимал ближайшее участие в разработке и установлении норм русской орфографии — т. е. специальных правил правописания гражданских текстов, в принципе противопоставленного орфографии церковнославянских книг, — и, может быть, даже являлся в 30-е годы их основным законодателем.

Как иногда предполагают ⁴², Адогуров был автором недоданных до нас орфографических правил 1733 г., предназначенных для индивидуальной типографии, о которых мы знаем на основании позднейшей (1746 г.) полемики М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского об окончаниях полных имен прилагательных в им. падежа мн. числа, а также по упоминаниям в «Разговоре об орфографии...» В. К. Тредиаковского. По свидетельству Ломоносова и Тредиаковского, этими правилами было введено употребление окончаний *-е* в формах прилагательных мужского рода и *-я* в формах женского и среднего родов (это правописание сохранялось, помимо прочим, вплоть до орфографической реформы 1918 г.), причем Ломоносов поддерживал данную орфографию, тогда как

через сочинения Тредиаковского (о влиянии Адогурова на Тредиаковского см. специально ниже).

Если изложенное выше объяснение предполагает ошибку, относящуюся ко времени издания соответствующей книги (не 1768 г., а какой-то более ранний — может быть, 1738?), то данное объяснение предполагает ошибку, относящуюся к месту издания (не Петербург, а Москва).

Трудность решения данной проблемы усугубляется тем обстоятельством, что в первом — прижизненном — издании словаря Евгения Болховитинова (см. Евгений, 1805, стр. 45) указывается, что книга Адогурова опубликована не в 1768 г., а в 1786 г., т. е. уже после смерти самого автора; эта дата повторяется в некоторых источниках, например в словаре Плюшара (1835, стр. 208; статья об Адогурове написана Д. И. Языковым) и Крайя (1847, стр. 87). Однако в окончательной редакции словаря Евгений значится 1768 г. (см. его рукописный оригинал в Гос. Публичной библиотеке, Погод. 2009, т. III, л. 4 об.).

(см.: Макеева, 1961, стр. 15—16, 116).

Тредиаковский настаивал на правописании, приближающемся к церковнославянскому: -и в мужском роде, -е в женском, -я в среднем ⁴³. Знаменательно, что уже в грамматическом очерке Адоду-рова 1731 г. на стр. 29—30 для прилагательных во мн. числе указываются именно окончания -е и -я (правда, без эксплицитного противопоставления по роду); точно так же и в издании Грëнина (во второй части грамматики, см. стр. 77) указывается окончание -е для мужского рода и -я для женского и среднего, что не противоречит предположению о том, что эта грамматика восходит к соответствующему сочинению Адоду-рова.

Можно предположить, что Адоду-ров имел самое непосредственное отношение и к последующим реформам гражданской орфографии.

4.2. До сих пор были высказаны главным образом общие соображения, делающие правомерным предположение об авторстве Адоду-рова; перейдем к конкретным фактам, подтверждающим это предположение. Действительно, рассматриваемое сочинение, — о котором мы можем теперь судить как по найденному русскому списку, так и по его шведскому переводу (в первой части грамматики Грëнина), — обнаруживает целый ряд разительных совпадений с известными до сих пор сочинениями Адоду-рова. Помимо упоминавшегося уже грамматического очерка Адоду-рова 1731 г., мы располагаем еще его неопубликованной заметкой от 11 марта 1737 г., которая посвящена употреблению букв ъ и ь ⁴⁴ (Архив Академии наук, разр. I, оп. 76, № 7, а также другой список — там же, разр. V, оп. А-10, № 1). Авторство Адоду-рова обычно принимается исследователями ⁴⁵ и в отношении другой заметки, относящейся, видимо, примерно к тому же времени, которая хотя и не имеет подписи, но всегда встречается в списках вместе с только что названной

заметкой о ъ и ь (см. обозначенные выше единицы хранения); эта вторая заметка посвящена применению польской орфографической системы при транскрибировании или транслитерировании русских текстов ⁴⁶. Следует иметь в виду, что хотя авторство Адоду-рова в этом случае и представляется вполне вероятным, оно пока не может считаться определенно доказанным. Ниже эти заметки обозначаются соответственно как «Заметка о ъ и ь» и «Заметка о транскрипции».

Одной из показательных иллюстраций указанного совпадения исследуемой грамматики с адоду-ровскими сочинениями может служить, например, рассуждение о функции буквы ъ (см. § 15 грамматики), которое текстуально совпадает прежде всего со специальной запиской Адоду-рова на ту же тему от 11 марта 1737 г. Ср.:

Наша грамматика (стр. 8)

Все его [ера] употребле-
ние состои^т то^тко въ сло-
жении рѣчей которыя
складываю^тся и^и пре^лога
кончающагося на літеру
согласную и и^и другаго
слова начинающагося о^т
літеры гласныя въ таки^х
рѣченіяхъ поста^вляется ъ
после оного пре^лога и
чре^да то согласное ко^нча-
щее пре^логъ о^т слѣдую-
щаго гласного о^дѣляется,
а слѣдовате^лно и къ про-

Заметка о ъ и ь (л. 1)

она [буква ъ] въ сложныхъ
словахъ, которыя состоятъ
из предлога кончащагося
на согласную, и изъ слова
начинающагося съ гласной,
съ предлогомъ стави^тся,
и такимъ образомъ... раз-
личаетъ согласную, кото-
рою предлогъ кончи^тся,
отъ гласной послѣдую-
щаго слова, слѣдова-
тельно... способствуетъ
къ правильном^у произно-
шенію такихъ сложныхъ

⁴³ См. «Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен» Ломоносова в изд.: Ломоносов, 1952, стр. 87; «Разговор об орфографии...» Тредиаковского в изд.: Тредиаковский, 1748, стр. 95—97, 291—296, 331—337, 339; а также статьи Тредиаковского (1746 и 1755 гг.), опубликованные Пекарским (1865, стр. 102—116), Сухомлиновым (см. изд.: Ломоносов, 1898, стр. 3—26 примечаний), Вомперским (1968). — Продолжение полемики с Тредиаковским об окончаниях прилагательных см., между прочим, у Сумарокова (1787, X, стр. 98).

⁴⁴ См. о ней: Пекарский, I, стр. 506; Материалы АН, VI, стр. 455; Протоколы АН, I, стр. 364, 366, 368, 369, 371, 396, 407.

⁴⁵ См.: Грот, 1899, стр. 603, прим. 1; Макеева, 1961, стр. 21, а также комментарий Г. П. Блока и В. Н. Макеевой в изд.: Ломоносов, 1952, стр. 842.

⁴⁶ Но не латинизации русского алфавита, как это иногда неправильно понимается (так, например, у Макеевой, 1961, стр. 21). Есть все основания полагать, что данная записка была составлена в связи с подготовкой географического атласа, т. е. непосредственным стимулом к ее составлению была практическая задача передачи в латинице русских географических названий. Действительно, основная часть этой записки была опубликована в 1742 г. в проспекте «Атласа Российского» (см. изд.: Атлас 1742 г., стр. 15—16), а затем — в латинском, французском и немецком переводах — в иноязычных версиях «Атласа российского» (см.: Атлас 1745 г., латино-французское изд., стр. 9—10; немецкое изд., стр. 5—6). Ср. еще немецкий текст в рукописном списке Архива Академии наук (разр. I, оп. 23, № 19).

и^иношенію такі^и сложны^и словѣ подается нѣкоторая спосо^бность... на примѣ^р слово *подъемлю* которое складывае^тся и^и пре^лога *подѣ* и глагола *емлю* въ срединѣ пол^лѣ літеры *д*... знакъ... имѣетъ которой показываетъ что... *д* въ прои^иношеніи на^лежи^и до гласн: *о* а не до слѣдующаго гласнаго *е*...

Далее, в шведском переводе грамматики следует фраза, отсутствующая в нашем русском списке: «...samt at theta ordet utsäges *под-емлю*, och intet *по-демлю*» (см. стр. 9 издания Грѣнинга). Эта фраза, между тем, дословно соответствует продолжению цитируемой заметки 1737 г.: «и такъ читается *подъемлю* а не *по-демлю*»; с другой стороны, она находитъ соответствие и в аналогичном месте адодуровского очерка 1731 г.: «*подъемлю* wird gelesen *podjemliu* nicht *podemliu*» (стр. 5). Этот случай подтверждаетъ высказанное выше предположение о том, что различия между шведским и русским текстом исследуемой грамматики обусловлены различием списков, а не инициативой переводчика (Грѣнинга); ниже будутъ приведены и другие случаи подобнаго рода.

Аналогичное совпадение нашей грамматики с обоими сейчасъ цитированными сочинениями Адодурова — с замечкой о ѣ и ъ и с очеркомъ 1731 г. — наблюдаемъ и в рас^суждении о букве ѣ (см. § 14). Ср.:

Наша грамматика (стр. 7) > Заметка о ѣ и ъ (л. 1—1 об.)

ѣ имѣетъ силу половину гласныя літеры *ї* то есть ея гласъ или зво^н въ прои^иношеніи продо^джае^тся то^тко на половину времени должнаго гласному *ї* и того ради признавается она не за сове^еше^нно но токмо за по^лгласную лі^тте^ру, когда она приклады-

слов, напримеръ: въ словѣ *подъемлю*, которое сла^ггается изъ предѣлога *подѣ* и глагола *емлю*... літера ѣ... въ срединѣ постав^ленная... показывае^т, что літера *д* при произношеніи принадле^житъ къ предыдущей гласной *о* а не к послѣдующей *е*...

Літера ѣ... имѣетъ половину звон^т гласной *ї* ибо оную выговаривать должно въполовину времени противъ того въ какое гласная *ї* произносится изъ сего слѣдуетъ что літера ѣ сама собою... ни какого звону не имѣетъ, но токмо предыдущую

пает^я къ которой нѣбу^д. и^и согласны^и літе^р тогда гла^д он^я согла^нныя въ прои^иношеніи нѣско^ко умягчае^т и притомъ дѣ^лаетъ ра^личіе и въ само^м знаменованіи словъ такъ слово *братъ* ра^нствуетъ о^т слова *братъ*...

согласную в произношеніи нѣсколько умягчае^т, и потомъ сія літера въ старинныхъ славенскихъ грамматикахъ съ довольнымъ основаніемъ за совершенную гласную не положена... сверхъ показанной разности въ звонѣ, при согласныхъ отъ с^ея літеры происходящемъ дѣ^лаетъ она такъже дѣ^лствительную разность и въ самыхъ словахъ напри^мѣръ *братъ* и *братъ*.

См., наконец, о том же и в очерке Адодурова 1731 г.: здесь говорится, что буква ѣ «wird wie ein halb verschlungenes J ausgesprochen, als *братъ* ließ *bratj*...» (стр. 5).

Совершенно так же уже цитированное указание из § 58 нашей грамматики, что «літерую ѣ изображае^тся гласъ посре^едстве^нный между літера^ми *у* и *и*», — равно какъ замечание о своеобразии соответствующаго русскаго звука и о той трудности, которую он представляетъ для иностранцев, несомненно, восходитъ к сообщению в очерке 1731 г. (стр. 5), где говорится, в частности, что ѣ произносится какъ *иу* при одновременной артикуляции (причемъ имеется в виду польское звучание соответствующихъ латинскихъ букв). Ср. здесь: «*И* ist ein Buchstab, welcher der Russischen Sprache ganz eigen ist. Die Pohden [sic! читай: Pohlen] exprimiren ihn durch ein *у*. Eigentlich aber ist seine Pronunciation wie ein *Уу*, so daß diese Vocale gleichsam zusammen gegossen werden. Beßer läßt sich die Aussprache davon mündlich lehren». Ср., между прочим, в «Заметке о транскрипции» указание, что ѣ произносится «какъ короткое *иі*» (л. 3).

Аналогичнымъ образомъ в сочиненияхъ Адодурова находятъ соответствие и указание о произношеніи букв *е* и *ѣ*, которые отождествляются в начале слога, но противопоставляются в позиции после согласнаго. См. в § 49 исследуемой грамматики: «*е* употребляется въ приро^нны^и руски^и рѣченія^х какъ въ началѣ такъ въ срединѣ и

въ концѣ. Когда оно полагаетъся въ началѣ или также въ серединѣ и въ концѣ слова, но послѣ какого нибудь гласного или доегласного тогда получаетъ силу писмени доегласного и выговариваетъ такъ будто бы и *ѣ* и *е* сложено было какъ на примѣрѣ въ словахъ *единъ, ученіе, уединеніе*, а когда сѣ *е* полагаетъся въ срединѣ или въ концѣ слова но послѣ какой нибудь согласной лѣтеры тогда выговариваетъ чисто и совершенно такъ какъ простое гласное то есть *бѣ* примѣса къ оному лѣтеры *ѣ* какъ на примѣр: въ словѣ *дерево*; *ѣ* употребляется токъ въ чужестраннымъ реченіямъ а выговариваетъ во всѣхъ случаяхъ такъ какъ наше *е* послѣ писмени согласнаго положенное» (стр. 34—36 русского списка; ср. стр. 22 шведского перевода). Далее в § 55 говорится о букве *ѣ*: «*ѣ* есть писмя доегласное для того что оно два равные гласа вмѣстѣ соединяетъ а лѣт: *е* гласная которая и являетъ простой токъ члвческой гласъ... *ѣ* съ лѣт: *е* токмо въ такихъ случаяхъ имѣетъ сходное произношеніе когда *е* находится въ началѣ слова или послѣ какого нибудь писмяннаго гласного и... оно тогда силу доегласного получаетъ такъ будто бы и оно и *ѣ* и *е* состояло о сего разсужденія можемъ мы то уже довольно видѣть что лѣт: *ѣ* и *е* ме собою весьма разнствуютъ, и что некоторой и *ни* во всѣхъ случаяхъ вмѣсто другой употреблять и слѣдовательно за и лишнюю почита не можно» (стр. 42 русского списка; ср. стр. 25 шведского перевода). Ср. еще в § 56: «что узана гдѣ *ѣ* или *е* въ срединѣ слова писа надобно... на лежи прилжно примѣча какъ которое слово выговариваетъ, такъ ежели мы примѣчаемъ, что въ произношеніи два гласныя *ѣ* и *е* вмѣстѣ соединяются то надобно тогда писа доегласное *ѣ* а когда слышно оди токъ простой глас *ѣ* тогда надобно полагать въ ономъ случаѣ лѣт: *е* такъ напримѣръ въ словѣ *лѣсъ* примѣчаемъ мы соединеніе двухъ гласныхъ *ѣ* и *е*, въ одинъ голосъ и для того пишемъ оное чре *ѣ* а въ словѣ *лѣсть* слыши оди токъ простой гласъ *ѣ* то оное и пишемъ не чре доегласное *ѣ* но чре простое *е*» (стр. 46—47 русского списка; ср. стр. 26—27 шведского перевода). Иначе говоря, различіе данных букв состоит в том, что буква *ѣ* смягчаетъ предшествующий согласный, тогда какъ перед буквой *е* такого смягченія не происходит, т. е. читается твердый согласный; между тем, в начале слога *е* и *ѣ* произносятся одинаково

какъ «двугласные», по выражению нашего грамматиста, т. е. какъ йотированный гласный звукъ»⁴⁷. Ср. такое же указание в адодуровскомъ очерке 1731 г.: «*E* wird von Anfang einer jeden Silbe wie *Je* gelesen, als *единъ*, ließ *лѣдін*, sonstn aber am Ende der Silben wie ein schlechtem *E* ausgesprochen, als *есметво* wird gelesen *jestestwo*; *варнее*, ließ *werchneje*» (стр. 4); между тем, о букве *ѣ* вѣдѣсь говорится, что она произносится «wie *JE* im Teutschen» (стр. 5). Точно такъ же в «Заметке о транскрипции» лаконично сообщается, что *е* произносится какъ польское «*ie* вначалѣ, а на концѣ слога какъ *e*», между темъ какъ *ѣ* соответствуетъ здѣсь *je*; позиция «на концѣ слога», несомненно, соответствуетъ в данномъ случаѣ положенію после согласнаго.

Предложеніе о введеніи в русскую гражданскую азбуку буквы *г* для обозначенія взрывнаго звука [g] (обычнаго в разговорной речѣ, но недопустимаго в специальномъ книжномъ произношеніи)⁴⁸, которое можно найти в шведской версіи § 5 исследуемой грамматики, подтвердится опять-таки в томъ же очеркѣ Адодура 1731 г. Необходимо подчеркнуть в этой связи революціонный характеръ данного нововведенія, знаменующаго своеобразную легитимацию русской некнижной фонетики, т. е. признаніе возможности включенія ея в сферу литературнаго (письменнаго) языка⁴⁹.

⁴⁷ Невозможно согласиться съ Унбегауномъ (1969, стр. XIII), когда онъ (основываясь на шведскомъ перевѣдѣ соответствующихъ замечаній в изданіи М. Грѣнинга) видитъ здѣсь указаніе на то, что буква *ѣ* произносилась какъ дифтонгъ [ie]. Достаточно указать, что «доегласными» (или по-шведски «*tweljudande bokstäfwer*») здѣсь одновременно именуются и буквы *я*, *ю* (см. § 10 — стр. 6 русского списка или стр. 7 перевода Грѣнинга), т. е. несомненно рѣчь идетъ о предшествующей йотации при произнесении в началѣ слога.

Описанное различіе обеихъ буквъ в точности соответствуетъ вообще орфоэпическимъ нормамъ данного времени, см.: Успенскій, 1968, стр. 29—35; 1971, стр. 13—15.

⁴⁸ При томъ, что буква *г*, какъ уже говорилось, закономерно связывалась по нормамъ книжнаго произношенія съ соответствующимъ фрикативнымъ звукомъ.

⁴⁹ О революціонномъ характерѣ введенія в алфавитъ буквы, обозначающей звукъ [g], можно судить хотя бы по «Разговору об орфографіи...» Тредьяковскаго, гдѣ также высказывается данное предложеніе. Сообщая о немъ своему собесѣднику, «Россійскій челоѣкъ», отъ лица котораго говоритъ самъ авторъ, опасается возможныхъ неприяностей и принимаетъ мѣры предосторожности. «Чуже-

Совершенно так же должно расцениваться и признание за диграфом *io* прав специальной буквы («en tweljudande bokstaf» — «двогласной литеры»), т. е. признание возможности осмыслить его как элементарную единицу в инвентаре графических средств, необходимых для письменной фиксации русской речи; см. об этом в § 97 нашей грамматики⁶⁰. Надо сказать, что это вообще, по-видимому, одно из первых упоминаний о данном диграфе. Ту же самую букву можно найти, между прочим, и в «Заметке о транскрипции» (л. 3), где она завершает перечень букв русской азбуки; если данная заметка была составлена Адодуровым, то это совпадение представляет особый интерес и может служить еще одним доводом в пользу его авторства.

Наконец, весьма значительное сходство рассматриваемого сочинения с адодуровским очерком 1731 г. можно обнаружить в разделе, посвященном сокращенным (подтительным) написаниям (§ 105). Следует отметить вообще почти полное совпадение в списке приводимых форм между обоими источниками, причем в ряде случаев сами формы представляются более или менее необычными, ср., например, «трѣ — трисвятъ», «очѣ — отецъ», «очѣскій [в очерке 1731 г. — очѣ, у Грѣнинга — очѣскъ] — отецскъ» и т. п. Особенно же замечательно следующее сокращение: «дѣка — дѣвка»⁶¹, которое находим как в нашей грамматике (см. стр. 115 русского списка; это сокращение,

странный человек» в следующих выражениях просит показать ему соответствующую букву: «Однако, г. м.; насъ теперь двоѣ: а я кленусь вамъ всѣмъ тѣмъ, чего у меня нѣтъ важнѣе, что не вынесу нікому: скажите, какуюбъ вы хотѣли дать фигуру [sic! читай: фигуру] сей буквѣ?» На это «Российский человек» говорит о возможности ввести в алфавит букву *г*, но свое объяснение заключает словами: «Впрочемъ, покорно прошу, держать сіе про себя, і вымысла моего нікому не собшчать» (см. Тредиаковский, 1748, стр. 382—383).

⁶⁰ Этот параграф сохранился лишь в шведском переводе (см. стр. 54 издания Грѣнинга), так как в русском списке соответствующее место представлено лакуной (данный параграф приходится здесь на пустые страницы, которые должны были быть дописаны позднее).

⁶¹ Соответствующий корень передается здесь через *e*, не через *ѣ*; ср. также: «дѣка — девица, дѣтво — девство» (у Грѣнинга эти слова переданы через *ѣ*). В очерке Адодурова 1731 г. — «дѣвка».

между прочим, отсутствует в соответствующем месте перевода Грѣнинга, стр. 60 цит. изд.), так и в соответствующем разделе краткой грамматики Адодурова 1731 г. Данное совпадение знаменательно уже потому, что ни в каком другом грамматическом сочинении это сокращение, насколько нам известно, не приводится: самая форма представляется вообще достаточно специфической.

Между тем источник данной формы представляется совершенно ясным: она находится в определенной генетической связи с типичными скорописными аббревиационными формами, т. е. сокращениями, употребляемыми исключительно в скорописных текстах. С одной стороны, скоропись, по-видимому, достаточно рано могла ассоциироваться с собственно русским языком, находящимся в отношении перевода к книжному церковнославянскому языку, как это видно, между прочим, из того, что здесь под титулом в принципе могли писаться русские (некнижные) эквиваленты церковнославянских подтительных слов⁶². С другой стороны, сокращения (в том числе и подтительные) в скорописных текстах не связывались непременно с сакральными словами, но могли применяться, например, к наиболее употребительным словам и т. п.⁶³ Об этом прямо говорится, между прочим, в § 104—105 исследуемого текста грамматики: здесь именно сообщается, что хотя «въ нынѣшней гражданской печати употребленіе тѣхъ весма оуоставлено... оунако⁶⁴ несмотря на сіе оныя титулы въ скорописи еще и нынѣ почти оу все⁶⁵ употребляются не токо какъ простыя знаки сокращенія, а не такъ бу⁶⁶то бы они значили такія слова, которыя, или нѣчто высокое, или нѣкоторую свѣтость въ себѣ соде⁶⁷жа⁶⁸» (стр. 113—114 русского списка, ср. стр. 58 шведского перевода)⁶⁹. Отсюда и могла появиться такая характерная форма, как *дѣка*, — с одной стороны, этимологически соотносящаяся с такими принятыми сокращениями, как *дѣа*, *дѣца* и т. п., с другой же стороны, — никак не обозначающая в данном случае сакральность сокращаемого слова.

В связи со сказанным заслуживают особого внимания вообще ссылки на практику скорописи, которые несколько раз встречаются в нашей грамматике (см., например, § 15, стр. 9, и § 105,

⁶² Так, например, если в славянских текстах мы встречаем сокращение *нынѣ* («нынѣ»), то в скорописи может встретиться форма *тѣсь* («тотчасъ») и т. п. См. перечень скорописных сокращений в кн.: Беляев, 1911, стр. 30—31.

⁶³ Показательно в этой связи, что уже в первой грамматике Адодурова (1731 г.) среди аббревиатур фигурируют такие типичные скорописные сокращения, как *днѣга*, *днѣгъ*, т. е. «дѣнга», «дѣнегъ» (стр. 7).

⁶⁴ Вместе с тем характерно, что при аббревиатуре «мѣцъ — мѣсець» (помещенной в списке подтительных сокращений, стр. 116) стоит специальное указание: «не значи⁷⁰ почтенія». (Это указание, между прочим, отсутствует в переводе Грѣнинга).

стр. 113—114) и которые в известных случаях могут служить ее автору оправданием того или иного формулируемого им принципа⁵⁵. Показательно, в частности, что, предлагая упразднить написание конечного ера, наш грамматист ссылается именно на прецедент подобного написания в скорописных текстах (см. стр. 9 русского списка или стр. 10 шведского перевода). Можно сказать вообще, что противопоставление скорописного и книжного письма, воспринимавшееся в свое время в самой непосредственной связи с противопоставлением книжного и некнижного языка (так же как и более позднее противопоставление церковной и гражданской азбуки печатных книг), в известной мере определило характер представлений о русском языке в первых опытах кодификации живой речи⁵⁶.

Наконец, заключительный абзац § 105 нашей грамматики, который ввиду пропуска текста на стр. 118—119 русского списка дошел до нас только в шведском переводе, обнаруживает дословное совпадение с адодуровским очерком 1731 г. Ср.:

Гренинг (1750, стр. 65)

Utom theße wanlige ord, warda fuller ock andra abbrevierade: men som the af ofwanstående kunna lätteligen härledas och förstås, så äro the förthen-skul här bortlemnade. Såsom til Exempel orden:

Адогуров (1731, стр. 8—9)

Unterschiedliche Abbreviaturen von dieser Art, sind hier zum Überfluß hinweggelassen worden, weil sie sich jedoch allen falls auch bey andern finden, oder doch wenigstens aus den vorhergehenden her-

⁵⁵ Подобные апелляции, между тем, совсем не характерны для Тредиаковского, который в одном месте «Разговора об орфографии...» даже заявляет: «мнѣ вѣтъ дѣла до скорописи» (1748, стр. 226); не исключено, что при этом имеет место скрытая полемика с рассматриваемой грамматикой (о знакомстве с ней Тредиаковского см. ниже, стр. 51 сл. наст. изд.). Точно так же и Ломоносов (1755, § 129) может сослаться на скоропись как на источник не правильных написаний.

⁵⁶ Ср. характерное различие и противопоставление букв двух родов: «Character Biblicus» и «Character Usualis, profanus et communis» в нисском букваре Г. Давида, 1690 г. (см. Унбегаун, 1958, стр. 100) или аналогичное противопоставление «книжного писания» и «скорописного писания» в предисловии к Азбукнику XVII в., описанному Пруссак (1915, стр. 14), где писец в числе причин, побудивших его писать скорописью, ссылается между прочим, на свое «ненаучение». Эта ссылка относится, видимо, не столько к особенностям графического изображения, сколько к особенностям некнижного языка, которые могут быть оправданы именно применением скорописи, но были бы неуместны при ином написании.

аггльскій, архггль, архггльскій, kan man tilfylllest förstå af ordet аггль, emedan the på samma sätt blifwa abbrevierade.

leiten lassen: Dergleichen sind zum Exempel Аггльскіи, Архаггль, Архаггльскіи, welche von dem einzigen Worte Аггль, hergeleitet, und also sehr leicht können verstanden werden, so man nur darauf acht giebt.

4.3. Возвращаясь к уже обсуждавшейся проблеме, следует особенно подчеркнуть, что и те немногочисленные места в первой части стокгольмского издания, которые отсутствуют в соответствующем русском тексте (см. о них выше) и в принципе могли бы, таким образом, рассматриваться как интерполяции Гренинга, в целом ряде случаев обнаруживают совпадения с адодуровскими сочинениями. Выше (стр. 36) мы уже отмечали один такой случай (пример с произношением слова *подъе́млю* в § 15); совершенно так же замечания о буквах *и*, *і*, *8*, *ω*, которые имеются в § 8 издания Гренинга (но отсутствуют в русском списке), находят соответствие в аналогичных указаниях адодуровского очерка 1731 г. (стр. 4—5); предложение включить в азбуку букву *г* для передачи взрывного *[g]* (см. § 5) отсутствует в русском списке грамматики, но содержится в том же очерке (стр. 3—4); не вполне обычная по своему составу азбука старой печати, приводимая в § 5 шведского текста, но отсутствующая в нашей рукописи, в точности соответствует, опять-таки, очерку 1731 г. (стр. 3); указание о возможности исключить из азбуки буквы *у* и *ѳ* (§ 5), также отсутствующее в русском списке, находит соответствие в «Заметке о транскрипции», если ее приписывать Адодурову, а отчасти и в очерке 1731 г.⁵⁷ Подобные примеры подтверждают как предпо-

⁵⁷ Вместе с тем о возможности исключить букву *ѳ* говорится и в § 72 нашей грамматики (стр. 79—80 русского списка, стр. 39 шведского перевода).

Что же касается содержащегося в том же § 5 (шведской версии) предложения исключить букву *і*, оставив букву *и* в качестве общего обозначения, то в очерке 1731 г. делается обратное предложение: исключить *и*, оставив только *і* (последнее предложение было, между прочим, поддержано Татищевым и Тредиаковским, см. ниже, стр. 68 и 86, прим. 147).

жение об авторстве Адодурова, так и предположение о том, что разночтения между соответствующими русскими и шведскими текстами обусловлены скорее всего не инициативой Грёнинга.

5. Итак, рассматриваемая грамматика представляет собой пространную грамматику Адодурова. С одной стороны, эта грамматика отражает, видимо, дальнейшую работу автора над вопросами языка после выхода в свет его очерка 1731 г. Следует иметь в виду, что уже при издании этой первой своей грамматики Адодуров располагал определенным материалом для более подробного трактата. В заключительном абзаце названного очерка (стр. 48 цит. издания) Адодуров сообщал читателям, что в данном издании изложены только начальные сведения по русскому языку, но что соответствующих правил имеется вообще гораздо больше; по условиям объема их изложение приходится оставить для более обширного сочинения, а до тех пор автор просит читателя довольствоваться этим кратким очерком. Значит, уже и в то время Адодуровым предполагалось написание пространной грамматики русского языка и была начата работа в этой области.

С другой стороны, написание данной грамматики могло быть ближайшим образом связано с деятельностью «Российского собрания» при Академии наук (образовано в 1735 г.)⁵⁸, активным членом которого был Адодуров. Одной из основных задач, стоящих перед данным собранием, было именно создание грамматики русского языка⁵⁹. Адодуров тем более способен был выполнить эту задачу, что: а) у него был уже довольно большой задел к данной работе в виде очерка 1731 г., а также упомянутых материалов, не вошедших в данный очерк; б) он пользовался признанным авторитетом в области кодификации русской литературной речи⁶⁰; в) он продолжал вплотную зани-

маться лингвистическими вопросами (об этом свидетельствуют хотя бы цитированные его заметки, а также редакторская работа над переводом немецкой грамматики⁶¹, выразившаяся, в частности, в разработке русской грамматической терминологии).

По сенатскому указу в июле 1737 г. Адодурову было поручено дважды в неделю обучать при сенате сенатских и коллежских юнкеров «грамматики славянской и латыни читать»⁶²; можно полагать, однако, что речь шла в действительности об обучении русскому языку, так как в академическом реестре на 1737 г. (от 31 декабря 1737 г.) указывается, что адъюнкт Адодуров «обретающихся при правительствующем сенате юнкеров обучает по дважды в неделю в чтении и писании российского диалекта»⁶³. Уже в следующем 1738 году Адодуров должен «российскому языку учить» в публичных лекциях, возобновляемых с 1 июня 1738 г. в так называемом академи-

важное средство в выработке норм русского литературного языка (такой взгляд отвечал, в сущности, и предназначению Российского собрания, см. Материалы АН, II, стр. 633). Между тем второй отзыв специально посвящен вопросам правильного различения «славянского» и «русского» языков. В справке об Адодурове, поданной Академией наук в кабинет императрицы в мае 1740 г., отмечается, что он «к переводам ученых дел и к привождению в лучшее совершенство российского языка с немалой пользою употреблен быть может» (там же, IV, стр. 408—409). Любопытно, что в 1740 г. в числе «книг, которые Академия наук для употребления при гимназии еще 19-го марта 1739-го году изготавить приказала и доныне при гимназии не находится», наряду с учебниками по логике, истории, риторике, упоминается «Собрание российских писем господина Ададурова», — по-видимому, какое-то учебное пособие по русской словесности (там же, IV, стр. 482).

Достаточно знаменательно, наконец, и то, что именно Адодурову было поручено в 1744 г. преподавать русский язык невесте наследника престола — будущей императрице Екатерине II. См. об этом и, в частности, об особом внимании Адодурова к произношению в мемуарах Екатерины (в изд.: Екатерина, 1907, стр. 48, 210, 225). Екатерина сообщала между прочим, что она по ночам «заучивала наизусть тетради», которые оставлял ей Адодуров (стр. 210); есть все основания полагать, что это письменное руководство, составленное Адодуровым, находилось в ближайшем отношении к его пространной грамматике.

⁵¹ См. документы за разные годы, опубликованные в изд.: Материалы АН, II, стр. 413; IV, стр. 710; V, стр. 122; VI, стр. 313; ср. там же, VII, стр. 55.

⁶² Материалы АН, III, стр. 425; ср. еще там же, VI, стр. 451.

⁶³ См.: Материалы АН, III, стр. 572.

⁵⁸ О истории Российского собрания см. Любименко, 1935.

⁵⁹ Об этом говорится во вступительной речи Тредиаковского, произнесенной при открытии Российского собрания, а также в его письме от 11 октября 1736 г. («Письмо некоего россиянина...»). См. подробнее ниже, стр. 70 наст. изд.

⁶⁰ См., например, отзывы Адодурова на перевод «Флориновой генеральной экономики» (1734 г.) «или на славяно-российский лексикон Егера (1742 г.). См.: Материалы АН, II, стр. 485—486; V, стр. 45—46; ср. также т. III, стр. 572. Как видно из первого отзыва, Адодуров рассматривал переводческую деятельность как

чешском университете⁶⁴, причём, по свидетельству самого Адодурова, он принужден «все, что до того надлежит, сам вновь сочинять»⁶⁵. Эти лекции Адодуров продолжает читать в 1739⁶⁶ и 1740 годах, причем в справке об Адодурове 1740 г. прямо говорится о создании Адодуровым новой русской грамматики: согласно этому отчету, адъюнкт Адодуров «по силе опубликованной июня 1-го дня 1738-го года росписи академических лекций, по четыре дни в неделю, а именно: по вторникам, по средам, по четверткам и по пятницам, по утру с 8 до 9 часов, в российском языке наставление дает, а сверх того еще новую грамматику, для способнейшего изучения сего языка, делает»⁶⁷. Нет никаких сомнений, что речь идет здесь именно о нашей грамматике. Работа над ней велась, таким образом, еще в 1740 г.⁶⁸; стало быть, обнаруженный русский список представляет один из ранних ее вариантов⁶⁹. При этом

⁶⁴ Там же, III, стр. 723; при этом назначение Адодурова на эту должность оправдывается тем, что «никто из профессоров в российском языке потребного к наставлению искусства не имеет»; см. доношение Синоду от Академии наук от 31 мая 1738 г., цитируемое в изд.: Сухомилов, II, стр. 407—408.

⁶⁵ «По приказу главного академии командира... фон Корфа, и по разсуждению академии наук, — доносил Адодуров 15 июля 1738 г., — положена на меня сия должность: чтоб по всякой вторник, среду, четверток и субботу публично в академии показывать надлежащая до российского языка правила, а по совершении оных, толковать на том же языке реторику. К исполнению которого дела принужден я все, что до того надлежит, сам вновь сочинять, и на то употреблять тем больше времени, что в сем, как весьма новом деле, по сие время еще никакого предводителя не имею, которому бы в том можно было последовать». См.: Материалы АН, III, стр. 753.

⁶⁶ См.: Материалы АН, IV, стр. 91; данные относятся к апрелю 1739 г.

⁶⁷ Материалы АН, IV, стр. 408—409; данные относятся к маю 1740 г. Показательно, что к этому же времени относятся и цитированный выше рапорт Адодурова, где он сообщает, что продолжает «сочинение о приведении в известные правила Российского правописания».

⁶⁸ Между тем в справке о занятиях Адодурова, поданной Академией наук в июле 1741 г. (см. там же, IV, стр. 710), данная грамматика уже не указывается. По-видимому, к тому времени работа над ней была прекращена. С другой стороны, осенью 1740 г. прекратились и публичные лекции при Академии наук (см. Кулябко, 1962, стр. 639).

⁶⁹ Это обстоятельство позволяет объяснить отдельные расхождения данного списка со шведским переводом, о которых уже шла

текстологическое сопоставление исследуемой грамматики с цитированной выше заметкой Адодурова о буквах *ъ* и *ь* показывает, что грамматика была написана позднее указанной заметки, следовательно, после марта 1737 г.⁷⁰ Непосредственным стимулом к написанию данной грамматики могли быть публичные лекции при Академии наук 1738—1740 гг. Вместе с тем первая часть грамматики Адодурова, посвященная вопросам орфографии, могла быть подготовлена им в прямой или косвенной связи с орфографической реформой 1738 г.⁷¹ Итак, по всей вероятности, грамматика была написана не ранее 1738 г.; в этом случае описанная рукопись, принадлежащая И. Сердюкову, представляет собой один из самых первых списков грамматики.

Адодуров, кажется, не вел занятий в академической гимназии до августа 1740 г. (когда ему поручается преподавать здесь математику⁷²), но И. Сердюкова он мог знать и раньше — хотя бы как земляка (они оба из Новгорода). Очень вероятно, что Сердюков посещал лекции Адодурова в академическом университете (следует иметь в виду, что возобновление публичных лекций при Академии наук в 1738 г. было вызвано как раз тем, что некоторые ученики академической гимназии оказались в состоянии слушать профессорские лекции⁷³, т. е. эти лекции и

речь выше (см. стр. 24). Действительно, в руках М. Грёнинга мог быть более поздний список.

⁷⁰ Доказательством может служить хотя бы идущее от славянской грамматической традиции рассмотрение букв *ъ* и *ь* как «припряжногласных», которое безоговорочно принимается Адодуровым как в заметке 1737 г. (л. 1 об.), так и в очерке 1731 г. (стр. 3), но против которого он возражает, однако, в данной грамматике (см. специально § 16). Об аналогичном возражении Тредиаковского см. ниже, стр. 59, а также стр. 179.

⁷¹ Следует иметь в виду, что именно первая часть была, по-видимому, написана заново, тогда как другие части грамматики представляют собой распространение соответствующих разделов адодуровского очерка 1731 г.

⁷² См.: Материалы АН, IV, стр. 448—449, 452—453; VI, стр. 525.

⁷³ См.: Толстой, 1885, стр. 11; Кулябко, 1962, стр. 39, прим. 52. В печатном объявлении о возобновлении публичных лекций с 1 июня 1738 г. сообщалось так: «Понеже в бывшем пред недавним временем в обретающейся при Академии Гимназии экзамене не малое число таких учеников нашлось, которые к слушанию профессорских лекций и довольноую способность имеют» (см.: Кулябко, 1962, стр. 39, прим. 52). Ср. тот же текст

были предназначены в какой-то степени для гимназистов⁷⁴). Можно предположить, что Адодуров вообще давал грамматику своим слушателям для переписывания; во всяком случае, он мог ее дать своему земляку Ивану Сердюкову. По-видимому, он давал ее переписывать по частям, по мере изложения курса; наконец, он мог просто диктовать свое сочинение слушателям, как это делали, например, Тредиаковский⁷⁵ и Ломоносов⁷⁶ и как это вообще было принято⁷⁷. Последнее предположение и кажется нам наиболее вероятным. Отсюда могут объясняться пустые страницы с пропущенным текстом в рукописи Сердюкова и, с другой стороны, характер некоторых исправлений, представленных в тексте (которые могут быть обусловлены спонтанной редактурой в процессе диктовки). Важно отметить в этой связи, что в тех случаях, когда в русском списке грамматики наблюдаются какие-либо вставки или дополнения, они, как правило, оказываются учтенными в переводе Гренинга (см., например, дополнения на полях стр. 36 и стр. 126; точно так же в шведском переводе учтены слова, вставленные над строкой на стр. 45, 47, или исправления на стр. 9, 27, 70

в постановлении Академии наук от 31 мая 1738 г. (Материалы АН, III, стр. 722).

⁷⁴ Посещение лекций Адодурова, как и других лекций, читаемых в академическом университете, было обязательным — по крайней мере для определенного контингента учащихся. Так, 19 сентября 1739 г. восемь студентов (в их числе Никита Попов, Алексей Барсов) подали рапорт, в котором говорится: «В прошлом 1738-м году июня 1-го дня назначены мы... по приказу академии наук, на девять лекций господ профессоров и адъюнкта Адодурова, на которые мы и поныне все ходим». Студенты просили освободить их от лекций Винштейна, Леруа и Штруба, мотивируя это тем, что им «со всеми оными лекциями вдруг, не имея притом во всей неделе ни единого к просмотрению оных полудня, справиться никак невозможно» (см.: Материалы АН, IV, стр. 207). Итак, лекции не только слушались, но и прорабатывались.

⁷⁵ См.: Пекарский, II, стр. 124; История Академии наук, 1958, стр. 276—277.

⁷⁶ См.: Мойсеева, 1971, стр. 43, 157.

⁷⁷ Вот как описывает С. Т. Аксаков (1909, стлб. 307) в своих воспоминаниях преподавание грамматики славянского языка в среднем классе гимназии на рубеже XVIII и XIX вв. Преподаватель (Н. М. Ибрагимов, выпускник Московского университета) «диктовал свою славянскую грамматику для тех, кто ее еще не слушал и у кого ее не было; обыкновенно один ученик писал под диктовку на классной доске, а другие списывали прочитанное».

русского списка). Равным образом куски текста, зачеркнутые в русском списке грамматики (например, на стр. 12, 13, 126), отсутствуют и в шведском тексте.

Если принять предложенное объяснение, то следует заключить, что Адодуров начал писать данную грамматику в 1738 г. (между тем как подготовительные работы велись им еще в конце 20-х годов), продолжал писать ее в 1739 г. (ср. записи с упоминанием разных чисел 1739 г. в нашей рукописи) и в 1740 г. (ср. цитированное выше свидетельство самого Адодурова); окончена эта грамматика (в том виде, в каком она дошла до нас в переводе Гренинга) могла быть в 1740 г. или по крайней мере в первой половине 1741 г.

Что же касается рукописи, принадлежащей И. Сердюкову, то она была начата предположительно в июне 1738 г., одновременно с началом чтения лекций Адодуровым. Довольно скоро после начала чтения лекций было прервано каникулами, которые окончились к 17 августа 1738 г. (см. запись на полях стр. 38). С конца 1738 г. приблизительно по 14 марта 1739 г. И. Сердюков был в отъезде, но лекции записывались в это время (хотя и с пропусками) кем-то из его товарищей (см. записи на полях стр. 78 и 111)⁷⁸. Запись велась при этом до июня 1739 г.

При этом есть некоторые основания предполагать, что данная рукопись была апробирована самим Адодуровым. Так, в рукописи несколько раз встречается какой-то росчерк, представляющий собой, возможно, инициалы, но не поддающийся расшифровке. Росчерк этот стоит на титульном листе непосредственно под владельческой записью Ивана Сердюкова с указанием 1738 года. Затем тот же росчерк регулярно повторяется на полях при обозначении даты (перед календарной пометой) — так, на стр. 112, 116, 117, 120, 124, 127, 129, 130 и 134; следует отметить, что все эти пометы однотипны: они содержат только дату, причем написаны латиницей. Указанный росчерк очень сходен по написанию с аналогичным знаком, который встретился нам однажды на письме Адодурова неизвестному лицу от 29 декабря 1739 г. (Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 1141, л. 21). Любопытно, что письмо это написано по-немецки, т. е. также латин-

⁷⁸ См. подробнее стр. 14—15 наст. изд.

скими буквами, и при этом данный росчерк фигурирует, опять-таки, перед датой. Если отождествлять оба росчерка, то можно думать, что наша рукопись была в руках у Адодурова, который как бы закрепил в свое авторство этим знаком. Не исключено, что ему принадлежат и некоторые из исправлений, встречающихся в тексте.

Наконец, если грамматика Адодурова расходилась в списках среди учеников гимназии, то таким образом она могла попасть и к Грённингу, который преподавал в академической гимназии с 1743 г. — сначала немецкий, а затем (с 1745 г.) и французский языки⁷⁹ (следует заметить, что Адодуров к тому времени уже оставил академическую службу и находился вне Петербурга). Перевод данной грамматики не должен был составить для полиглота Грённинга никакого затруднения, поскольку он превосходно владел русским языком⁸⁰. К тому же он вообще, по-видимому, практиковался в переводе русской лингвистической литературы: так, например, в библиотеке Упсальского университета хранился сделанный им перевод на шведский язык предисловия к трехязычному букварю Ф. Поликарпова (М., 1701)⁸¹.

⁷⁹ См.: Материалы АН, VII, стр. 463—464, 570—571, 617; V, стр. 797; VI, стр. 601.

⁸⁰ О знании Грённингом русского языка см. отзывы современников (правда, иностранцев) в Материалах АН (VII, стр. 460, 601, 618), а также свидетельство самого Грённинга (там же, VII, стр. 463—464). При Академии наук Грённинг числится сначала (в 1740 г.) «толмачом», т. е. устным переводчиком, причем переводит, в частности, и на русский язык (там же, IV, стр. 532; V, стр. 13; VI, стр. 515), а затем, с 1743 г., «переводчиком» (там же, VI, стр. 570—571), причем опять-таки ему приходится переводить на русский (там же, VII, стр. 323). В гимназии он, между прочим, «поправляет немецкие и российские переводы учеников» (там же, VII, стр. 680—681) и преподаёт французский язык по-русски (там же, VII, стр. 618). М. Грённинг (1714—1778) пробыл в России почти 20 лет: он приехал в Петербург в 1729 в пятнадцатилетним юношей (см.: Материалы АН, V, стр. 682—683) и получил здесь образование в каком-то воспитательном заведении (см.: Миккола, 1906, стлб. 1614); в 1748 г. он выехал в Стокгольм (Материалы АН, IX, стр. 140, 235—238; Арне, 1917, стр. 197—198).

⁸¹ См.: Енсен, 1912, стр. 159. — Грённинг составил также описание славянских и русских книг этой библиотеки (см.: Биргегорд, стр. 247—248; Давидссон, 1956, стр. 132—134); помимо того, он занимался составлением русско-шведского словаря (см.: Арне, 1917, стр. 177, 198).

6.1. Есть основания думать, что грамматика Адодурова не осталась незамеченной современниками и отразилась в последующих грамматических сочинениях. Правда, эта грамматика не была, по-видимому, известна (ни в русской, ни в шведской версии) Ломоносову⁸², и это обстоятельство в большой степени способствовало ее последующему забвению⁸³. Между тем, мы можем назвать по

⁸² Ср. цитированное выше (стр. 11) свидетельство Ломоносова о том, что ему известна только краткая грамматика Адодурова 1731 г.

Ломоносов встречался с Адодуровым в 1736 г., но отношения их были, вероятно, чисто официальными: Адодурову был поручен надзор за учениками, присланными в Академию из московских духовных школ, в числе которых недолгое время был Ломоносов (см. Материалы АН, III, стр. 154, 169—170); при этом русский язык этим ученикам в то время не преподавался. Когда в 1738 г. некоторым из них решили преподавать русский язык (см. там же, стр. 678), Ломоносов был за границей. С другой стороны, когда Ломоносов вернулся, Адодуров уже оставил академическую службу. Любопытно отметить, что с осени 1742 г. Ломоносов начинает «обучать в стихотворстве и штиле Российского языка» в академическом университете (см.: Билярский, 1865, стр. 8—9), т. е. он как бы продолжает то, что было начато Адодуровым.

Что касается грамматики Грённинга, то нет никаких данных, которые позволяли бы предполагать знакомство с ней Ломоносова (ср. отсутствие упоминания о ней в фундаментальной сводке Коровина, 1961; по справке, полученной от Е. Б. Бешенковского, она не числится и среди книг Г. Г. Орлова, которому досталась ломоносовская библиотека). Стокгольмская грамматика была, по-видимому, мало известна не только в России, но и за границей: даже Шлёцер, когда начинал изучать русский язык в 1761 г., как он сам признается, ничего не знал о Грённинге, и только позднее познакомился с данным изданием (см. изд.: Шлёцер, 1875, стр. 34). Между тем Шлёцер, очевидно, особенно должен был быть заинтересован в иноязычных руководствах по русскому языку; с другой стороны, он был тесно связан со Швецией, служил там перед своим приездом в Россию и хорошо знал шведский язык (среди его трудов есть книги, написанные на этом языке).

⁸³ Это забвение, видимо, отчасти объясняется смутой в Академии. В протоколе академической конференции от 10 августа 1741 г., между прочим, отмечено: «из канцелярии в архив конференции передана, для сообщения всем профессорам, записка, величину в десть на 24 листа, касательно истории Академии, именно о том, что были в ней президенты, члены и профессора, как и написаны были диссертации и другие сочинения» (см.: Куник, 1853, стр. 138; ср.: Протоколы АН, I, стр. 693). Можно полагать, что в этом документе числилась и наша грамматика. Между тем в архиве конференции не сохра-

крайней мере одного автора, который был определен знаком с нашей грамматикой и в той или иной мере, несомненно, ее использовал — это В. К. Тредиаковский. Орфографический трактат Тредиаковского 1748 г. («Разговор об орфографии. . .», см. изд.: Тредиаковский, 1748) обнаруживает целый ряд более или менее показательных совпадений с рассматриваемым сочинением.

Рассмотрение соотношения обоих источников может представить определенный интерес не только в плане прослеживания дальнейшей судьбы грамматики Адогурова (следует отметить, что многие ее идеи стали известны последующим грамматистам именно через трактат Тредиаковского!), но — в некоторых специальных случаях и для реконструкции более полного текста этой грамматики.

Прежде всего необходимо отметить общность принципиальных идей, касающихся устройства новой гражданской орфографии, у Адогурова и у Тредиаковского; особенно же знаменательно при этом то обстоятельство, что выражение этих идей в ряде случаев оказывается у них текстуально близким.

Для обоих авторов характерна вообще ориентация на устную речь (что прямо связано с характером противопоставления церковнославянской и русской языковой стихии, о котором говорилось в предисловии к настоящей работе⁸⁵). Важно подчеркнуть, что именно в грамматике Адогурова был впервые — на русской почве — провозглашен фонетический принцип (русской) орфографии, игравший затем столь большую роль как в орфографической теории Тредиаковского, так и в его практических рекомендациях.

Действительно, и Адогуров и Тредиаковский выступают за фонетическое письмо (Ломоносов, как известно, окажется позднее более консервативным в этом отношении). Это касается как самого инвентаря знаков, так

никогда никаких исторических реестров; Куник с основанием предполагает, что они погибли «в смутный период Академии», продолжавшийся с 1741 по 1766 г.

⁸⁴ Следует при этом иметь в виду, что когда Адогуров начинал читать свои лекции, Тредиаковского не было в Петербурге: он отсутствовал с 17 февраля 1738 г. по 25 февраля 1739 г. (см. Пекарский, II, стр. 74).

⁸⁵ См. стр. 6 наст. изд.

правил их сочетаемости. В первом случае эта позиция выражается в призыве исключить лишние буквы из алфавита. «Для прави^нного изображен^я словъ и р^чей надлежало бы имѣ^ть то, что сто^ко особлив^х знаковъ, ско^ко есть въ которо^м языкѣ особлив^х голосовъ или звуко^в, слова того языка составляющихъ», — пишет Адогуров, и с этих позиций критикует русскую гражданскую азбуку, в которой «нѣкоторыя гласы двумя или тремя знаками я^вляются, и прито^м еще одинъ знакъ [имеется в виду буква ѣ] весьма никакого гласа не значащ^и» (см. § 4, стр. 3—4, а также § 15, стр. 7—10 русского списка грамматики; ср. стр. 4, 8—10 шведского перевода). Точно такого же мнения и Тредиаковский (1748, стр. 108), который также считает, что «лишн^ие буквы всеконечно должны быть выключены изъ нашея орфограф^ии» и, как известно, основывается именно на этом положении в известной им орфографии.

Во втором случае речь идет о требовании фонетических написаний, отражающих позиционные изменения звуков. В грамматике Адогурова говорится, что «должны мы. . . по пер^вы^х самое прои^ношен^е почита^ть за н^ише главное правило и оно^м въ писмѣ ско^ко мо^жно точно послѣдова^ть» (§ 61, стр. 60 русского списка, см. также § 23—24, стр. 12—17; ср. стр. 31, 12—14 шведского перевода); уже во вторую очередь учитываются этимологический и другие критерии. Еще более последовательно высказывается та же мысль в «Разговоре. . .» Тредиаковского (1748, стр. 94, 277—279, 281—284, 410, 416)⁸⁶; от этого положения, между прочим, Тредиаковский не отказывается и в дальнейшем, когда он не настаивает уже на той специальной орфографии, описание которой содержится в его «Разговоре. . .» 1748 г.: ср. в «Предувѣдомлен^ии» к I тому переведенной им «Римской империи» Роллена: «Орфограф^ия моя, бол^ьшою част^ю, есть по изглашен^ю для слуха, а не по произнеден^ю ради о^бка» (см.: Тредиаковский, 1761, стр. 28 спец. пагинации⁸⁷).

Концептуальная общность Адогурова и Тредиаковского проявляется при этом и в конкретной реализации соответствующих идей. Так, оба автора считают явлением

⁸⁶ Ср. разбор соответствующих высказываний Тредиаковского у Винокура (1959, стр. 468—489).

⁸⁷ Ср. также ниже, стр. 80 сл., об аналогичной позиции Татищева.

одного порядка позиционные фонетические изменения (типа оглушения звонких согласных и т. п.) и морфологизированные звуковые чередования (см. § 26 и след. рассматриваемой грамматики; о Тредиаковском см. специально: Винокур, 1959, стр. 476—477, 488), что в общем отрицательно сказывается на провозглашаемых ими принципах фонетического письма. (Ср. в этом отношении критику орфографических принципов Тредиаковского у Винокура, там же). Вместе с тем следует отметить, что соответствующая трактовка обусловлена, по-видимому, стремлением приспособить заимствованную из славянской грамматической традиции категорию «изменяемых» («переменяющихся») согласных к описанию живой русской речи, т. е. влить в данный термин принципиально новое содержание.

Любопытно, что как у того, так и у другого автора орфографические реформы ограничиваются главным образом областью консонантизма и почти совсем не касаются вокализма (относительно Тредиаковского см. об этом у Винокура, 1959, стр. 479).

В § 23—24 рассматриваемой грамматики автор (т. е. Адогуров) говорит об ассимиляции согласных по звонкости—глухости: он формулирует общую тенденцию русского произношения, согласно которой перед «умягченными» (т. е. звонкими) полагаются обычно также «умягченные», а перед «жестокими» (т. е. глухими) — «жестokie» же. Очень близкую формулировку можно найти у Тредиаковского (1748, стр. 404), который называет звонкие «мяхкими», а глухие «твердыми»: «Выговоръ российский соединяетъ мяхкіе буквы съ мяхкімі, а твердыи съ твердымі». По мысли обоих авторов, это явление должно отражаться на правописании.

В рассматриваемом сочинении Адогурова настойчиво проводится мысль об условном характере как произношения, так и орфографической нормы, вполне созвучная позднейшим высказываниям Тредиаковского. См. в нашей грамматике: «Знаки которыми человѣческая рѣчь въ писмѣ изображается. . . сами по себѣ никакова схо^дства съ тѣми звуками или гласами не имѣю^т, изъ которыхъ слова составляются, но сіе знаменованіе придано имъ одного токмо согласія, или произволенія людей и для того нѣтъ въ томъ никакой силы, каки^м бы знакомъ который голосъ или зво^м спе^мва изображенъ ни бы^т» (§ 2).

стр. 2—3 русского списка грамматики, стр. 3 шведского перевода); «понеже произ^ношеніе словъ и рѣчей утве^рждается на о^но^м то^ко сои^мволеніи людей, которые въ само^м началѣ о причина^х таки^х въщей може^т бы^т и не ра^ссуждали то не дивно, что не всегда тому мо^жно сыскива^т по^линную причину для чего они одно слово такъ а другое инакъ стали выговарива^т» (§ 61, стр. 59—60 той же рукописи, ср. стр. 31 шведского перевода). Близкие замечания на ту же тему можно найти и в «Разговоре. . .» Тредиаковского. По Тредиаковскому (1748, стр. 119—120), орфография изображает «по произволению, извѣсныи глоса нашего своны, і своновъ разныи способы; а целыя слова не значатъ своновъ, ні ихъ способовъ, но самыя вѣщи имі^и изображаемыя, по общему всего какова нибудь народа согласію». Или в другом месте того же трактата Тредиаковского (1748, стр. 25): «какъ буква, такъ і складъ есть произвольный знакъ, либо свона происходящаго отъ нашего глоса, либо его растворенія»⁸⁸. См. еще об этом у Тредиаковского в более позднем рассуждении «О слове, или словесности», помещенном в качестве первой части «Предувѣдомленія» к VII тому «Римской истории» (см.: Тредиаковский, 1763, стр. XI спец. пагинации; Копорский, 1961, стр. 292—293).

Отсюда первостепенное вообще значение придается «общему (resp.: обыкновенному) употреблению» (или, в частном случае, «общему произношению») как критерию языковой правильности. Соответствующую ссылку неоднократно встречаем в грамматике Адогурова [§ 23, 24, 29, 56, 61, стр. 15, 16, 19, 43—44, 59 русского списка или стр. 13—15, 25—26, 31 шведского перевода, а также § 73, 90, 95, 97, 100, дошедшие до нас, ввиду лакуны в русском списке грамматики, лишь в переводе Гренинга (см. соответственно стр. 40, 41, 50, 52; 54, 55 стокгольмского изд.); ср. еще ссылку на «нынешнее употребление» в § 110, 115, стр. 124, 130 русского текста (ср. стр. 68 шведского перевода; § 115 у Гренинга отсутствует), а также программное заявление о необходимости следовать «доброму употреблению» в предисловии к грамматике (стр. 2 русского списка, ср. стр. 2 шведского изд.)]⁸⁹. Апелля-

⁸⁸ Под «растворением» Тредиаковский понимает согласные звуки, тогда как гласными обозначается сам голос (см. цит. изд., стр. 23).
⁸⁹ Характерно, что, являясь вообще сторонником фонетического принципа орфографии, Адогуров не решает, однако, реализо-

ция к «общему употреблению» (resp.: «произношению») в высшей степени характерна и для «Разговора об орфографии. . .» Тредиаковского (1748, стр. 45, а также прим. к этой странице ⁹⁰, 63, 68 прим., 94, 370—371, 373, ср. также стр. 405, 462). Следует заметить, что такого рода ссылку можно встретить и в более ранних работах как того, так и другого автора (см. об этом специально ниже).

Необходимо подчеркнуть, что «общее употребление» у обоих авторов более или менее отчетливо противопоставлено простонародному языку (Тредиаковский называет его еще «подлым», «мужицким» и т. п.). Особенно явно это у Тредиаковского, который прямо пишет в «Разговоре об орфографии. . .» (1748, стр. 315): «Съ умомъ лі общімъ употребленіемъ называть, какое імѣють деревенскіи мужикі, хотя ихъ і больше нежели каковъ цвѣтъ у тѣхъ, который лучшую сілу знають въ языкѣ? Ібо годітсѣя перенімать рѣчі у сапожника, ілі у ямщика» ⁹¹; приводя далее (на

вать этот принцип в тех случаях, когда он определенно противопоставит «общему употреблению». Так, говоря об отражении на письме того или иного фонетического явления, Адодуров может специально оговариваться, что «общее употребление того во всѣхъ случаяхъ еще не подтверждаетъ» (§ 23, пункт VI) или же даже, что хотя «то общее всѣхъ людей произношеніе подтверждаетъ однако» во употребленіи еще не вошло» (§ 29) и что многие слова «обыкновенныя» образомъ весьма инакомъ пишутся нежели какъ они выговариваются» (§ 24) (см. стр. 15, 19, 16—17 русского списка или стр. 13, 15, 14 шведского перевода).

Точно так же в § 56 адодуровской грамматики говорится по том, что букву *ѣ* в словахъ *ѣду* и *ѣмъ* пишут, «послѣдую общему тоѣко употребленію [в шведскомъ переводе еще сильнее: *wanligt bruk*, т. е. «обыкновенному употреблению»] а не для того чтобъ ради нѣкоторыхъ важныхъ причинъ конечно такъ дѣлать надлежало» (стр. 43—44 русского текста, стр. 26 шведского перевода); тем не менее, Адодуров считает, что эти слова могли бы писаться через *е* только при томъ условіи, «ежели бы то общіе употребленіемъ принято было».

«Общее (обыкновенное) употребленіе» выступает, тем самым, для Адодурова как последняя и окончательная инстанция. Следует сказать, что Тредиаковский гораздо более радикален в отношеніи фонетического письма, хотя и он может признавать, что «многія Ещѣ словѣ» пишет «не по явону, но по о б ѣ к ѣ о в е н і ю» (стр. 282 цит. изд.).

⁹⁰ Любопытно отметить, что в рукописи «Разговора об орфографии. . .» на соответствующемъ месте стоит: «общее наше разумнѣе» (стр. 46 прим.). Затем уже, видимо в корректуре, Тредиаковский заменил слово «разумнѣе» на «употребленіе». ⁹¹ В рукописном оригинале «Разговора об орфографии. . .» на месте последнего слова первоначально стояло «фурманщика». В дру-

стр. 387) примеры диалектного произношения, Тредиаковский специально оговаривает, что этот выговор — «не общій»; вместе с тем он отмечает, что «просто народное произношеніе, которое ужѣ почитай становится обще-е, вмѣсто (я) неударяемаго иногда произноситъ (е)» (см. там же, стр. 371) ⁹². Такое же, в общем, понимание свойственно было и Адоду-

рову: ср., например, рассужденіе о букве *й* в § 97 рассматриваемой грамматики (этот параграфъ дошел до нас только в шведскомъ переводе), где говорится, что хотя буква *е* часто произносится как *о*, но общее употребленіе («*allmänna bruket*») еще не допускает такого произношенія во всехъ словах; такимъ образом, «общее употребленіе» отнюдь не равнозначно просторечію ⁹³.

Мы можемъ сказать вообще, что Адодурова и Тредиаковского объединяетъ представленіе о самостоятельности и независимости гражданской орфографии, связанное с отчетливымъ стремленіемъ противопоставить русское и церковнославянское правописаніе, подобно тому какъ противопоставлены русская гражданская и церковная азбука; отсюда именно и стремленіе к радикальной перестройке гражданской орфографии. Это проявляется, между прочим, при написаніи заимствованныхъ слов, которое, по мысли какъ того, такъ и другого автора, должно основываться на произношеніи соответствующихъ слов, но не на орфографіи того языка, откуда они были заимствованы, — какъ это характерно, между тем, для церковнославянской письменности. Опять-таки, и в этомъ случаѣ можно констатировать отмѣчавшійся уже характеръ противопоставленія церковной и гражданской орфографіи: первая продолжаетъ собственно орфографическую

гомъ месте того же сочиненія Тредиаковский упоминаетъ в аналогичномъ контекстѣ «блѣннѣе употребленіе» (стр. 312 цит. изд.).

⁹² Ср. в этой связи также: Винокур, 1959, стр. 479—480.

⁹³ Ср. в этой связи полемическую ссылку на «народное употребленіе», «которое есть безъ всякаго основанія» (речь идетъ при этомъ объ обычѣ писать *ъ* в концѣ слов, оканчивающихся на согласную) на стр. 9 нашей грамматики. Выраженіе «народное употребленіе» используется какъ заведомо негативная характеристика, и только этимъ можно объяснить то парадоксальное обстоятельство, что к «народному употребленію» относится собственно литературное по своему происхожденію явленіе (характерное, однако же, для старого литературного языка).

традицию, которая может достаточно сильно отклоняться от произносительной [нормы, вторая ориентирована именно на фонетику.

См. об этом в § 72, 77 рассматриваемой грамматики и, с другой стороны, на стр. 68—69, 99, 118—119, 124 сл., 342—353 цитируемого трактата Тредиаковского (по изд. 1748 г.). При этом особенно важно отметить текстуальную близость обоих источников. Ср.:

Наша грамматика (§ 77, стр. 44 шведского перевода)⁹⁴

... hwarföre skulle man påtaga sig sådane swårigheter, som ingen nytta med sig hafwa, och hwilka man ganska wäl kan wara förutan: och hwarföre skulle man öfwerlasta Ryska Språket med Reglor, som höra til Grekiska, Hebraiska och Latinska Språken, emedan thet med them ingen likhet hafwer: wille man thetas Orthographie följa, så borde man äfwen hålla sig wid Turckiska, Persianska, Arabiska, Indianska och alla andra Språks Orthographie, hwilka thettil lika rätt äga.

Уместно отметить, что непосредственно перед этим в обоих источниках обсуждается правописание одних и тех же форм: *ангелъ—аггелъ, Панкратій—Пагкратій*.

Еще более показательны совпадения в конкретных формулировках, рекомендациях или трактовке тех или иных положений.

Если в рассматриваемой грамматике сообщается, что буква ъ «имѣетъ силу половину гласныя літеры й» (см. § 14, ср. также соответствующие указания в более ранних сочинениях Аодурова, цитируемые на стр. 36—37 нас.),

Тредиаковский (1748, стр. 345—346)

Как? ежели кто россиянинъ захочетъ прямо по-россійскіи писать; тому необходимо должно знать всѣ въ свѣтѣ языкі, нашими буквами по случаю иногда изображаемые? Надобно ему знать поиндійскі, персїцкі, поарапскі, потурецкі, поитайскі, пояпонскі, поамериканскі, помалобарскі, словомъ, надобно ему знать всея Европы, всея Асии, всея Африки, и всея Америкі всѣ на-все языкі...

изд.), то такую же точно формулировку можно встретить и у Тредиаковского, который также говорит: «нашъ (ъ), есть половина буквы (й)» (Тредиаковский, 1748, стр. 34 прим.)⁹⁵. В другом месте данного сочинения Тредиаковский замечает, между прочим, что данное положение уже высказывалось неоднократно⁹⁶; очень вероятно, что при этом имеются в виду как раз сочинения Аодурова.

Заметим, кстати, что оба автора возражают против определения еров как «припряжногласных», идущего от Мелетия Смотрицкого (см. § 16 рассматриваемой грамматики и стр. 70 указ. изд. Тредиаковского).

Предложение ввести в алфавит букву г для передачи взрывного [g], которое, как говорилось, отсутствует в дошедшем до нас русском списке грамматики, но содержится в шведской версии (см. § 5 изд. Гренинга), так же как и в кратком очерке Аодурова 1731 г. (стр. 3—4), высказывается и Тредиаковским (1748, стр. 380—383). Еще Грот (1899, стр. 643) предполагал, что Аодуров и Тредиаковский могли заимствовать эту мысль один у другого.

Точно так же оба автора довольно близки к своей трактовке буквы ы, отмечая, между прочим, как ту трудность, которую представляет соответствующий звук для иностранцев, так и то, что иностранцы произносят эту букву то как [i], то как [и]. Ср.:

Наша грамматика (§ 58, стр. 55—56 русского списка)

Не мешую трудность находятъ чужестранныя и при гласныхъ ы и и иногда произносятъ они сіе ы такъ, какъ самое и а иногда какъ у. Потому что недостаетъ имъ въ свое языкъ

Тредиаковский (1748, стр. 49—50)

Полякі ыя [буквы ы] звонъ чисто произносятъ, для того что она есть ихъ (у) несокращенное. Но всѣ прочіи европейцы едва, ілі еше едва, развѣ чрезъ весьма долгое обхождение

⁹⁵ Ср. еще у Тредиаковского во второй редакции статьи «Об окончаніи прилагательныхъ именъ»: «знанъ сей (ъ), есть не-что иное, какъ-то жъ самое (и), но токмо ослабленное звѣномъ». См.: Пекарский, 1865, стр. 106.

⁹⁶ «Сколько разъ ні представляется чужестраннымъ, что звонъ ыя [буквы ы] есть, прі согласной буквѣ, какъ въ нѣкоторой половина буквы (і); однако нікогда ихъ выговора къ тому совершенно склонитъ невозможно», — замечаетъ здесь Тредиаковский (1748, стр. 47—48).

⁹⁴ Соответствующий параграф не вписан в русский текст и дошел до нас только в шведском переводе Гренинга.

онаго гласа которой на-
ше^м ы свойстве^но прили-
ченъ или которой бы
съ лѣ^т: ы бы^т сове^ршенно
сходѣ^н.

Замечание о соответствии русской буквы ы и польской
буквы у, имеющееся у Тредиаковского, отсутствует в рас-
сматриваемой грамматике Аододурова, но содержится
между тем, как в его кратком очерке 1731 г. (стр. 5),
так и в «Заметке о транскрипции» (л. 3):

Весьма знаменательное указание рассматриваемой
грамматики (§ 69, см. стр. 75—76 русского списка, стр. 3
шведского перевода), что «ныѣ и въ приняты^и и^а грече-
скаго языка слова^а [а не только в греческих словах,
пришедших через латынь] вмѣсто ѿ по бо^тшой части употреб-
ляе^тся т», причем приводятся примеры: *театръ, ка-
те^рра, тронъ*, но отмечается, что это правило не распро-
страняется на некоторые имена собственные, — вполне
соответствует аналогичному заявлению Тредиаковского
(1748, стр. 189—190). Говоря о произношении русских
слов, соответствующих греческим формам *θεολογία, θέρα-
πεία, μαθηματική*, Тредиаковский свидетельствует, что «ныѣ
едва, і едва лі еше, кто можетъ найдѣти, который бы ихъ
[эти слова] не чрезъ (т) выговаривалъ сімъ образомъ:
Теологіа, Тема, Математика: і потому, не токмо въ семъ
нікакъва грѣха не находятъ, но еше сіе самое і са кра-
соту почитаютъ. Напротівъ того, — отмечает, вместе с тем,
Тредиаковский, — ніктожъ не произнесетъ у насъ сіихъ
греческихъ словъ, *θεράπεια, Θεοδόσιος, Τεραποντομάχης,
Теодосіемъ*; но всѣ выговариваютъ *Ферапонтомъ, Феодо-
сіемъ*».

Здесь особенно наглядно проявляется стремление опре-
делить специальные нормы светского книжного
языка, противопоставленного языку церковнославян-
скому. Еще яснее пишет об этом Тредиаковский в своемъ
«Предъизъясненіи объ Ироической Пѣмѣ» («Тилемахиде»),
где фигурируют, между прочим, те же примеры, которые
приводит в рассматриваемой грамматике Аододуров: «Зва-
нія внѣшнихъ или гражданскихъ Наукъ, гласятъ у насъ
ныѣ обыкновеннѣ по выговору З а п а д н ы х ъ . На-
примѣръ, пишеть и произносимъ мы ... *Тронъ*, а не
Оронъ; *Театръ*, а не *Θεатръ*». И далее: «въ Граждан-

привыкшіи съ нашими, мо-
гутъ ея выговорить... онѣ
всегда произносятся ея ілі
какъ простое (і) ілі какъ
французское (ou).

окомъ языкѣ писать бы по З а п а д н ы х ъ Выговору,
а въ Церковнѣишемъ нѣсколько по В о с т о ч н ы х ъ и
Правописанію для взора, и Произношенію для слуха»
(см. изд.: Тредиаковский, 1766, т. I, стр. LIX—LXI) ⁹⁷.

Как Аододуров, так и Тредиаковский считают возмож-
ным исключить из гражданской орфографии фиту [см. § 72
рассматриваемой грамматики (также § 5 шведского текста;
то же и в очерке Аододурова 1731 г., стр. 3) и замечания
Тредиаковского, 1748, стр. 158—166, 183—191, 61—64].
Особенно же знаменательно, что оба автора с о в е р-
ш е н н о о д и н а к о в о полемизируют с мнением, вы-
сказанным в свое время Ф. Поликарповым (1701, л. 7),
который призывал сохранять различие между *ф* и *ѳ*,
ссылаясь на то, что если *Θεοδορ* (через *ѳ*) означает по-гречески
«богодар», то *Феодор* (через *ф*) означает «змиодар».
Ср.:

Наша грамматика (§ 72,
стр. 79 русского списка)

Тредиаковский (1748,
стр. 186—187)

... какое ра^личіе про-
изошло бы въ томъ и
нѣ само^а знаменованіи бу-
добы слово *Θεοδο^ρ* у насъ
чре^з *ф* написано было; на-
прасно нѣкоторые дума-
ютъ бу^то *Θεοδο^ρ* написан-
ное чре^з *ф* значи^т *да^р змѣ^и*
а то^а слово изображенное
лѣтерою *ѳ* на наше^а языкѣ
и^авяляетъ *да^р Бжій*, для
того что змѣи у греко^в
плывае^тся не *θεός* [sic!
Должно быть: *φεός*], но
φίς.

... (ф), написанный вмѣсто
(ѳ), не перемѣнитъ, ні
істребитъ знаменованія
въ словѣ Феодоръ... Пра-
ведно, что слово Феодоръ
на греческомъ языкѣ, на-
писанное чрезъ (ѳ), значітъ
божій даръ; но весьма
ложно, что оножъ значітъ
змѣевъ даръ, написанное
чрезъ (ф), длятого что по-
гречески змѣи не *φεός*, но
φίς.

На стр. 220.—223 цитируемого издания Тредиаковский
обсуждает возможность исключения из алфавита буквы ѳ.
При этом он ссылается на те же примеры (*подъемлю*,
объявляю), которые фигурируют в рассматриваемой грам-

⁹⁷ Ср. о том же еще и в «Предувѣдомлении» к I тому перевода
«Римской истории»: «при Греческихъ именахъ слѣдую, въ ныѣш-
немъ Гражданствѣ, больше Западному, а не Восточному произ-
ношенію» (см.: Тредиаковский, 1761, стр. 29 спец. пагинации).

матике, а отчасти и в предшествующих работах Адодурова (см. выше). Тредиakovский, который не является, вообще говоря, сторонником самой этой идеи, тем не менее упоминает в этой связи о принципиальной возможности использовать в подобных случаях апостроф или дефис (об-являю, с-едаю и т. п.). Замечательно, что оба способа (под-емлю, под'емлю) можно найти в шведском тексте в фразе, отсутствующей в русском списке (стр. 9 Стокгольмского издания). Если соглашаться с высказанным выше предположением, что разночтения русского и шведского текстов объясняются разницей в списках (см. выше), то и этот пример свидетельствует о знакомстве Тредиakovского с нашей грамматикой.

Наконец, и принципы слога деления, описываемые в § 78—89 рассматриваемой грамматики Адодурова (эти параграфы дошли до нас лишь в шведском переводе Грининга) чрезвычайно близки к тому способу деления на слоги, который излагается у Тредиakovского (1748, стр. 423—427). Ср.:

Наша грамматика (§ 83—87, стр. 47—48 шведского изд.)

När en medljudande bokstaf kommer at stå emellan twenne sielfljudande bokstäfwer, så måste then fogas til sista stafwelsen, och icke lemnas wid then första, som sielfwa uttalet tydeligen med sig bringer (§ 83, стр. 47).

... skulle twenne lika medljudande bokstäfwer komma at stå emellan twenne sielfljudande uti et ord, tå hörer then första medljudande bokstafwen til then första stafwelsen, och then sista til then senare (§ 84, стр. 47).

Тредиakovский (1748, стр. 423—427)

Ежели... между двѣма гласными, ілі двугласными... найдется одна буква согласная; то она принадлежит должеству ко второй, то есть къ послѣдующей гласной ілі двугласной: причѣм сему, натура нашего произношенія (стр. 423).

Буде... между двѣма гласными... найдутся двѣ буквы согласныя... одна кѣ обѣ, то есть, ілі двоі (б), ілі два (д) і прочая, то одна ісъ сіхъ принадлежитъ къ предѣдущей гласной а другая къ послѣдующей (стр. 423).

... sådane medljudande bokstäfwer midt uti orden icke skiljas, hwilka i början af ordet kunna förenas (§ 86, стр. 48, ср. также § 85, стр. 47).

Sammansatte ord åtskiljas i the delar, af hwilka the sammanfogade äro (§ 87, стр. 48).

Показательно также признание в некоторых случаях возможности разного деления на слоги одного и того же слова, причем оба автора даже приводят одинаковый пример: *пер-вый* и *пер-вый* (§ 85 нашей грамматики и стр. 424 указ. изд. Тредиakovского) ⁹⁸.

Список совпадений между указанными сочинениями Адодурова и Тредиakovского можно продолжить, сославшись на замечание о несочетаемости «двоегласных» букв я и ю с буквами ж, ч, ш и некоторыми другими (см. § 64 нашей грамматики и стр. 408—409 цит. изд. Тредиakovского, причем оба автора могут сослаться на один и тот же пример: «чудо, а не чюдо» ⁹⁹); на одинаковое отношение обоих авторов к некоторым предложениям Татищева, особенно к предложению писать *сч* вместо *щ* ¹⁰⁰.

Наконец, близость обоих авторов может проявляться и в терминологическом плане, причем кажутся особенно показательными в этом отношении случаи одинаковой терминологической непоследовательности. Так, термин «умягченные» у Адодурова (см. § 23—24 рассматриваемой грамматики) соответствует обозначению «мяхкіе» у Тредиakovского (1748, стр. 378—379) и употребляется для обозначения звонких согласных; сама по себе подобная терминология не представляет ничего специфического для рассматриваемого периода. Более знаменательно, однако, что оба автора считают возможным говорить при этом, что буква *ь* «умяг-

⁹⁸ Особо следует рассматривать сходство в трактовке пунктуации. См. специально стр. 75—76 наст. изд.

⁹⁹ Если учесть при этом, что в ранних своих произведениях Тредиakovский совсем не следует этому правилу, а более или менее регулярно пишет, например, *очюнь* (см. об этой форме специально ниже, стр. 195 наст. изд.), *чюство*, *плачють* и т. п. (см. все эти формы в «Езде в остров любви»), то и в этом случае можно предполагать влияние Адодурова.

¹⁰⁰ См. специально ниже, стр. 80—81 наст. изд.

часть» предшествующую согласную [см. § 14 грамматики Адоодурова (стр. 7 русского списка) и стр. 223 указ. изд. Тредиаковского, т. е. используют соответствующий термин в существенно отличном значении ¹⁰¹].

6.2. Итак, совокупность приведенных выше свидетельств заставляет признать, что Тредиаковскому было известно рассматриваемое в настоящей работе сочинение Адоодурова. Собственно говоря, это совершенно естественно, и дело вообще едва ли и могло обстоять иным образом. Адоодуров и Тредиаковский были достаточно близко знакомы по крайней мере с осени 1730 г., когда только что возвратившийся из-за границы Тредиаковский жил некоторое время у Адоодурова, бывшего в то время академическим студентом (см.: Пекарский, I, стр. 504; II, стр. 18).

Надо полагать, что именно по совету Адоодурова Тредиаковский опубликовал в качестве приложения к переводу «Езды в остров любви» свои собственные стихотворные опыты. Действительно, в специальном предисловии к этому приложению («Извѣстіе читателю») Тредиаковский сообщает, что печатает свои стихи «по совѣту... пріятелей», которые ведают «въ стихахъ силу»: «ежелибъ онымъ [стихам] здесь небыть, то бы имъ надлежало въ вѣчномъ безъизвѣстіи пропасть, чего имъ друзья мои вѣдущія въ стихахъ силу непожелали» (см. изд.: Тредиаковский, 1730, стр. 150; ср. Берков, 1936, стр. 27). Едва ли можно сомневаться, что речь идет при этом об Адоодурове: ведь книга вышла в свет очень скоро после приезда Тредиаковского в Петербург, т. е. в период особенно тесных контактов между Адоодуровым и Тредиаковским ¹⁰². Тредиаковский вполне мог считать Адоодурова «ведущим в стихахъ силу»: документально известно, что они обсуждали в то время поэтические произведения — так, например, Адоодуров познакомил Тредиаковского с латинской одой Феофана Прокоповича на коронацию Петра II,

которая произвела на Тредиаковского очень сильное впечатление ¹⁰³.

Наконец, с начала 1735 г. Тредиаковского и Адоодурова связывала и совместная работа в Российском собрании при Академии наук.

Текстуальная близость лингвистических выступлений Адоодурова и Тредиаковского обнаруживается вообще уже с первых литературных дебютов того и другого. Достаточно указать, что знаменитая — хрестоматийная — фраза Тредиаковского в предисловии к «Езде в остров любви»: «Языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится» (см. изд.: Тредиаковский, 1730; из предисловия переводчика «Къ читателю») — находит до с л о в н о е соответствие в грамматическом очерке Адоодурова 1731 г.: «nunmehr aller Slavonismus... einen großlichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erregt» (стр. 26) ¹⁰⁴; то обстоятельство, что Адоодуров имел, видимо, ближайшее отношение к публикации «Езды в остров любви», делает это совпадение особенно знаменательным. Если считать, что очерк Адоодурова переводился с русского (а не писался непосредственно по-немецки), то следует предположить, что слово großlich (в современном правописании: gräulich) именно и представляет собой прямой перевод русского слова «жестокий» ~ «жесткий» ¹⁰⁵. Трудно с уверенностью

¹⁰³ В написанном летом 1734 г. «Разсужденіи о одѣ во обще» Тредиаковский так вспоминал об этом: «Я когда пріѣхалъ изъ Франціи въ Санктпетербургъ, и чрезъ пріятство одного мнѣ друга, въ Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ, достойнаго Адъюнкта, лишь въ первые сталъ читать сообщенную мнѣ ту Оду, и почувствовалъ Энтузіасмъ Ея превысокій, то въ толь великій Энтузіасмъ удивленія и самъ пришолъ, что не могъ, свидѣтельствуя совѣстію моею, удержаться, чтобъ съ дважды, или съ трижды не вскричать: БОЖЕ МОИ! Какъ эта Ода хорошо, и мастерски сдѣлана!» (см. в изд.: Тредиаковский, 1734). Несомненно, имеется в виду Адоодуров, который был ко времени написания этих строк (с 1733 г.) уже адъюнктом.

Позднее Адоодурову приходилось переводить и немецкие стихи (см. Куник, 1865, I, стр. 81, 83). Вполне закономерно, что именно Адоодурову в 1740 г. была отдана на рассмотрение ломоносовская ода на взятие Хотина, написанная новым размером (см.: Куник, 1865, II, стр. 393; Сухомлинов, 1891, стр. 58 примечаний), и было поручено рассматривать спор Тредиаковского и Ломоносова о стихосложении (Пекарский, II, стр. 83).

¹⁰⁴ Отмечено Унбегауном (1958, стр. 110).

¹⁰⁵ Форма *жестокъ* не имеет акцента у Тредиаковского, но можно думать, что прилагательные «жестокий» и «жесткий» могли

сказать, какое произведение было написано раньше: если предисловие к «Езде в остров любви» было сочинено Тредиаковским, вероятно, осенью 1730 г., по приезде в Петербург¹⁰⁶, то подготовка издания Вейсманнова лексикона, в котором был опубликован адодуровский очерк, началась еще до 1729 г. (мы не знаем, правда, когда именно был написан самый очерк)¹⁰⁷. Важно, однако, иметь в виду, что у Адодурова эпитет *greßlich* «жестокый» выступает в противопоставлении к *zierlich* «нежный»: если церковнославянские формы характеризуются у Адодурова эпитетом «*greßlich*», то соответствующие русские формы оцениваются как «*zierlich*»: так, здесь сообщается, что форма *путье* нежнее («*zierlicher*»), нежели *путье*¹⁰⁸.

дифференцироваться лишь стилистически, но не семантически (ср.: Кипарский, 1962, стр. 273). Прокопович-Антонский (1812, стр. 73) считал *жесток* и *жесток* «однозначащими словами», соотнося *жесток* с церковным, *жесток* с гражданским употреблением.

К пониманию семантики слова «жест(о)кий» в данном употреблении можно сослаться на относящийся к тому же времени, что и цитируемые сочинения Тредиаковского и Адодурова (а именно, к 1730 г.) кантемировский перевод «Разговора о множестве миров» Фонтенеля. В предисловии Фонтенеля здесь говорится, что автор старался философию «привести в такую мѣру, чтобъ была ни весьма ж е с к а для всѣхъ общества людей, ни гораздо шутлива для ученыхъ», причем к слову «жеска» Кантемир делает следующее примечание: «*Жеска*. Пофранцуски въ оригиналѣ стоитъ *tesche*, что въ семъ мѣстѣ значить свойство непріятное, недающее ни какой забавы» (см. прим. 3 к «Авторову предисловию» в изд.: Кантемир, 1740).

¹⁰⁶ «Езда в остров любви» вышла в конце декабря 1730 г. или в самых первых числах января 1731 г., см. переписку Тредиаковского и Шумахера в связи с ее выходом у Малеева, 1928, а также переписку Шумахера и В. В. Киприанова у Бородин, 1936, стр. 106. Между тем во время коронации Анны Иоанновны 10 августа (по новому стилю) 1730 г. Тредиаковский был еще в Гамбурге; в Россию он приехал в сентябре 1730 г.

¹⁰⁷ Подготовка издания Вейсманнова лексикона началась не позднее 1728 г. См. письмо Шумахера к В. В. Киприанову от 4 апреля 1728 г., где о «немецком и российском лексиконе» сообщается как о уже печатающемся (см.: Бородин, 1936, стр. 98, а также Материалы АН, I, стр. 371). Ср. также документы от января 1729 г., относящиеся к его печатанию, в изд.: Материалы АН, I, стр. 439, 441, 444.

¹⁰⁸ «*Путье*. . . wird häufiger, auch *zierlicher* per Contractionem gebraucht, und zwar dergestalt, daß durchgehends bey allen Casibus, so wohl im Singulari als Plurali der Buchstab *i* in *u* verwandelt wird. . . Als Sing. Nom. *путье*, Gen. *путья* и т. д. См.: Адодуров, 1731, стр. 27; ср. Унбегаун, 1958, стр. 111.

Между тем цитированное высказывание, как и указанное противопоставление, без преувеличения может считаться апохальным: с одной стороны, оно знаменует очевидную переоценку ценностей, так как ранее положительный эпитет ожидался бы скорее применительно к церковнославянскому языку, а эпитет отрицательного значения — применительно к языку русскому; с другой стороны, отныне соответствующее противопоставление прочно входит в языковое сознание носителя литературного языка¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Отражение цитированной выше фразы нетрудно усмотреть, например, в «Наставлении хотящим быти писателями» А. П. Сумарокова (1774 г.), где говорится, что в «пастушьих стихах», т. е. идиллиях, эклогах, «громкие слова чтеца ушам ж е с т о к и» (см. изд.: Сумароков, 1957, стр. 136). Точно так же и Батюшков в своем полемическом «Видении на берегах Леты» (1809 г.) писал позднее о поэтах-славенороссах:

Их мысль на небеса вперенна,
Слова ж из Библии берут.
Стихи их хоть немного ж о с т к и, —
Но истинно Варяго-Росски.

[Ср. переименованную цитату отсюда у Гнедича в его критике катенинской «Ольги»; архаистические стихи Катенина, по словам Гнедича (1816, стр. 13),

Хоть и Варяго-Росски,
Но истинно — немного жестки].

У того же Батюшкова в диалоге «Вечер у Кантемира» Кантемир говорит: «Я первый изгнал из языка нашего г р у б ы й с л о в а С л а в я н с к и е, чужестранные, несвойственные языку русскому»; эпитет «грубый», очевидно, выступает здесь как эквивалент слова «жесткий» (ср. такой же эпитет в цитате из Сумарокова, приводимой на стр. 190 наст. изд.).

Напротив, явления собственно русской языковой стихии с достаточной регулярностью могут характеризоваться эпитетом «нежный». Так оценивается, например, акаье: по словам Тредиаковского (1748, стр. 305), «н ѣ ж н ѣ й ш і й московскій выговор необходимо произносите. . . (о), какъ (а)» (имеется в виду безударная позиция); также и у Ломоносова (1959, стр. 542) в эпиграмме «Искусные певцы. . .» говорится, что

Великая Москва в языкѣ толь н е ж н а,
Что А произносить за О велит она.

Таким же образом могут характеризоваться вообще все явления, противопоставляемые в сознании носителя языка церковнославянской языковой стихии и, соответственно, ассоциируемые с «нынешним» языком. Так, Тредиаковский говорит о «нынешнем нашем н е ж н о м а» (цит. по Пекарскому, II, стр. 104 прим.); в другом месте он говорит о «н е ж н о м дамском выговоре» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 415), ср., между тем, обычную для

В орфографических рекомендациях Тредиаковского 40-х годов в большой степени реализуются те предложения, которые были высказаны в том же Адоодуровском очерке 1731 г. В самом деле, уже в очерке 1731 г. (стр. 3) говорится о возможности исключить из русской (гражданской) азбуки буквы *з, и, е*, заменив их соответственно через *с, ѣ, ъ*, что и реализуется практически в орфографии Тредиаковского¹¹⁰; то же относится и к предложению ввести букву *г* для обозначения взрывного [g], о чем уже упоминалось выше (стр. 59 наст. изд.)¹¹¹. Ср. еще замечание о противопоставлении церковной и гражданской пунктуации в очерке 1731 г. (стр. 6), предвосхищающее соответствующие рекомендации Тредиаковского в «Разговоре об орфографии...» (стр. 258—272).

Наконец, именно в данном очерке Адоодурова мы впервые находим ссылку на «обыкновенное употребление и произношение» (*gewöhnliche Gebrauch und Aussprache*) (стр. 3), игравшую затем столь важную роль в стилистической теории и нормализаторской практике Тредиаковского¹¹².

XVIII в. ассоциацию женской речи с просторечием (ср. специальные замечания на этот счет Сумарокова или Новикова). Петиметры, по свидетельству новиковского «Живописца» (1772, ч. II, л. 12, ср. изд.: Берков, 1951, стр. 418), картавят и пришепывают согласно нормам «нового петербургского щегольского наречия», говоря: «так де не ж не е»; при этом щегольское наречие находится именно в полярном противопоставлении к церковнославянской языковой стихии.

¹¹⁰ О близких рекомендациях Татищева см. ниже (стр. 86 наст. изд., прим. 147).

¹¹¹ Следующее замечание Ломоносова в черновых материалах к грамматике может в равной мере относиться и к орфографическому трактату Тредиаковского, и к краткому очерку Адоодурова: «Въ правопис. улом., для чего нездѣлано, Г, з и проч...» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 690). Вероятно, Ломоносов имел в виду объяснить свои расхождения с соответствующими предложениями Адоодурова или с орфографией Тредиаковского, решаемая предположить, что на месте буквы, передаваемой в академическом издании 1952 г. как *Г*, в подлиннике стоит *г*.

¹¹² Об «употреблении» как основе литературного языка Тредиаковский говорит в своей речи 1735 г., обращенной к Российскому собранию (см. изд.: Тредиаковский, 1735). Ср. еще ссылку на «общее», «всеобщее», «нынешнее всеобщее» и т. п. употребление у Тредиаковского в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (см. изд.: Тредиаковский, 1735а, стр. 19) в предисловии к переводу «Речей кратких» 1744 г. (см.: Пекарский, II, стр. 104 прим.) или в статьях о правописании прила-

гательных 1746 г. (см. изд.: Вомперский, 1968, стр. 88) и 1755 г. (см. изд.: Пекарский, 1865, стр. 103, 106, 107). Относительно соответствующих ссылок в «Разговоре об орфографии...», а также в пространной грамматике Адоодурова см. выше (стр. 55—56 наст. работы).

Особенно же разительны текстуальные совпадения «Разговора об орфографии...» Тредиаковского с более поздней пространной грамматикой Адоодурова, которые и были специально рассмотрены выше. Ясно, что отмеченные совпадения, может быть, не всегда говорят о прямом заимствовании. При столь близких отношениях почти невозможно определить, кому в конце концов принадлежала та или иная идея или формулировка: можно только фиксировать, кто первым ее публично высказал. Но мы вправе предположить, во всяком случае, что влияние Адоодурова на лингвистические воззрения Тредиаковского было очень значительным.

В высшей степени знаменательной представляется сама общность интересов Тредиаковского и Адоодурова. Тредиаковский также начинал работать над грамматикой русского языка, написать которую суждено было, однако, Адоодурову. Так, в перечне обязанностей Тредиаковского, составленном при поступлении его на службу в Академию наук и подписанном президентом Академии Г. Кейзерлингом 14 октября 1733 г., говорится, что «помянутой Тредиаковский обязуется... вычищать языкъ рѣской пишучи какъ стихами, такъ и не стихами... закончить Грамматикѣ, которѣю ѡнъ началъ, и трѣдиться совокупно съ прочими надъ Дикціонаріемъ рѣскимъ»¹¹³. Нет никаких данных, которые позволяли бы предположить, что грамматика Тредиаковского была завершена или вообще что Тредиаковский сколько-нибудь далеко продвинулся в этом начинании. Что же касается начала данной грамматики — которое, в соответствии с традицией, вероятно, было посвящено орфографии, — то вполне возможно, что соответствующие разделы легли в основу «Разговора об орфографии...», а также работы о правописании прилагательных.

Вообще о значении понятия «употребление» для стилистической теории Тредиаковского см.: Вомперский, 1970, стр. 101 и след.; Берков, 1935, стр. 312—313.

¹¹³ Цит. по изд.: Пекарский, II, стр. 43; ср. также соответствующие документы на французском языке в изд.: Материалы АН, II, стр. 392—393.

Замечательно при этом, что задачи, поставленные Академией наук перед Тредиаковским, совпадают с теми задачами, которые были сформулированы полтора года спустя самим Тредиаковским перед Российским собранием. Во вступительной речи Тредиаковского, обращенной к членам Российского собрания (произнесенной на первом заседании 14 марта 1735 г.), также говорится «о Грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію, и основанной на ономъ. . . и о дікціонаріѣ полномъ и довольномъ»¹¹⁴. Аналогично и в написанном позднее (11 октября 1736 г.) «Письме некоего россиянина. . .» Тредиаковский подчеркивал, что Российское собрание «учреждено. . . не только для поощрения и усовершенствования российского языка, как в прозе, так и в стихах, но. . . также и для создания грамматики, коей до сих пор мы были лишены и каковая должна быть основана на наилучшем употреблении двора и людей искусных; а также, наконец, и для составления полного словаря»¹¹⁵. Таким образом, Тредиаковский, которому, по всей вероятности, и принадлежит вообще сама идея организации Российского собрания (видимо, по образцу Французской Академии)¹¹⁶, как бы переадресует Российскому собранию те задачи, которые первоначально стояли перед ним одним. Между тем с деятельностью этого собрания в конечном счете и связано, видимо, создание пространной грамматики Аодурова¹¹⁷.

Если Тредиаковский начинал работать над грамматикой русского языка, предвосхищавшей грамматику Аодурова, то Аодуров, как уже говорилось, работал в свое время (в 1740 г.) над «Правилами российской орфографии», предвосхищавшими орфографический трактат Тредиаковского. В свою очередь, если работа Тредиаковского над грамматикой русского языка отразилась, очевидно, в его орфографических работах, то, напротив, изыскания Аодурова в области русской (гражданской) орфографии вошли, по всей видимости, в первую часть его пространной грамматики¹¹⁸.

¹¹⁴ См. изд.: Тредиаковский, 1735, стр. 6.

¹¹⁵ Цит. по изд.: Тредиаковский, 1935, стр. 354 (оригинал по-французский).

¹¹⁶ Ср.: Берков, 1936, стр. 25; Куник, 1865, I, стр. XVIII.

¹¹⁷ Ср. выше, стр. 44—45 наст. изд.

¹¹⁸ Совпадения доходят иногда до деталей. Так, например, если Аодурову пришлось преподавать русский язык принцессе Софье

Влияние Аодурова играло, может быть, не последнюю роль в эволюции взглядов Тредиаковского на русский литературный язык. Нельзя не заметить, по крайней мере, что декларативные заявления Тредиаковского об отказе от «славенищины» более или менее совпадают хронологически именно со временем общения его с Аодуровым (1730—1742 гг.).

Как бы то ни было, мы во всяком случае можем утверждать, что «Разговор об орфографии. . .» Тредиаковского явился в той или иной мере проводником лингвистических взглядов Аодурова: многие идеи, которые приписывались как современникам, так и позднейшими исследователями, Тредиаковскому, были впервые высказаны Аодуровым¹¹⁹.

6.3. При этом в одном случае Тредиаковский сообщает нам в своем «Разговоре. . .», насколько можно понять, о важном лингвистическом наблюдении Аодурова, которое не вошло в данную грамматику — во всяком случае, в тот текст, который известен нам по единственному русскому списку и по шведскому переводу Грѣнинга. Тредиаковский не называет прямо имени Аодурова (как не называет в других случаях Татищева и других современных ему авторов, на мнения которых он ссылается¹²⁰), но сообщает, что данное наблюдение «примѣчено. . . прежде всѣхъ ізъ нашихъ отъ такова чловѣка, бывшаго нѣкогда при Академіи, который нынѣ і не въ такіе проницаетъ мѣлочі, такъ что мы великую имѣемъ причіну, хваліться столькожъ іспрядствомъ Его расума, сколько похваляемъ чесные Его поступкі, учтівое обхожденіе, і добронравіе» (Тредиаковский, 1748, стр. 148—149 прим.); и в другом месте он говорит, что автор данного наблюде-

Ангальт-Цербстской — будущей императрице Екатерине II, то Тредиаковский обучал русскому языку принца Антона Ульриха (будущего мужа Анны Леопольдовны). См.: Пекарский, II, стр. 58; Екатерина, 1907, стр. 48, 210, 225.

¹¹⁹ Знаменательно, например, что в сумароковской комедии «Тресотиниус» (1750 г.), представляющей собой пародию на Тредиаковского, Тресотиниус-Тредиаковский учит писать в вместо *я*, употребляет форму *слатенька* (ср. ниже, стр. 183, прим. 16); предполагалось, что по этим (и некоторым другим) признакам зрители должны были узнать Тредиаковского. Между тем в действительности соответствующие орфографические рекомендации принадлежат, по всей видимости, Аодурову (поскольку об этом можно судить вообще по дошедшим источникам).

¹²⁰ Ср. в этой связи стр. 79 наст. изд.

ния — «нѣкто ізъ нашихъ весма довольнаго ученія чловѣкъ, котораго я къ себѣ дружбу почитаю» (там же, стр. 398). Еще Пекарский (I, стр. 506) предположил, что речь идет при этом об Адодурове, который к 1748 г. уже оставил Академию и служил в сенате; едва ли можно сомневаться в справедливости этого предположения (его, кстати сказать, безоговорочно принимает и Винокур, 1959, стр. 492).

Это наблюдение Адодурова относится к аканью. Тредиаковский пересказывает его следующим образом: «Всѣ (о), во всемъ. Россійскомъ произношеніи, произносятся такъ, какъ того требуетъ звонъ. Но московскій языкъ, і сімъ самымъ первенствующій изъ всѣхъ прочихъ провинціальныхъ, произноситъ всѣ (о) ударяемы сілою, какъ (о); но которы не ударяются сілою, тѣ оный главнѣйшій выговоръ произноситъ какъ (а). Напримѣръ, въ семь словъ ХОРОШО, понеже оба первы оны неударяемы; то оны произносятся такъ, какъ будто написаны чрезъ (а) сімъ образомъ: ХАРАШО. Ономъ токмо третій (о) произносится въ семь словъ, для того что тотъ Онъ сілою ударяется» (Тредиаковский, 1748, стр. 148 прим.). И в другом месте: «въ московскомъ выговорѣ всѣ (о) неударяемы са (а) произносятся. Примѣръ: *малако́*, вмѣсто *молоко́*» (там же, стр. 398, ср. еще стр. 305, 368). Тредиаковский так комментирует это наблюдение: «поистиннѣ, сіе коль ні коротнѣе правіло, однако всему языку равное: надобно токмо знать, которы Оны ударяемы, і которы неударяемы» (там же, стр. 149 прим.).

Мы можем только догадываться о том, почему данное наблюдение — действительно замечательное для своего времени¹²¹ — не вошло в тот текст грамматики Адодурова, который имеется в нашем распоряжении. Однако с известной вероятностью можно предположить, что соответствующее правило должно было войти в специальную часть грамматики, посвященную «Просодии». В самом деле (как это уже отмечалось выше), в том плане грамматики, который представлен в самом ее начале («О Грамматикѣ но обще», см. стр. 1 русского списка, ср. стр. 1 шведского перевода), предполагаются не три, а четыре части грамматики; а именно: Орфография, Этимология, Синтаксис и

Просодия, причем если в Орфографии надлежит «расу*дать о дітерах, ихъ раздѣленіи и употребленіи», то Просодия призвана сообщить «какъ всякое въ рѣчи положе*нное слово правильно выговарива*»; см. еще об этом в § 102, где говорится, что в соответствующей части изъясняется, «какъ писмо* изображе*нную рѣчь, живымъ голосо* прои*нести, или прочитати до*жно» (стр. 111 русского списка, ср. стр. 57 шведского перевода). Можно сказать, что как орфография, так и просодия рассуждает об одном и том же предмете — соотношении фонетического и графического облика текста — но с противоположно направленными позициями: если в орфографии в тривиальном случае рассуждение ведется от звука к букве, то в просодии, напротив, — от буквы к звуку¹²².

¹²² Если подобное деление грамматики соответствует вообще славянской, а в конечном счете и греческой грамматической традиции (см., например, грамматику Смотрицкого, 1619, л. 3 тетради «А»; 1648, л. 45), то изложенное здесь понимание термина «просодия», кажется, в значительно меньшей степени опирается на традицию. Так, например, у Смотрицкого хотя и подчеркивается неоднозначность данного термина, но отмечаются только следующие два его значения: просодия как учение о слогах в связи с правилами версификации и просодия как совокупность акцентных или вообще диакритических знаков (см.: Смотрицкий, 1619, л. 3 об. тетради «Б», или 1648, л. 59). Мы можем сослаться, однако, на рукописный грамматический трактат «Технология. . .» 1725 г., где соответствующие разделы грамматики определяют следующим образом: «Орфографія учить знать равнство писменъ: Етимологія речей. Синтаксисъ бѣхъ речей сложеніе. Просодія же всѣхъ сихъ гласомъ произношеніе» (стр. 7); ср. также более пространное, но менее четкое определение на стр. 11: «Просодія славенски прицѣте, или гласомъ мѣрное употребленіе, есть возношеніи или утисненіи гласа писменнаго въ писаніи или во чтеніи хранимое имѣніе [это определение до сих пор, собственно, взято из грамматики Смотрицкого, 1619, л. 3 об. тетради «Б», или 1648, л. 59]. Или просодія есть пованіе чрезъ знаки праваго писанія и произношенія или чтенія». В свою очередь, чтение определяется здесь как «второе знаніе, зане первое знаніе бываетъ чрезъ писмена» (стр. 196) и подразделяется «на правое писменъ произношеніе, на удареніе, на стрѣчное препинаніе, и на гласища» (стр. 197).

Можно полагать, что понимание термина «просодия», проявившееся как в «Технологии. . .» 1725 г., так и в грамматике Адодурова, обусловлено непосредственным влиянием со стороны западноевропейских языков, где соответствующее слово, восходящее к лат. *accentus*, может означать как «ударение», так и вообще «произношение» (ср.; между прочим, сохранение по-

¹²¹ Обычно приоритет в этом отношении приписывается Ломоносову. См. § 115 его грамматики 1755 г.

Между тем в издании Грёнинга, как говорилось, представлены только три первые части и отсутствует часть, посвященная «просодии».

С другой стороны, еще в своем очерке 1731 г. (стр. 48) Адодуров сообщал читателю, что он мог бы привести некоторые правила, относящиеся к просодии, но что изложение данных правил ему приходится оставить для более пространныго сочинения¹²³. Мы вправе предположить, что речь идет при этом именно о наблюдении над аканьем, которое могло быть отнесено к просодии как в узком значении данного термина (в связи с зависимостью аканья от ударения), так и в том более общем смысле, которое придается этому слову в рассматриваемой грамматике (как, видимо, и некоторыми другими авторами того времени)¹²⁴. Это наблюдение, таким образом, должно было войти в заключительную часть грамматики, до нас не дошедшую и, может быть, вообще не написанную. Выполнению первоначального плана могло помешать как прекращение публичных лекций при Академии наук осенью 1740 г., так и особенно отзыв Адодурова из Академии в апреле 1741 г.

Итак, орфографический трактат Тредиаковского 1748 г. может выступать в качестве источника, позволяющего су-

следнего значения в русском заимствованном слове *акцент*). Установление лексической корреляции «просодия—акцент» могло повлечь за собой изменение значения первого слова под влиянием второго.

Нетрудно усмотреть здесь тенденцию сохранить формальную схему славянской грамматики, влияв в нее новое содержание. Выше мы отмечали уже проявление подобной тенденции в грамматике Адодурова (в связи с термином «изменяемые» или «переменяющиеся» согласные, см. стр. 54 наст. изд.).

¹²³ См. заключительный абзац названного очерка: «Diese Regeln [имеются в виду грамматические правила, сообщенные в очерке] mögen zum Anfang gnug seyn. Es sind zwar noch mehrere; auch könnte noch von der Prosodie eines und das andere beygefüget werden; allein da ohnedem diese Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache stärker geworden, als man vermuthet, so sparer man alles dieses billig auf ein größeres Werck. Immittelst bittet sich der Verfasser von dem Geneigten Leser so viel aus, daß er sich dieser wenigen Blätter biß dahin zu seinen Nutzen bedienen, ihm hingegen zu gute halten wolle, wenn ja einige Fehler in selbige mit eingeschlichen seyn sollten».

¹²⁴ Ср. в этой связи в черновых материалах Ломоносова к «Российской грамматике»: «Онъ отъ аза для перемѣны удареній и для аналогіи знать, различать неотмѣнно надобно какъ ѣ отъ е, такъ же и для перорачіи» (см.: Ломоносов, 1952, стр. 691).

дить о лингвистических взглядах Адодурова. Более того, в некоторых случаях, как будет видно из нижеследующего, этот источник может прямо способствовать реконструкции более полного текста исследуемой грамматики.

Так, в § 116—117 рассматриваемой грамматики (Адодурова) мы встречаем упоминание о какой-то дискуссии относительно знаков препинания, имевшей место еще до написания грамматики. Свидетельство об этой дискуссии можно найти и у Тредиаковского (1748, стр. 260 и сл.), причем Тредиаковский приводит обширное рассуждение о знаках препинания, выбранное «изъ книжки нѣкотораго не безснатнаго писателя» (там же, стр. 260—266 прим.)¹²⁵. С большой вероятностью можно полагать, что изложение этого же самого рассуждения должно было заключать первую часть грамматики Адодурова (посвященную орфографии). В самом деле, в заключительной фразе дошедшего до нас отрывка русского текста, как уже упоминалось выше, автор грамматики обещает «послѣдую рассужденію нѣ котораго писателя наши^х временъ чрезъ исчисленіе ра^хныхъ до того касающі^хся случаевъ показать каки^х образ^х строчныя препинанія при всякой рѣчи употреблять до^хжно. . .» (стр. 133—134). Текст в рукописи не имеет продолжения, и неизвестно даже, было ли выполнено данное обещание (в переводе Грёнинга вообще отсутствуют параграфы, посвященные знакам препинания¹²⁶), но есть все основания предположить, что здесь имеется в виду тот же самый «не безснатный писатель», о котором говорит Тредиаковский. Во всяком случае, те немногие характеристики знаков препинания, которые даются в рассматриваемой грамматике Адодурова (причем автор ясно указывает в § 118, что эти характеристики принадлежат не ему), могут почти до с л о в н о совпадать с цитируемым у Тредиаковского рассуждением этого писателя. См., например:

¹²⁵ Не это ли сочинение имеется в виду у Ломоносова в начале «Суда российских писмен. . .» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 381), когда провозглашается приход госпожи Грамматики:

«О б ы ч а й: Куда какая досада! Она, право, весь день проговорит, да и того на одно правописание не достанет».

Р а з у м: На одно правописание? Нет, сударь, она имеет такое особенное искусство, что об одной запятой может написать великую книгу».

¹²⁶ См. выше, стр. 24.

Наша грамматика (§ 117, стр. 132—133 русского списка)

Запятая съ точкою, значить смыслъ бо́льше совершенный нежели одна запятая, а не такъ, полной, какой и^является чрезъ двоеточіе (стр. 133).

Запятая употребляется для раздѣленія имѣ^н, глаголовъ, наречій, и такихъ частей въ стихѣ, которыя ме^жду собою не по нуждѣ соединяются¹²⁷ (стр. 132).

7. Мы не можем с достаточной уверенностью назвать имя данного «писателя» (сочинение которого было известно как Адодурову, так и Тредиаковскому). Однако в других случаях мы можем расшифровать те анонимные отсылки, которые встречаются в исследуемой грамматике. Автором целого ряда предложений, на которые ссылаются — часто полемически — Адодуров, Тредиаковский, а иногда и Ломоносов, является, несомненно, В. Н. Татищев. Правда, дошедшее до нас лингвистическое наследие В. Н. Татищева относится преимущественно к области лексикографии, но по некоторым источникам мы можем судить и о его орфографических взглядах. Идеи Татищева, касающиеся устройства русской гражданской орфографии, содержатся прежде всего в его письме к В. К. Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г., написанном по поводу речи последнего в Российском собрании (ср. частичную и не всегда точную публикацию этого письма в изд.: Обнорский и Бархударов, 1948, стр. 86—92), а также в какой-то степени и в его «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ», написанном в основном в 1733 г., но неоднократно затем исправлявшемся и дополнявшемся (см. изд.: Татищев, 1887), и в «Лекси-

Рассуждение неизвестного автора, цитируемое у Тредиаковского (1748, стр. 261—263 прим.)

Точка съ запятою... по содержанию полная нѣсколько запятая, а меньше тѣмже содержаніемъ двоеточія... (стр. 263).

Должность запятая... разныя имена, глаголы, и другіе скланяемые части, до одной надлежашчіе вешчі, раздѣлять (стр. 261—262).

конѣ, сочиненном для приписывания иноязычных слов» (1739 г., см. изд.: Аверьянова, 1957, ср.: Обнорский и Бархударов, 1948, стр. 95—105). Более полное изложение этих идей было представлено в не дошедшем до нас трактате 1745 г., о содержании которого мы можем судить по многочисленным упоминаниям в «Разговоре об орфографии...» Тредиаковского¹²⁸.

В заключительном разделе названного сочинения Тредиаковский сообщает, что по первоначальному плану к нему должно было быть приложено, вместе с «довольными і надлежашчіми примѣчаніями», «Рассужденіе о всемъ Кірілловскомъ Алфавитѣ, сочиненное какъ отъ знатнаго, такъ і въ семь дѣлѣ довольно искуснаго чело^вѣка», сообщенное ему (Тредиаковскому) в 1745 г.; однако затем содержание этого «рассуждения», вместе с соответствующими к нему примечаниями вошло в самый текст «Разговора...» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 454—455)¹²⁹. Действительно, в тексте «Разговора об орфографии...» мы неоднократно встречаем ссылку

¹²⁸ Уместно отметить, кстати, что сама идея написания «Разговора об орфографии...» могла быть навеяна Тредиаковскому Татищевым. Предлагая Тредиаковскому свои мысли об «исправлении» русской орфографии и вообще русского языка, Татищев писал в своем письме от 18 февраля 1736 г. (л. 95): «И сіе мнѣсл мѣ^л хотя не вскоре но исправить удобно в канцеляріи^х указо^в а во употребленіи народно^в общимъ представленіемъ и пристойными сатиры или сложеными комедіями и вымышленными разговорами подобіемъ спектатора» (смысла на английский сатирический журнал «Spectator»). Это не противоречит тому, что образом для написания «Разговора об орфографии...» мог послужить известный разговор Эразма Роттердамского о произношении в греческом и латинском языках (ср. ссылку на это сочинение Эразма в самом начале «Разговора об орфографии...», см.: Тредиаковский, 1748 стр. 2, 3—4).

¹²⁹ Эта переработка произошла в связи с пожаром, постигшим Тредиаковского 30 октября 1747 г. (см. доношение Тредиаковского от 2 ноября в Материалах АН, VIII, стр. 583). Пожар уничтожил рукопись «Разговора...» (за исключением первых пяти листов, которые были к тому времени в типографии), и Тредиаковскому пришлось писать свой труд практически заново (см. изложение дела в «Авторском заключении» «Разговора об орфографии...», стр. 454—455 чит. изд.). Между тем в первоначальном варианте «Разговор об орфографии...» был закончен к маю 1747 г.; 15 июня того же года последовало распоряжение о напечатании этой книги, а не позднее 25 августа Тредиаковский подписал первый лист. См. «Дело по доношению профессора Тредиаковского о напечатании его сочинения о российской орфографии и о прочем» в Архиве Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 108, л. 193—204, а также Пекарский, II, стр. 120—121, 127—129.

¹²⁷ В тексте сначала говорится: «по нуждѣ не соединяются», но затем при пересказе этого места в § 118 (стр. 133) дается более осмысленное сочетание данных слов. В приведенной цитате произведена соответствующая конъектура.

на мнение неких «искусных особ», причем множественное число явно относится к *Pluralis majestatis*¹³⁰ (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 44—46, 132 прим., 208—209, 222, 226, 380, 382 прим., 407), а в заключении своего трактата (см. там же, стр. 455—456) Тредиаковский резюмирует некоторые пункты вышеупомянутого рассуждения «знатного и искусного господина», которые в целом ряде случаев совпадают с этими ссылками в тексте.

Можно со всей определенностью утверждать, что речь идет о Татищеве (ср.: Андреев, 1951, стр. 302).

Идентифицировать личность Татищева позволяет прежде всего письмо Татищева к Тредиаковскому от 15 ноября 1747 г., написанное в ответ на письмо Тредиаковского от 3 ноября того же года. Здесь упоминается о пожаре у Тредиаковского, причем мы узнаем, что Тредиаковский просил Татищева прислать «черное рассуждение о буквах кирилловских». С другой стороны, сам Тредиаковский сообщает в заключительном разделе своего трактата, что имевшийся у него список «рассуждения о буквах кирилловских» (полученный от «знатного и в сем деле искусного господина» в 1745 г.) погиб при пожаре в 1747 г., и он снова «просил... письмомъ онагожъ господина, который то сочинилъ, чтобы онъ пожаловалъ пакі... прислать, Ежели Есть у него списокъ, оное свое о буквахъ рассужденіе» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 454—455). Конечно, речь идет в обоих источниках об одном и том же¹³¹: Тредиаковский просил (в письме от 3 ноября 1747 г.) выслать ему черновик того «рассуждения», о котором говорится в «Разговоре об орфографии...» и белой список которого (полученный еще в 1745 г.) сгорел при пожаре 30 октября 1747 г.¹³²

¹³⁰ Это можно сказать совершенно определенно, поскольку в рукописном оригинале «Разговора об орфографии...» (экземпляре, с которого производился набор текста) в соответствующих случаях стояла, как правило, форма единственного числа, которая затем более или менее последовательно была исправлена автором (прямо в рукописи) на безличное множественное. Эта замена была тем более оправдана, что дело идет обычно о полемических возражениях против цитируемого мнения, высказанных подчас в довольно резкой форме: заменяя единственное число на множественное, Тредиаковский стремился, очевидно, избежать персональной направленности соответствующих замечаний.

В отдельных случаях форма единственного числа при ссылке на данную особу попала и в окончательный текст «Разговора об орфографии...» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 380 и 382 прим., ср. также чередование форм единственного и множественного числа применительно к одному и тому же лицу на стр. 454—456).

¹³¹ Андреев (1951, стр. 301 и 302) явно ошибается, предполагая, что речь идет при этом о черновике письма Татищева к Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г. (о котором см. выше). Это очевидно недоразумение, которое можно объяснить только недостаточным знакомством с текстом «Разговора об орфографии...».

¹³² О том же идет речь и в письмах Татищева к Шумахеру от 16 ноября и 24 декабря 1747 г. (см. над.: Андреев, 1954). В письме

Из того же письма Татищева мы узнаем, между прочим, что Тредиаковский обещал не открывать имени составителя «рассуждения о буквах кирилловских». В ответ Татищев пишет: «Что вы изволите упоминать о закрытии моего имени, за оное благодарствую, ибо и не исчу себе честь...»¹³³.

Итак, «искусный и знатный человек», упоминаемый у Тредиаковского, — это никто иной, как Татищев. Соответственно, «Разговор об орфографии...» Тредиаковского оказывается одним из основных источников, позволяющих реконструировать орфографические предложения Татищева.

Общая совокупность перечисленных источников дает возможность составить довольно ясное представление о взглядах Татищева на интересующий нас предмет и в целом ряде случаев расшифровать ссылки на него, встречаемые (без прямого упоминания имени) как в рас-

от 16 ноября (т. е. написанном на следующий день после ответа Тредиаковскому) Татищев посылает копию своего письма к Тредиаковскому со словами: «Приложенной при сем ответ г. Тредиаковскому прошу рассмотреть: нет ли в том чего противного, и меня уведомить, потребно ли будет мое о буквах рассуждение». В письме же от 24 декабря Татищев пишет Шумахеру: «Вашему благородию я писал, что по требованию господина Тредьяковского черного моего прежняго рассуждения о буквах отыскать не мог; ныне, оное получа из Москвы и взирая на состояние времени, нечто переправя, при сем посылаю. Но как рассуждения не успели набеело переписать, то у меня не осталось, и для того прошу, списав все оное мне возратить». О том, что это рассуждение было получено Тредиаковским, можно узнать из письма Шумахера к Татищеву от 5 октября 1748 г., где сообщается, что «профессор Тредьяковский обещал его „Разговор“ об орфографии вместе с рассуждением, которое вы ему послали, чрез меня препроводить вам с теперешней оказией» (см.: Андреев, 1951, стр. 302; Андрееву не удалось отыскать в архивах ни подлинника, ни копии данного рассуждения).

¹³³ Ср. более пространно об этом в письме Татищева к Шумахеру от 16 ноября 1747 г.: «О закрытии же или объявлении моего имени оставляю на ваше рассуждение, ибо лучше, что о том президент прежде печатания других мнение познать может. Я же рад, чтоб для меня никто о мне не упоминал. А противно тому объявление имени может других к сообщению Академии известей поохотить, если услышит, что из того похвала есть. Если же бранить станут, хотя и безрассудные, то у других смелость и охоту отнимут» (см. изд.: Андреев, 1951). Можно полагать, что эти взгляды Татищева достаточно типичны для своего времени. В известной мере они могут объяснить и позицию Адогурова, не подписывавшего своих сочинений, так же как в общем и поведение Гренинга, поступок которого может казаться предосудительным главным образом с позиции сегодняшних представлений об авторском праве.

смаатриваемой грамматике, так и в сочинениях Тредиаковского и Ломоносова.

Так, например, в § 75 рассматриваемой грамматики (дошедшем до нас ввиду лакуны в русском списке только в шведском переводе Грёнинга) содержится ссылка на предложение заменить букву *щ* сочетанием *сч*, причем наш автор протестует против этого предложения. Точно такой же протест мы находим и у Тредиаковского в «Разговоре об орфографии. . .» («я знаю такіх людей, которые думаютъ, ещѣ і стоять въ томъ, что буква (щ), сплетена у насъ ізъ (с), і (ч). Но коль оні впрочемъ ні искусныі люди во многомъ; однако въ семъ, какъ люди, обманываются», см. Тредиаковский, 1748, стр. 44; ср. также стр. 45, 208—209, 407, 445—456¹³⁴). Несомненно, у обоих авторов речь идет об одном и том же предложении; не может быть сомнения и в том, что при этом имеется в виду Татищев (которого, как говорилось, вообще имеет в виду Тредиаковский на стр. 454—456 цит. изд.). Ср., действительно, в упоминавшемся уже письме Татищева к Тре-

диakovскому 1736 г.: «*щ*, есть сложенная изъ *с* и *ч*, $\frac{з}{з}$ — изъ *к* и *с*, $\frac{п}{п}$ — и³ *п* и *с*; оныя весьма напрасно ибо, *счастіе*, *ксенія*, *псалтирь*, то же могутъ значить что *щастіе*, *зѣнія*, *ѡсалтирь*» (л. 94)¹³⁵.

В § 55 и 57 рассмотренной грамматики содержится ссылка на высказывавшееся ранее предложение упразднить вовсе букву *ѣ* и писать во всех случаях букву *е*; это предложение подвергается критике (ввиду различия в чтении соответствующих букв по нормам книжного произношения¹³⁶): «тѣ весьма погрѣшаюť которые двоегласн: *ѣ* съ просты^н гласнымъ *е* въ наше^н языкѣ заравно почитаюť и для того одну и³ сѣ^н лі^т: а особливо *ѣ* называюť ненужною и и³ лишнею. . .» (стр. 52—53, ср. также стр. 41 русского списка грамматики, что соответствует стр. 28—29 и 25 шведского перевода). Об этом предложении свидетельствуют также Ломоносов (1755, § 118: «Нѣкоторые покушались истребить букву *Ѣ* изъ азбуки Россійской. Но сѣ какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно»¹³⁷) и — в менее явной форме — Тредиаковский (1748, стр. 132—133 прим.)¹³⁸. Надо полагать, что и это предложение исходит от Татищева (ср. в этой связи: Тредиаковский, 1748, стр. 132 прим., и стр. 455—456, где речь идет об одном и том же лице). См. в том же письме Татищева к Тредиаковскому 1736 г.: «что о^тографій руской касается то мнѣ весьма дивно для чего сочинители славенской азбуки такъ много излишни^х равногласны^х и сложенныхъ буквѣ то естъ слоговъ за буквы наклали яко *Е*, *ѣ*, почитай никоей разности не имѣють ибо *э* значить и гласить равно лат. *е*, а *Е*, яко *і* : *е*» (л. 94).

Отмеченные случаи, свидетельствуя о знакомстве Адодурова с идеями Татищева, позволяют рассматривать соответствующие идеи как один из возможных источников исследуемой грамматики. В этой связи заслуживают при-

¹³⁵ Сам Татищев довольно последовательно придерживался предлагаемой им орфографии. Свою фамилию он, например, мог писать: *Татисчев* (см. изд.: Татищев, 1950, стр. 78, 98, 103).

¹³⁶ См. выше, стр. 37—39 наст. изд.

¹³⁷ Ср. также $\frac{ѣ}{ѣ}$ Ломоносова в «Суде российскихъ писмен. . .»: «Ѣ говорит, что *Е* выгоняет меня из места, владения и наследия, однако я не уступлю. . .» и т. д. См. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 388.

¹³⁸ Тредиаковский говоритъ, здѣсь, правда, о буквахъ *е* и *Е*, но при этом, согласно его орфографической концепции, буква *Е* соответствует по звучанию букве *ѣ*.

¹³⁴ Этот протест первоначально был высказан в гораздо более резкой форме в «Разговоре об орфографии. . .», но затем соответствующий текст подвергся авторской редактуре. Рукописный экземпляр «Разговора об орфографии. . .» дает возможность восстановить первоначальный текст; приводим этот материал, представляющий интерес как в плане взаимоотношений Тредиаковского и Татищева, так и для истории текста «Разговора об орфографии. . .». Возражая против татищевского предложения, Тредиаковский позволяет себе предположение, что произношение Татищева было испорчено с детства: «Нікто ізъ насъ < развѣ кто дома въ фаміліі прівикъ худо выговарівать > не проізносіть буквы (щ) какъ (сч), но всѣ до одного, какъ (щч)». Взятый здѣсь в угловые скобки текстъ былъ затем вычеркнутъ в рукописи (стр. 46 рукописного оригинала «Разговора. . .»; ср. стр. 45 изд. 1748 г.), но аллюзия на неправильное произношение Татищева осталась в примечании к этому месту (ср. намеки на то, что Татищев, может быть, произноситъ *с* какъ *ш* «по нѣмецкому произношенію», иначе говоря, шепелявит). Абзацемъ ниже шел следующий текст, затемъ устранимый Тредиаковскимъ: «Я вѣроятно думаю, что оныі довольнонаго искусства люди получили [первоначально были употреблены соответствующіе формы единственного числа] себѣ такое порочное проізносеніе въ малолѣтствѣ отъ своіхъ учителей, которые у многіхъ бывають (Господь да премѣнитъ въ лучшее!) самыі нбучіі і кресьяне, то естъ, ілі незнающіе рабы, іногдажъ пребезумныі старухі. ілі часто грубыі панамарі, осіплы дьячкі, окітающііся волочагі, і безграматныі граматнікі» (см. стр. 47 рукописного оригинала).

стального внимания вообще совпадения или переклички грамматики Адодуrowa с высказываниями Татищева.

Так, например, мысль о самостоятельности русской гражданской орфографии и о неподчинении ее орфографическим нормам языка-источника при написании иностранных слов, провозглашаемая как в грамматике Адодуrowa, так и в «Разговоре об орфографии...» Тредиаковского¹³⁹, была высказана Татищевым еще в письме к Тредиаковскому 1736 г. Возражая против написания через ижицу таких слов, как *Евангеліе, Евхаристіа, Евграфъ* и пр., и предлагая в соответствующих случаях писать букву *е*, Татищев указывал: «а и кто греческіи буквы писать что хочеть тотъ долженъ и правописаніе греческаго языка хранить ибо мы латинскаго французскаго немецкаго языковъ слова выговаривае^м и пише^м по ихъ изглашенію собственными нашими а не ихъ буквами, яко вмѣсто франц. *g* и *i* кладемъ *ж*, вмѣсто латинскаго *th* кладе^м *т*, вмѣсто франц. *ch*, а немецкаго *s* предъ *t*, *ш*: вмѣсто же латинскаго *ch* говори^м и пише^м *х*, зане они сами такъ выговариваютъ и в томъ орфография ихъ ни наша не мешается» (л. 94). Не невозможно думать, вообще говоря, что Адодуrow и Тредиаковский испытали в данном случае непосредственное влияние Татищева. Татищев здесь же предлагает исключить лишние буквы из гражданского алфавита и, с другой стороны, дополнить его некоторыми новыми буквами¹⁴⁰.

¹³⁹ См. специально об этом выше, стр. 57—58, 60—61 наст. изд.

¹⁴⁰ Любопытно, однако, что при этом Татищев — в отличие от Адодуrowa и Тредиаковского, так же как и от Ломоносова, — считает необходимым сохранить в гражданском алфавите буквы *ѣ* и *е* (см. в том же письме 1736 г., л. 94, или в «Лексиконе...» 1739 г., см. изд.: Аверьянова, 1957, стр. 27). Есть некоторые указания, что Татищев мог различать эти буквы в произношении. Так, отзываясь в письмах к Шумахеру от 7 и 11 августа 1747 г. о полученной им книге «новой печати» «Апофеегмата» (СПб., 1745), Татищев регулярно именует ее «Апофтегмата», т. е. здесь отражается — в ущерб правописанию — произношение фиты как [ft] (см. изд.: Андреев, 1951, стр. 259, 260, 262). Различное чтение букв *ѣ* и *е* обусловило, видимо, сохранение их обеих в предлагаемой Татищевым реформе русской орфографии. (Сказанному не противоречит, между прочим, не совсем прозрачная фраза в том же татищевском письме 1736 г.: «ѣ, е, хотя у грековъ разнo выговариваются и разность в разумѣ делаютъ в славенско^м же языке обоя не употребляемы», л. 94; Татищев имеет в виду в этом случае только то, что данные буквы

Татищев предлагал в свое время исключить из алфавита как букву *ѣ* (что согласуется с предложением Адодуrowa), так и букву *е*. Тредиаковский (1748, стр. 222) свидетельствует, что «нѣкоторые особы, весьма искусные въ семъ дѣлѣ [т. е. искусные в орфографических тонкостях] ... вмѣсто (ѣ) хотѣлибъ писать надъ согласною ... точку, или ерікъ; а когда надобно произгласитъ оточенное раствореніе звона, то есть (ѣ), тобъ ні послѣ согласныя, какъ то понынѣ, ні надъ согласною не ставитъ пічого: напримѣръ, вмѣсто *уголь* писать бы *угол'*, а вмѣсто *уголь* изображать бы *угол*: а сіе употребленіе называютъ они не новымъ, но прежнимъ». Хотя Грот (1899, стр. 654, прим. 1) полагал, что при этом имеется в виду Адодуrow, это предложение, вне всякого сомнения, должно быть отнесено к Татищеву. Действительно, в своем письме Тредиаковскому 1736 г. Татищев писал: «ѣ и ѣ хотя изглаголаніе^м и разумо^м различествуе^т оныя оба оставить нетрудно и писать безъ ѣ, а вмѣсто ѣ надъ предположенною буквою ставить точку яко *пол* и *пол'*, *тверд* и *тверд'*» (л. 94)¹⁴¹. Вполне возможно вместе с тем, что это предложение косвенным образом повлияло на решение Адодуrowa исключить букву *ѣ*.

не употребляются в исконно «славенских» словах, а употребляются лишь в словах «чужестранных»).

Отмечаемое у Татищева произношение фиты как [ft] соответствует украинской манере книжного (и, в частности, церковного) произношения (см. об этом ниже, стр. 182—183 наст. изд.), которая могла быть усвоена великоруссами от украинского духовенства (в связи с массовой иммиграцией духовенства из Юго-Западной Руси во второй половине XVII—XVIII вв.). Характерно между тем, что и Тредиаковский (1748, стр. 62—63, 168) и Адодуrow (см. § 20 рассматриваемой грамматики) упоминают об особом «малороссийском» способе чтения фиты, но не следуют ему. Тредиаковский называет данное произношение «провинциальным» и считает его «несколько не исправным». Что же касается Адодуrowa, то он вообще проявлял себя как противник модного в то время юго-западнорусского книжного произношения — ср. ниже, стр. 90—91.

¹⁴¹ Называя (по свидетельству Тредиаковского) подобное употребление «прежним», Татищев, вероятно, имел в виду, с одной стороны, практику замены ера и еря диакритическим значком («паерком») или разными значками, с другой же стороны — практику опущения еров в скорописи (связанную обыкновенно с вынесением букв над строкой). Самый принцип различения, конечно, не имеет прецедента.

Остается добавить, что Татищев высказывался и в пользу эксплицитного различия в алфавите взрывного и фрикативного *г*, т. е. *г* [γ] и *г* [g]. Правда, пальма первенства в данном случае заведомо принадлежит Адодурову, который высказал соответствующее предложение еще в своем очерке 1731 г. При этом в отличие от Адодурова, Тредиаковского и большинства других русских (но, между тем, не иностранных!) авторов XVIII в. Татищев полагал, что в русском алфавите недостает буквы, соответствующей по звучанию лат. *h*¹⁴². См. об этом в письме Татищева к Тредиаковскому 1736 г. (л. 94 об.), в его «Лексиконе... для приписывания...» 1739 г. (см. изд.: Аверьянова, 1957, стр. 28), в «Разговоре... о пользе науки и училищ» (см. изд.: Татищев, 1887, стр. 88), в «Предложении о сочинении истории и географии российской» 1737 г. (см. изд.: Татищев, 1950, стр. 95); об этом же мнении Татищева упоминает, наконец, и Тредиаковский (1748, стр. 380)¹⁴³.

¹⁴² Между тем Адодуров, Тредиаковский, Каржавин и другие русские авторы, ориентируясь на книжное, а не на разговорное произношение, обычно настаивали на том, что у нас отсутствует буква, обозначающая взрывной [g], и предлагали в ряде случаев тот или иной способ обозначения этого звука (ср., впрочем, в «Заметке о транскрипции» соответствие рус. *г* и польск. *g*).

Любопытно, однако, что Ломоносов в своей грамматике единодушен с Татищевым (см. Ломоносов, 1755, § 22: «нѣкоторыхъ буквѣ нѣтъ въ Россійскомъ языкѣ... какъ Латинскаго *h*, Италіанскаго *g*, которыя мы употребляемъ въ реченіяхъ *Благо, Господь, трожды*). Иначе, однако, в ломоносовском «Суде российскихъ письмен...», где буква *Г* заявляет: «Я стою в начале грамматики, служу вместо *h*» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 388).

¹⁴³ В другом месте цитируемого сочинения (см. там же, стр. 382 прим.), говоря о букве, вводимой в алфавит для обозначения [g], Тредиаковский сообщает, что «нѣкто изъ искусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почитаю, вымышляетъ сей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію *Г* і сію *Г*». Это сообщение не вполне ясно. Неясно, с одной стороны, что имеется в виду под «сей буквой»: буква *г* в обоих значениях или же специальная буква, обозначающая именно взрывной звук. С другой стороны, не вполне ясно, противопоставляются ли знаки *Г* и *Г* как разные буквы: кажется довольно вероятным, что неизвестный автор предложил Тредиаковскому описательно, т. е. в письменной форме, использовать для недостающей буквы перевернутую букву *Г*, не дав более конкретного указания. Не исключено, таким образом, что и в данном случае может иметься в виду Татищев, который мог предложить новую букву для обозначения

Татищеву, между прочим, принадлежит мысль о необходимости введения в алфавит особой буквы, соответствующей (в изолированной позиции) латинскому сочетанию *jo*. Эта мысль высказывалась Татищевым еще в письме 1736 г. (л. 94 об.), затем в «Лексиконе, сочиненном для приписывания иноязычныхъ слов» (см. цит. публикацию Аверьяновой, 1957, стр. 28), также и в «Разговоре... о пользе науки и училищ» (см. изд.: Татищев, 1887, стр. 88). Соответствующий звук Татищев и передавал иногда сочетанием *io*: «пишем... *ежъ, медъ*, а говорим *іожъ, мідъ*» (Татищев, 1887, стр. 88), ср. еще специфическую русскую форму *кліостъ*, фигурирующую в «Лексиконе... для приписывания...» (см. изд.: Аверьянова, 1957, стр. 61). В подобных примерах можно было бы усмотреть элементы транскрипции¹⁴⁴; однако от Тредиаковского (1748, стр. 455—456) мы узнаем, что Татищев предлагал вообще исключить из алфавита «двугласные» и «писать каждую нашу двугласную раздѣльно, напрімѣръ, вмѣсто (я) (іа), такъ і прочіе... надлежалобъ, по его, слово сіе напрімѣръ, ЯВЛЯЯСЯ, писать слѣдующимъ образомъ: ІАВЛІАІАСІА»¹⁴⁵. Таким

ния фрикативного звука, противопоставленную букве *г*, обозначающей, по его мнению, взрывной [g]. Во всяком случае, в очень близких выражениях Тредиаковский в других случаях описывает Татищева.

¹⁴⁴ Такую же транскрипцию («низкого» или «простого» выговора) можно встретить и у Тредиаковского (1748, стр. 369).

¹⁴⁵ В другом месте Тредиаковский (1748, стр. 48 прим.) указывает, что Татищев «составляет» букву *ю* из *і* и *у*.

Насколько можно понять Тредиаковского, Татищев вообще заявлял, что «нет у нас гласных букв, но только одни двугласные», но при этом «наши двугласные буквы иногда бывают явными, а иногда тайными» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 132—133 прим., стр. 455—456; сам Тредиаковский относился к соответствующим идеям резко отрицательно; особенно острые полемические замечания на этот счет, которые содержались в рукописном оригинале «Разговора об ортографии...», были затем вычеркнуты автором, см. стр. 170 данной рукописи). В свою очередь, предложение Татищева писать *я* как *іа*, *ю* как *іу* и т. п. может восходить к указанию Адодурова (1731, стр. 3, 5), что буквы *я*, *ю*, *ѣ* состоят соответственно из *і+а*, *і+у*, *і+е*.

Мысль о том, что «двоегласные» буквы разделяются на «явные» и «потаянные», была позднее высказана Ломоносовым (1755, § 91, 92); это обстоятельство, между прочим, проливает новый свет на возможные источники грамматики Ломоносова (ср. выше, прим. 142). Ср. в этой связи обращение Ломоносова к Татищеву в письме от 27 января 1749 г.: «...имел

образом можно думать, что написание *io* на месте позднейших букв *io* или *ë* соответствовало предлагаемым Татищевым орфографическим нормам¹⁴⁶. От сочетания *io*, конечно, совсем уже недалеко до диграфа *io* (ср. его обсуждение в § 97 исследуемой грамматики Адодунова).

Наряду с Адодуновым и Тредиаковским, Татищев предстает как одна из наиболее авторитетных фигур в доломоновской русистике. Его влияние (хотя бы и в виде негативного отталкивания) может быть обнаружено в сочинениях как Тредиаковского и Адодунова¹⁴⁷, так и Ломоносова. Если сравнивать Адодунова и Татищева, то можно заключить, что Татищев превосходит Адодунова в радикальности своих предложений, но явно уступает ему в лингвистическом чутье¹⁴⁸.

я издавна желание изыскать случаи, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал доволно, к которому и я труд свой по силе прилагаю» (цит. по изд.: Ломоносов, 1957, стр. 461).

¹⁴⁶ Может быть, именно к татищевской орфографии относится следующее замечание Ломоносова в черновых материалах к грамматике: «Коль странно будет писать *несиошь*» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 671). Знакомство Ломоносова с орфографическими идеями Татищева подтверждается, как мы видели, и другими примерами.

¹⁴⁷ В свою очередь и Татищев, конечно, мог испытывать известное влияние со стороны названных авторов. Укажем, например, что предложение Татищева исключить из алфавита буквы *и* и *з*, оставив соответственно *й* и *я* в качестве общего обозначения, так же как и возражение против букв *ѣ* и *ѡ* в письме Тредиаковскому 1736 г., л. 94—94 об., соответствует аналогичным замечаниям в очерке Адодунова 1731 г. (стр. 3); кстати сказать, все эти предложения и попытка реализовать Тредиаковский в «Разговоре об орфографии...». Что же касается пространной грамматики Адодунова, исследуемой в настоящей работе, то она, по-видимому, Татищеву не была известна: ср. замечание об отсутствии грамматики и о необходимости ее создания в письме Татищева к Шумахеру 1748 г. (см. изд.: Андреев, 1951, стр. 274, ср. цитату и наш к ней комментарий на стр. 87 наст. изд., прим. 148).

¹⁴⁸ Можно сказать вообще, что Татищев более эклектичен в своей лингвистической установке. Ориентация (в ряде случаев) на собственно русскую языковую стихию не всегда сочетается у него с последовательным противопоставлением ее стихии церковнославянской. Подобная ориентация ясно видна, например, в цитированных рассуждениях Татищева, относящихся к букве *г*;

Но, независимо от оценки того или иного автора, мы вправе констатировать, что грамматические вопросы, относящиеся к русскому (а не к церковнославянскому) языку; живо обсуждались в 30-х годах XVIII в. На этом фоне появление рассмотренной грамматики (Адодунова) представляется в общем совершенно закономерным.

8. Автор настоящего исследования ставил перед собой следующие задачи: а) обосновать самый факт существования доломоновской грамматики на родном языке; б) показать, что грамматика М. Гренинга представляет собой не оригинальное сочинение, а перевод этой грамматики на шведский язык; в) доказать, что автором данной грамматики был В. Е. Адодунов; г) определить место грамматики Адодунова в доломоновской русистике.

В. Е. Адодунов, таким образом, выступает как основной предшественник Ломоносова в деле описания и коди-

к различию между *е* и *ѣ*; к необходимости введения буквы, соответствующей позднейшим буквам *io* или *ë*. Ср. особенно письмо к Шумахеру от 7 августа 1747 г., где, отзываясь о книгах «новой печати», Татищев пишет: «В Апофтегматах перевод неприличной неким несмысленным или высокоумным церковником высокой славенской язык, которого мало люди разумеют, а паче люди неученные» (см. изд.: Андреев, 1951, стр. 260). Однако в других случаях Татищев может с тем же пылом протестовать, например, против произношения *хочу, чужее, праздник, быю, лью, любить* вместо, соответственно, *хощу, чуждее, праздни-к, бию, лию, любити*; или против написания *голодь, морозъ, городъ, сторона, дватцать* и т. д. вместо *гладъ, мразъ, градъ, страна, двадцать* и т. п., причем подобные случаи рассматриваются им именно как порча «славенского» языка [см. об этом в «Разговоре... о пользе науки и училищ» (Татищев, 1887, стр. 94), а также в письме 1736 г. (л. 94 об.)].

Характерно, что русский литературный язык Татищев может называть «славенорусским». Так, например, откликаясь на речь «О чистоте русского языка», произнесенную Тредиаковским при открытии Российского собрания 14 марта 1735 г., Татищев пишет в письме к последнему от 18 февраля 1736 г.: «Я видя вашу в собраний академическо^м говоренную о исправлений языка славенорускаго, речь сердечно порадовался...» (л. 94). Соответственно должно пониматься и замечание Татищева в письме к Шумахеру от 22 июня 1748 г.: «нужнейшее славенорусская грамматика и лексикон зделать, которых нет» (см. изд.: Андреев, 1951, стр. 274); это замечание следует соотнести с аналогичным замечанием в «Разговоре... о пользе науки и училищ», где выражается сожаление, что «лексикона и грамматики достаточной не имеем» (см. изд.: Татищев, 1887, стр. 157), где речь явно идет о русском языке.

фикации русского литературного языка. Замечательно, что так же как и у Ломоносова, научные интересы Адо-
дурова лежали прежде всего в области точных знаний (Адо-
дуров был адъюнктом по кафедре высшей математики
уже в 1728 г. Бернулли в письме к Гольдбаху отмечал
его математические способности). В обоих случаях это
способствовало самостоятельному взгляду на языковые
факты, отказу от слепого следования славянской грамма-
тической традиции. С другой стороны, и непосредственный
контакт с западноевропейскими языками, несомненно,
способствовал научному описанию родного языка как
у одного, так и у другого автора (в какой-то мере опре-
деляя, может быть, и характер нормализаторской дея-
тельности Адодуrowa¹⁴⁹).

Хотя данная грамматика непосредственно
и не была известна Ломоносову, она в значительной сте-
пени подготовила почву для появления как грамматики
Ломоносова, так и последующих опытов кодификации
русской речи. Уместно отметить, что в лингвистических
сочинениях Ломоносова может наблюдаться в ряде слу-
чаев известная близость к идеям рассмотренной грамма-
тики, которая в принципе может объясняться (в каждом
конкретном случае) одной из следующих причин: а) зна-
комством Ломоносова с краткой грамматикой Адодуrowa
1731 г. (которую, как уже упоминалось выше, Ломоносов
внимательно штудировал); б) знакомством с идеями на-
шей грамматики через посредство сочинений, испытывав-
ших ее влияние (например, «Разговора об орфографии. . .»
Тредиаковского, см. выше); в) общностью некоторых
источников, которые могли оказывать то или иное влия-
ние, с одной стороны, на нашу грамматику, с другой же —
на сочинения Ломоносова (таким источником могли быть,
в частности, высказывания Татищева, см. выше).

Если говорить о случаях сходства именно с первой частью
нашей грамматики (посвященной вопросам орфографии и фоне-
тики) — другие части грамматики менее показательны в этом

¹⁴⁹ В 1743 г. Адодуrow вспоминал о своих академических занятиях:
«Я при Академии наук учился языкам латинскому, немецкому
и французскому и притом имел случай собственные мои недо-
статки в правильном употреблении природного нашего языка
несколько усматривать и оные в себе по возможности исправлять»
(см.: Пекарский, I, стр. 511). Замечательно при этом, что в от-
личие от Ломоносова и Тредиаковского, учившихся за границей,
Адодуrow получил все свои знания в России.

отношении ввиду их близости к адодуrowскому очерку 1731 г.,
безусловно, известному Ломоносову, — то можно отметить лишь
следующее: как Адодуrow (§ 9), так и Ломоносов (1755, § 91, 1952,
стр. 598) говорят о трифтонгах, имея в виду такие буквенные соче-
тания, как *юй, яй и т. п.*; замечания об ассимиляции согласных
в § 23—24 нашей грамматики отчасти близки к соответствующим
замечаниям Ломоносова (1755, § 101, 103, 126, 127; 1952, стр. 597,
598, 604, 605, 606, 609, 614, 623); рассуждение о двоякой функции
буквы *е*, выступающей в одних случаях в качестве «гласной» (resp.:
«самогласной»), в других — в качестве «двоегласной» в § 49 на-
шей грамматики (ср. также § 8 и 45), соответствует аналогичному
высказыванию в § 92 грамматики Ломоносова; противопоставление
слитного написания наречий раздельному написанию соответствую-
щих предложных сочетаний содержится как в § 107—109 нашей
грамматики, так и в § 129 грамматики Ломоносова (ср. еще: Ло-
моносов, 1952, стр. 610—611, 633); наконец, мысль о ненужности *ъ*
(см. § 15 нашей грамматики) встречается у Ломоносова в «Суде
русских писем. . .» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 388,
прим. «д»). Остается добавить, что наблюдению над аканьем, из-
лагаемому в § 115 грамматики Ломоносова, может быть, пред-
шествовало аналогичное наблюдение Адодуrowa¹⁵⁰. Хотя все эти
случаи и не указывают на знакомство Ломоносова с рассмотренной
грамматикой Адодуrowa, они значительны, тем не менее, как
свидетельство определенной близости лингвистического мышления
у того и у другого грамматиста.

Вместе с тем следует признать, что в вопросах кодифи-
кации русского языка Адодуrow занимал гораздо более
радикальные позиции, чем Ломоносов. Такие его предло-
жения, как устранение из алфавита буквы *ер*, фиты,
ижицы, *і* десятиричного (с оставлением восьмеричного *и*
в качестве общего обозначения¹⁵¹), намного опередили
свое время и могли быть осуществлены без малого двести
лет спустя.

Адодуrow последовательно отстаивал самостоятельные
права русского языка. Уже в очерке 1731 г. он провоз-
гласил, что «ныне всякий славянизм, особливо в склоне-
ниях, изгоняется из русского языка и жесток современ-
ным ушам слышится. . .»¹⁵²; тем же духом проникнута

¹⁵⁰ См. об этом выше, стр. 71—74.

¹⁵¹ См. об этом в § 5 шведской версии рассматриваемой грамматики.

¹⁵² Последняя часть приведенной фразы, как говорилось, прямо
соответствует высказыванию Тредиаковского (1730): «Язык
славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится». Что же
касается первой части данной фразы, то слова Адодуrowa целе-
сообразно сопоставить со следующей записью Ломоносова,
относящейся к 1736—1739 гг.: «Новымъ словамъ ненадобно
старыхъ окончаніевъ давать, которыя не употребительны. . .»
(см. полную цитату на стр. 218 наст. изд.), или с позднейшим

и его рассмотренная грамматика. В написанном позднее (в феврале 1742 г.) отзыве на экстракт славено-русского лексикона Егера Адодуров видит главный недостаток этого лексикона в том, что его сочинитель «какъ въ славенскомъ, такъ и въ руско^у языка^х весьма недостаточенъ», поскольку «разность, которую онъ положи^л между славенскими и рускими словами о^тличаетъ крайнее его невѣденіе въ обои^х»¹⁵³. Итак, «славенский» и «русский» являются для Адодурова двумя равноправными языками, причем собственные его усилия были всегда направлены на описание именно русских языковых норм.

Адодуров, с другой стороны, отстаивал права собственно великорусской языковой нормы в условиях моды на украинизмы. Весьма любопытно в этом отношении свидетельство Екатерины Второй о споре Адодурова с ее законоучителем (Симоном Тодорским) относительно того, как должна прочесть Екатерина «Символ веры» при своем обращении в православие 28 июня 1744 г. Симон Тодорский настаивал на украинской манере чтения, а Адодуров — в конце концов и одержавший верх — на великорусской (см. изд.: Екатерина, 1907, стр. 225)¹⁵⁴.

Существенно иной подход может наблюдаться, между тем, у Тагищева, который принимал, видимо, украинское книжное чтение фиты, что отразилось и на его орфографических рекомендациях¹⁵⁵. Характерно, с другой стороны, что если Тредиаковский,

его замечанием: «Славенский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончениями речений» (Ломоносов, 1952, стр. 83).

¹⁵³ См.: Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 63, л. 239, 238 об. Ср.: Материалы АН, V, стр. 45—46.

¹⁵⁴ Правда, в данном случае речь идет о противопоставлении разных традиций церковного чтения, т. е. церковнославянского произношения. Но следует иметь в виду, что русское книжное произношение (на которое в большой степени ориентируется рассмотренная грамматика Адодурова, так же как и ломоносовская грамматика) совпадало с церковнославянским (см.: Успенский, 1971). Тем самым существенной оказывается в данном случае оппозиция «великорусское» — «юго-западнорусское». Ср. в связи с этим эпизодом свидетельство Сумарокова (1787, X, стр. 24): «Знатѣйшія наши духовныя были ко стыду нашему только одни Малороссіяны. .. отъ чего всѣ Духовныя слѣпо слѣдуя ихъ неправильному и провинціальному наречію вмѣсто *во вѣки* и проч. говорили *во вики* и такъ далѣе»; Сумароков констатирует далее, что в церкви стали произносить также на украинский манер *всигды, теби* и т. п. (см. там же, стр. 26).

¹⁵⁵ См. выше, стр. 82—83, прим. 140.

позражая против украинской манеры чтения фиты, считает необходимым доказать «неисправность» этой манеры, т. е. несоответствие ее исходному греческому произношению (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 62—64, 168—169), то Адодуров занимает иную позицию: он признает, что в украинском книжном произношении сохранилось древнее различие букв *ѣ* и *е* (см. § 20 исследуемой грамматики), но не принимает этого различия просто потому, что оно чуждо великорусским языковым нормам¹⁵⁶.

Грамматика Адодурова в силу ряда обстоятельств внешнего характера не получила той известности, которую она заслуживала, хотя сами идеи этой грамматики не остались неизвестными современникам и в значительной мере стимулировали последующие труды в этом направлении. Вместе с тем данная грамматика представляется замечательным для своего времени явлением. Наследие этого выдающегося деятеля русской культуры первой половины XVIII в. не должно быть забыто.

¹⁵⁶ Тредиаковский и Адодуров, может быть, имеют в виду разные манеры чтения фиты, существовавшие в Юго-Западной Руси, но принципиально это не меняет дела.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МАТЕРИАЛЫ

*Воспроизведение текста грамматики
(по единственному русскому списку)
с текстологическими примечаниями
и объяснительным комментарием*

ТЕКСТ ГРАММАТИКИ

Текст грамматики передается с соблюдением орфографии и пунктуации воспроизводимого источника (тетради И. М. Сердюкова) — со следующими от него отклонениями:

1. Не передается различие между буквой *ѣ* и буквой *у*. Данное различие применительно к рассматриваемой рукописи относится вообще скорее к области палеографии, чем к орфографии; характерно в этой связи, что начертание *ѣ* более или менее последовательно исправлялось самим писавшим на *у*. Как той, так и другой букве в настоящем издании соответствует буква *у*.

2. Словоразделение отчасти приближено к современному, в частности, в случае предложных и союзных сочетаний: предлоги и союзы автоматически отделяются от последующего слова.

3. После точки, если она обозначает конец фразы (в отдельных случаях точка может встречаться и в ее середине), ставим прописную букву. В прочих случаях мы употребляем прописную букву только там, где она сколько-нибудь отчетливо противопоставлена по своему начертанию соответствующей строчной букве; поскольку вообще различие между прописной и строчной буквами в большинстве случаев не представлено в рассматриваемой рукописи с достаточной ясностью, постольку и передача этого различия может быть только приблизительной.

Курсив соответствует подчеркиванию оригинала: светлый курсив соответствует подчеркиванию одной чертой, полужирный курсив — подчеркиванию двумя чертами. Конец страницы отмечен двумя косыми чертами: //. Нумерация страниц дается на полях и соответствует пагинации воспроизводимого списка; в том случае, когда обозначение страницы отсутствует в оригинале, оно берется в квадратные скобки. Цифры в круглых скобках представляют собой отсылки к текстологическим примечаниям.

Тит.
лист

Сія кнѣга Ивана Сердюкова.

1738го Года.⁽¹⁾//

1

О Грамматикѣ во обще.

1/ Грамматика есть такая наука, которая обыкновенную члвческую рѣчь приводитъ въ обыкновенныя правила⁽¹⁾.

2/ Но понеже члвческая рѣчь состоитъ изъ разныхъ словъ, которыми другъ⁽²⁾ другу мысли свои являютъ, а всякое слово соде^ржитъ въ себѣ одинъ или нѣсколько слоговъ, такъ какъ и слоги и^з о^дной или многихъ лѣте^р составляютъ то надлежитъ въ Грамматикѣ перво ра^ссу^дать о лѣтерахъ, ихъ ра^дѣленіи и употребленіи, пото^м о словахъ, особливо о ихъ гла^гныхъ свойствахъ, о ра^зличіи ме^жду собою, послѣ о словахъ соединенныхъ, то есть о цѣлой рѣчи, а на послѣдокъ какъ всякое въ рѣчи положенное слово правильно व्यवарива^т.

3/ Отъ сего произошло ра^дѣленіе Грамматики на ра^зныя Ея части, а имянно на Орфографію; Этимологию, Сѣнтаксисъ⁽³⁾ и Просодию.

4/ Что до слова Грамматика касается, то оное есть² Греческое и происходитъ о^т слова γραμμα // которое значи^т на нше^х языкѣ писмя или лѣтера начало свое воспріяла она о^т усматриванія того что въ употребленіи языка казалось прилично или неприлично, послѣ такія примѣчанія были собраны и приведены въ порядокъ; что^б всякъ зна^а чему⁽¹⁾ надлежи^т послѣдова^т и чего оберегаться: о^т сего имено есть что сія наука во всемъ до^зженствуетъ послѣдовать добро^му употребленію.

Часть первая о Орфографіи.

§ 1./ Орфографія есть та часть Грамматики, въ которой показывается способъ, какъ члвческую рѣчь писмо^м, или обыкновенны^м знаками, изображать надлежитъ.

§ 2./ Сіе имя Орфографія происходит о^т Греческаго языка, а именно о^т слова *орѳос*, что на нашемъ языкѣ значитъ прямые или правые, и *γραφη* то есть писаніе, чего ради орѳографія по руски⁽²⁾ называется правописаніе.

§ 3./ Знаки которыми человѣческая рѣчь въ писмѣ³ изображается, называются писмена или літеры, они сами по себѣ⁽¹⁾ никакова схо^дства съ тѣми звуками или гласами не имѣю^т⁽²⁾ изъ которыхъ слова составляются, но сіе знаменованіе придано имъ о^т одного токмо согласія, или произволенія людей и для того нѣтъ въ томъ никакой силы, каки^х бы знакомъ^х которыми голосъ⁽³⁾ или зво^н сперва изображенъ ни бы^т.

§ 4./ Отъ сего слѣдуетъ, что для прави^ного изображенія⁽⁴⁾ словъ и рѣчей надлежало бы имѣ^т то, что сто^ико особливѣ^х знаковъ, ско^лко есть въ которомъ языкѣ^х особливѣ^х голосовъ или зво^новъ, слова того языка составляющихъ, но хотя въ нше^м языкѣ и гораздо болше знаковъ⁽⁵⁾ принято нежели въ прочихъ европейски^х языкахъ однакожъ не можемъ мы того сказать что^б они къ и^зявленію всѣхъ употребите^лны^х у насъ гласо^в⁽⁶⁾ были дово^лны, мы примѣчае^м въ наше^м языкѣ⁽⁷⁾ многія голоса, которыя приняты^и о^т насъ⁽⁸⁾ літера^м изъяснить весьма не можно, а напротивъ⁽⁹⁾ того находимъ въ^н нашихъ літера^х и то, что нѣкоторыя гласы двумя или тремя знаками и^зявляются, и прито^м еще одинъ знакъ весьма никакого гласа не значащій, но сей недостатокъ⁽¹⁾ въ ншей а^лбукѣ^х прише^т уже въ такое употребленіе, что оной совершенно насилу исправится може^т и то развѣ до^лжимъ времени^м.

§ 5./ Всѣхъ оны^х літе^р, которыя пре^жде какъ въ писмѣ^х, такъ и въ печати употреблялись, было соро^к одна⁽²⁾, но какъ о исправленіи печатающихся у насъ книгъ⁽³⁾ стараніе лучше имѣ^т начали, то для показанного недостатка въ нашей а^лбукѣ^х и^з новой такъ называемой гра^жда^нской⁽⁴⁾ печати многія лишнія літеры выключены, и осталось употребите^лны^х въ нынѣшней печати літе^р тридцать пять⁽⁵⁾, а именно: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, ї, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ѣ, ѳ⁽⁶⁾, ю, ѿ, ѡ, ѱ. Малороссіяне прибавили къ си^м еще літеру *ѣ*⁽⁷⁾ которая прои^зношеніе^м

сходна съ латински^м или съ по^лски^м *ę*. и имѣ^ет^ь гласъ посредств^еныи ме^жду наши^м *г* и *к* о^тнако^м она у насъ³ ни въ печати ни въ писмѣ^х еще и поннѣ^м не употребляется⁽¹⁾.

§ 6./ Какъ оныя голоса которыя члвкѣ^м прои^зноси^т во всяко^м языкѣ находятся двоякого рода, тоестъ простыя и сложенныя такъ и літеры до котораго бы языка они ни надлежали раздѣляются на гласныя и согласныя.

§ 7./ Гласны^м называются тѣ которыя безъ помощи другихъ літе^р разныя члвческія голоса изображаютъ, а согласны^м тѣ названы которыя бе^з прибавленія о^тной и^з гласны^х літе^р никакого члвческаго голоса учинить и выговори^т не могутъ⁽²⁾.

§ 8./ Гласны^х имѣ^емъ мы 9 *а, е, и, ї, о, у, ы, э, ѳ*⁽³⁾.

§ 9./ Когда двѣ гласныя літеры соединяютъ^ся въ одинъ голосъ⁽⁴⁾ то происходятъ о^ттого двоегласныя, нѣкоторыя и^з ни^х изображаются у насъ одною літерою а нѣкоторыя двумя, тѣхъ которыя одною літерою пишутся есть три а именно: *ѿ, ѣ* и *ю* а прочія^х которыя въ ншемъ языкѣ болше случаются есть 7. Оныя слѣдую^т таки^м поря^дко^м *ай, ей, їй, ой, уй, ый, и эй*.//

§ 10.⁽¹⁾/ Что *ѿ, ѣ* и *ю* по^лтинно двоегласныя а не простыя гласныя літеры⁽²⁾ то мо^жно и отъ того легко видѣ^т что по^л оны^м літерами два ра^зныя гласы соединяются такъ *ѿ*, нѣчто иное есть какъ соединеніе дву^х літе^р *ї* и *а* въ одинъ голосъ, *ѿ*⁽³⁾ соде^лжи^т въ себѣ два гласныя *ї* и *е*, а *ю* состои^т и^з дву^х гласны^х *ї* и *у* какъ и самое ихъ прои^зношеніе ясно показывае^т.

§ 11./ Кромѣ вышеписанны^х десяти двоегласны^х имѣ^емъ мы еще 3 трегласны^х а именно *ѿй, ѣй* и *юй* которыя 3 разныя голоса вмѣстѣ^х соединяють такъ троегласное *ѿй* слагается и^з *ї, а, й* троегласное *ѣй* состоитъ и^з *ї, е, й* а троегласное *юй* содержитъ въ себѣ *ї, у, й*.

§ 12./ О двоегласномъ *ей* на^длежитъ примѣчать, что когда то полагается послѣ какія нибу^д гласныя літеры тогда имѣ^ет^ь силу троегласного⁽⁴⁾, для того что *и*⁽⁵⁾ гласное есть⁽⁶⁾ въ началѣ слога или послѣ какого нибу^д двоегласного⁽⁷⁾ положенное получаетъ силу

А ъ имѣ^е силу то^{ко} половины гласныя літеры и для того бо^{ше} по^{гласною} нежели припр^яногласною літерою назва^тся до^{женствуе}⁽⁴⁾ какъ сіе въ 14 §, ясно показано. //

§ 17. Согласныя ра^ддѣляются въ пе^рвые⁽¹⁾ на простыя и сложныя.

§ 18. Просты^е имѣ^е мы 18. между которыми б, в, г, д, к, п, т, ф, х, ѳ называются бе^ггласны^{ми}⁽²⁾ л, м, н, р таемыми а, ж, с, ш⁽³⁾ могутъ названы быть сиповатыми;

§ 19. Ме^ду бе^ггласными находя^тся: 3 умягченныя а имянно б, г, д три жестоки^я п, к, т; 3 тяжелыя ф, х, ѳ; и о^{на} особливая в, которая о^т прочи^х бе^ггласны^х літе^р имѣ^етъ весьма о^мб^нное свойство, и ни въ какую другую літеру не пере^мб^няется.

§ 20. Літеры ф и ѳ въ ра^ссужденіи ни^жшняго н^ишего прои^ношенія ме^ду собою ниче^м не ра^нствую^т о^нако^м при то^м и сіе по^линно, что в въ то время какъ писмена о^т Греко^в приняты были гласъ о^т літеры ф до^{женствовало} имѣ^етъ весьма ра^зличной что еще и н^иѣ малороссійское прои^ношеніе дово^лно по^ттве^рждае^т по силѣ котораго ѳ о^т ф // выговаривае^тся о^мб^нны^м о^бразо^м такъ что она літера^м д и т у нихъ може^т правѣ^нно противу положена бы^т, но что касае^тся до и^х ра^зличія въ употребленіи, о то^м о^бявлено буде^т о^со^бливо.

§ 21./ Сиповатыя літеры ра^ддѣляются та^кже на умягченныя и жестоки^я умягченны^{ми} называются з, ж а жестоки^{ми} с ш.

§ 22./ Сложны^е осталось у насъ еще 3, а име^нно: ц, ч, щ и^а которы^х ц и ч называются двойныя по^тму что ц слагае^тся и^з т и с а ч и^з т и ш. Напроти^в того щ имѣ^етъ имя тройной літеры для того что она составлена и^з 3^х согласны^х то есть и^з ш, т, и ш⁽¹⁾

§ 23/⁽²⁾ О^т сего ра^ддѣленія происходятъ слѣдую^щія въ наше^м правописаніи необходимо ну^жныя правила.

I/ Что пре^д умягченны^{ми} літера^{ми} б, г и д и^а сиповаты^е полагаю^тся также⁽³⁾ всегда умягченныя т: ес^т: з и ж на примѣ^р: // ра^бить, ра^грабить, ра^дда^вить, жда^т и проч:

II/ Пре^д жестоки^{ми} писмяна^{ми} и^а сиповаты^е полагаются тако^{же} жестоки^я, то есть с и щ напри^м: распи^ли^т, вскоп^ать, растоп^ить.

III/ Тяжелыя літеры въ ра^ссужденіи тѣ^х, которыя пре^д ним^и бе^ггосредственно на^ллежи^т поставля^т имѣю^т такое же свойство какъ и літеры жестоки^я, по^тму что и онѣ на^ллежа^т нѣско^лко до жестоки^х⁽¹⁾

IV/ Напроти^в того пре^д літерою в и умягченныя и жестоки^я изъ сиповаты^х писменъ могутъ полага^тся. //

14 Какъ напри^мѣ^р въ словѣ зва^т полагае^тся пре^д сею літерою умягченная літера з, въ словѣ сватъ пре^д нею жъ находи^тя⁽¹⁾ літера жестокая с то^ж по^ттве^рждаю^т и примѣ^ры звони^т, свой, подошва, и прочая: сіе есть оное свойство которы^х літера в какъ о^т умягченны^х такъ и жестоки^х літе^р разнство⁽²⁾ имѣ^етъ и для котораго она названа літерою особливая⁽³⁾.

V/ Когда случатся 2 сиповатыя вмѣстѣ тогда пре^д умягченны^{ми} по^ллежи^т⁽⁴⁾ быть всегда умягченной⁽⁶⁾, а пре^д жестокою жестокой літерѣ напри^м: ра^ззорить, рассып^ать, расшата^т, ра^зжечь.

VII/ Что до прои^ношенія касае^тся, то надлежи^т примѣ^чать, что з пре^д літерою ж та^к какъ ж; а с пре^д літерою ш такъ какъ ш. выговариваетъ, о^т сего слѣ^ддуетъ, что // з пре^д літерою ж и въ писмѣ на^ллежало бы пере^мб^нн^атъ въ ж; а с пре^д літерою ш пере^мб^нн^атъ въ ш о^нако^м общее употребленіе того во всѣ^х слу^чая⁽¹⁾ еще не по^ттве^рждае^т⁽²⁾.

15 VII./ Поне^м сложныя согласныя то есть двойныя літеры ц и ч такъ же и тройная щ состоя^т изъ жестоки^х бе^ггласны^х и жестоки^х сиповаты^х літе^р, то и пре^д ними и^а сиповаты^е иныя полага^тся не могутъ какъ также то^{ко} жестоки^я напри^м: исцѣ^ли^т а не исцѣ^лить; расчи^сти^т а не разчи^сти^т; расцип^ать а не ра^зцип^а⁽³⁾ и проч:

§ 24./ Но не оди^н токмо сиповатыя літеры имѣю^т сіе свойство что умягченныя и^а ни^х находятся всегда пре^д умягченны^{ми}, а жестоки^я пре^д жестоки^{ми} и слож^нны^{ми} літера^{ми}: // то^ж дѣлаю^т и бе^ггласныя о^нако^м съ такою разностию что они того воо^бще утве^ржда^т обыкновенное употребленіе еще не позволяю^т. Ежели ра^ссужда^т о^но то^{ко} прои^ношеніе и оное приня^т въ правописаніи за главное и ненарушимое правило какъ бы то и по^линно дѣла^т надлежало; то пре^д умягченны^{ми}

до¹жно коне¹но писа¹ умягченныя а пре¹ жестоки¹ жестокия літеры и ме¹ду безгласны¹ (1) о¹нако¹ мы види¹ что то въ сло¹жны¹ реченіяхъ не всегда дѣлае¹тъ такъ хотя въ слова¹ *поттве¹жаю¹ (2), житкій, рѣткій, вotka, трупка, и проч.* (3)

Пре¹ жестоки¹ літера¹ *т* и *к* употребляются тако¹же жестокия напро¹ти¹ того есть множество други¹ словъ которыя обыкновенны¹ образо¹ весьма инако пиш¹уся // нежели какъ они выговариваются на примѣ¹ мы выговаривае¹ *оптираю* а пише¹ *обтираю* выговаривае¹ *потписываю* *потписка* (1) а пише¹ *по¹писываю* *по¹писка* и проч: что до просты¹ и первообра¹ны¹ рѣченій касае¹ся то самое естество таки¹ образомъ въ нихъ літеры расположило что жестокия пре¹ жестоки¹ а умягченныя находя¹ся всегда пре¹ умягченны¹ какъ напри¹мѣ¹ въ слова¹: *здравіе, спасеніе, старость, и во всѣ¹ прочі¹* что дово¹но показывае¹ что то¹ правило надлежало бы храни¹ и въ сложны¹ рѣченія¹.

§ 25./ Таемыя літеры *л м н р* имѣю¹тъ въ се¹ случаѣ такое же свойство, какое и въ особливо¹й літерѣ *в* [18] примѣчено // что пре¹ ними и умягченныя и жестокия, и тяжелыя літеры могутъ полагаться на примѣ¹: *блюдо, плаваю, бремя* и проч:

§ 26./ Сіе примѣчаніе приводитъ насъ къ новому раздѣленію літе¹ согласны¹ а именно что нѣкоторыя и¹ ни¹ есть перемѣняющіеся (1) и нѣкоторыя неперемѣняющіеся.

§ 27./ До перемѣняющихся надлежать пе¹вое безгласныя, второе сиповатыя третіе, сло¹жныя літеры.

§ 28./ Но понеже между безгласными літера¹ находятся 2 чужестранныя а имя¹но *ѳ* и *ѳ* которыя ни въ какихъ природ¹норуски¹ слова¹ не случаются, и одна особливо¹я *ѳ* о которой уже выше объявлено было что она о¹ прочі¹ безгласны¹ літе¹ имѣе¹тъ о¹мѣнное свойство то ка¹ (2) *ѳ* и *ѳ* такъ и *ѳ* не надлежатъ никакой перемѣны. //

[19] § 29./ До си¹хъ надлежатъ неско¹ко и безгласныя літеры *п* и *т* пото¹му что *п* также какъ и *ѳ* ни въ какія други¹я літеры не перемѣняются; а *т* хотя и по¹линно перемѣняется а именно въ словахъ сложны¹ изъ¹ (1) пре¹лога *отъ* и друго¹во слова начинающагося о¹ літеры *д* перемѣняе¹ся оно въ *д* какъ то о¹бщее

всѣ¹хъ людей произношеніе по¹тве¹ждаетъ (2) о¹нако¹ во употребленіе еще не вошло что¹ сему натура¹но¹ произношенію и въ писмѣхъ послѣдовали и такъ хотя мы всегда выговариваемъ *оддаю, оддыхаю, оддѣляю*, однако¹ поня¹ (3) пише¹ еще *о¹даю, о¹дыхаю, о¹дѣляю* (4).

§ 30./ Бывае¹ же сія перемѣна літе¹ или при сложеніи или кромѣ сложенія. //

[20] § 31./ При сложеніи случает¹ся сія перемѣна когда какое слово складывается и¹ пре¹лога и имени или и¹ пре¹лога и глагола или и¹ пре¹лога и причастія по которому о¹ сообщенныхъ въ 23¹ § прави¹хъ сво¹е¹шенно (1) разумѣе¹ся и для того въ себѣ уже никакой трудности не имѣе¹тъ.

§ 32./ Кромѣ сложенія бываетъ перемѣна літе¹ или въ прои¹зведеній словъ, то есть когда о¹ нѣкоторы¹хъ рѣченій прои¹зводятся или происходя¹тъ другіе какъ о¹ слова *бгъ, божество* от слова *духъ, душа* и прочая, или въ склоненіи.

§ 33./ Но поне¹же склоненіе есть двоякое иное имѣн¹ъ а иное глаголовъ которое послѣднее особливо¹е (2) имене¹ называется спряженіе то и перемѣна літе¹ (3) може¹тъ быть ка¹ въ склоненіи имѣн¹ъ такъ и въ спряженіи глаголовъ. //

[21] § 34./ Въ склоненіи имѣн¹ъ случается сія перемѣна на-иболше въ гласны¹хъ нежели согласны¹хъ (1) літера¹хъ такъ часто а перемѣняе¹тся или въ *ы* или въ *и* или въ *у* или въ *ѣ* какъ напри¹мѣ¹ *вода, воды, водѣ, воду. рука, руки, рукѣ, руку, я* перемѣняе¹тся или въ *и*, или въ *ѣ* или въ *ю* напр: *земля, земли, землѣ, землю, е* перемѣняе¹тся или въ *а*, или въ *у*, или въ *ѣ*, и прочая. Но сіе перемѣненіе гласны¹хъ літе¹ можетъ спосо¹бно (2) исто¹ковано (3) бы¹тъ при самы¹хъ склоненіяхъ и того ради оное теперь оставляется.

§ 35./ И¹ согласны¹хъ перемѣняются въ склоненіи имѣн¹ъ *з* въ *з*, *х* въ *ш*, *ц* въ *ч*, и то то¹ко въ 3¹хъ слѣдующи¹хъ слова¹: *другъ* въ множественно¹ числѣ *друзья*, [22] *ухо* въ мн: чис: *уши* // *отецъ* въ звате¹но¹ падежѣ единственнаго числа *отче*! но сіе послѣднее употребляется то¹ко въ молитвѣхъ господской (1) *отче ншѣ*. Таки¹ же образо¹ и въ словѣ *Бгъ* перемѣняе¹тся въ звате¹но¹

тельно" падежъ единственнаго числа литера *г* въ *ж* говорится *Боже!*

§ 36./ При спряженіи глагола^в и прои^введеніи слова^в случает^я перемѣна съ літерами^и *б*, *г*, *д*, *к*, *х*⁽²⁾, *з*, *с*, *ш*, *ц*, *ч*, *щ* которыя сего ради называются перемѣняющимися а прочія всѣ для различія о^т них^х не перемѣняющимися.

[23] § 37./ Что до літеры *б* касает^я то она въ прои^вво^вреніяхъ⁽³⁾ // всегда перемѣняет^я на *п* ежели слѣдующая послѣ нѣя літера будет^ь какая нибудь жестоки^х или сложных^х літер^в на примѣ^р о^т слова *гробъ* прои^входит^ь уменьшительное въ множественн^в числѣ *гробки* а о^т слова *труба* дѣлает^я уменьшительное *трупка* равнымъ же образомъ о^т *дубъ* прои^входит^ь слова⁽¹⁾ *дупки*; о^т *горбъ*, *горпки*; о^т *дубецъ*, *дупцы*, и *дупчикъ* о^т *рубецъ* *рупы* и *рупы*⁽²⁾ и проч: о^тнако^ж при се^б на^лежит^ь примѣчат^ь что хотя с^л перемѣна при прои^вношеніи слова^в въ объявлено^м случаѣ и всегда бывает, но въ писмѣ // по^лежит^ь она понятѣ еще весьма многи^м и^вятія^м а въ спряженіи глаголовъ не перемѣняет^я *б* ни въ какую другую літеру.

§ 38./ Такое же свойство имѣет^ь и літера *д* то есть что она въ прои^вво^вреніяхъ слова^в бо^лше въ прои^вношеніи перемѣняет^я на *т* нежели въ писмѣ а при спряженіи глагола^в не по^лве^вжена бывае^т тако^жде никакой перемѣнѣ.

§ 39./ Літера *г*, какъ въ прои^вво^вреніяхъ слова^в такъ и въ спряженіи глагола^в а именно во второ^м лицѣ единственнаго числа наклоненія и^вявительнаго перемѣняет^я на *ж* наприм: словахъ⁽¹⁾ *дружба*, *множество*, *бережно*, *кружокъ*, *кружу*, *окружаю* // прои^всходит^ь ж о^т перемѣны *г* въ с^ю літеру для того что оныя слова прои^вводятся о^т словъ *другъ*, *много*, *берегу*, *кругъ*, равны^м же образо^м слово *бѣгу* имѣет^ь во второ^м лицѣ⁽¹⁾ единственнаго числа наклоненія и^вявительнаго *бѣжишь* также и глаголы *могу*, *жду*, *берегу*, *стерегу*, имѣютъ *можешь*, *ждишь*, *бережешь*, *стережешь* и проч: въ которы^х *г* вышепоказанны^м образо^м перемѣняет^я на *ж*.

§ 40./ Къ се^б послѣдует^ь и літера *к* которая въ такихъ же случаяхъ перемѣняет^я на *ч* такъ о^т слова *крикъ* прои^всходит^ь слово⁽²⁾ *крича* о^т слова *рука* дѣ-

[26] лает^я *ручнш*, *руча*с^я о^т слова *бокъ* // побочный и въ глагола^х на примѣ^р *теку* имѣет^ь во 2^м лицѣ⁽¹⁾ единственнаго числа наклоненія и^вявительнаго *течешь* то^{ку} имѣет^ь то^чеши^ь *сѣку* *сѣчешь* и проч: гдѣ літера *к* перемѣняет^я всегда на *ч*.

§ 41./ Но літеры *х*, *з*, *ц* перемѣняют^я то^{ко} въ прои^вво^вреніяхъ рѣченія^х а въ спряженіи глагола^в не имѣю⁽²⁾ они никакой перемѣны, такъ *х* перемѣняет^я на *ш* на примѣ^р въ словахъ *мушка*, *рубашка*, *мѣшокъ* и проч: которые происходят⁽³⁾ о^т словъ *муха*, *руха*⁽⁴⁾, *мѣхъ*, *з* перемѣняет^я на *с* наприм: въ словахъ *вѣскій* *блискій* *дѣскій*⁽⁵⁾ которыя происходят^ь о^т словъ *взяно*⁽⁶⁾, *близъ*, *дѣваю* // *ц* перемѣняет^я на *ч* на примѣ^р въ словахъ *отечество*, *вѣнчаю* которыя происходят^ь о^т словъ *оуъ* *венецъ*⁽¹⁾ и проч:

[27] § 42./ Напроти^в того *ж*, *ш*, *ч*, *щ* въ прои^ввденіи словъ никакой перемѣны не имѣют^ь; а перемѣняют^я то^{ко} въ спряженіи глаголовъ а именно⁽²⁾, въ глагола^х кончащих^я на *ю*⁽³⁾ иногда какъ въ настоящемъ такъ и въ прошѣшемъ времени перемѣняет^я *ж* на *д* а иногда въ прошѣшемъ перемѣняет^я оно на *з* но въ настоящемъ уже никакой перемѣны не имѣет^ь на примѣ^р *хожу*, *ходишь*, *ходи*^т, *рѣжу*, *рѣжешь*, *рѣза*^т, и проч: // о^т сего выключаю^тся глаголы *дѣжу*, *множу*, *ворожу* въ которы^х літера *ж* никогда не перемѣняет^я такъ же и глаго^л *вижу*⁽¹⁾ ко которой въ прошѣшемъ времени о^т пре^вни⁽²⁾ въ ра^вности.

[28] § 43/ Глаго^л *вожу* когда онъ есть учащательный глагола⁽³⁾ *везу* тогда съ своим^и слов^ным^и перемѣняет^ь *ж* въ настоящемъ и въ прошѣшемъ времени на *з* на прим: *вожу* *водишь*, *возилъ*, *перевожу*, *перевозилъ*, *перевози*^т но когда онъ есть учащательный глагола⁽⁴⁾ *веду*, тогда съ своими слов^ным^и *ж* въ помянуты^х времѣна^х перемѣняет^ь на *д* напр: *вожу*, *водишь*, *води*^т, *навожу*, *наводишишь*⁽⁵⁾, *наводи*^т. //

[29] § 44/ Літера *ш* иногда въ настоящемъ и прошѣшемъ а иногда толко⁽¹⁾ въ прошѣшемъ времени перемѣняет^я на *с* на примѣ^р: *прошу*, *просишь*, *просилъ*, *пишу*, *пишешь*, *писалъ* о^т сего надлежит^ь выключа^ть всѣ глаголы, прои^входящіе о^т словъ имѣющих^ь въ послѣднемъ слогѣ літеру *х* которая въ прои^вводныхъ рѣченія^х всегда на *ш* перемѣняет^я, такіе глаголы въ спряже-

ни своя літеры *ш* не перемѣняютъ наприм: *грѣшу*, *грѣшишь*, *грѣши*¹, *грѣшитъ*, *душу*, *души*¹, *душилъ*, *души*²; *слышу*, *слышишь*, *слыше*¹, *слышетъ* которые происходятъ отъ словъ, *грѣхъ*, *духъ*, *слухъ* и проч: что такъ же и о *и*^х сложны^х разумѣется⁽²⁾, равнымъ же образомъ літера *ш* на *с* не перемѣняется, и въ глагола^х *пашу*, *машу* *тешу*⁽³⁾. //

[31] § 45. / Літера *ч* при спряженіи глагола^х перемѣняется на *т*, что иногда въ настояще^м и прошле^м, а иногда въ прошле^м токмо времени дѣлае^тся, на прим: *свѣчу*, *свѣтишь*, *свѣти*¹, *мѣчу*, *мечеши*, *мети*¹ выключаютъ отъ сего 1 / ⁽¹⁾ всѣ тѣ глаголы, которые происходятъ отъ словъ, имѣющихъ въ послѣднѣмъ слогѣ літеру *ч* которая по силѣ 40го § перемѣняется на *ч* для того что⁽²⁾ такіе глаголы своя літеры *ч* на *т* уже ни гдѣ не перемѣняютъ наприм: *стучу*, *стучишь*, *стуча*¹, *стуча*², *кричу*, *кричишь*, *крича*¹, *крича*², *мучу*, *мучишь*, *мучи*¹, *мучи*², // *точу*, *точишь*, *точи*¹, *точи*² ⁽¹⁾, и прочая которые происходятъ отъ словъ: *стукъ* *крикъ*, *мука*, *токъ*⁽²⁾ что и о *и*^х сложны^х разумѣтъ налѣжи^т. 2 / ⁽³⁾

2 / ⁽⁴⁾ Глаголы *мчу*⁽⁵⁾, *дрочу*⁽⁶⁾ и *плѣчу*, въ которыхъ *ч* на *т* также не перемѣняется но послѣдній глаголъ *плѣчу* въ прошле^м времени наклоненія и³ явите^{наго} и въ наклоненій неопредѣленно^м ⁽⁷⁾ вмѣсто літеры *ч* принимаетъ *к* и такъ *плѣчу* имѣетъ во второе лицѣ наклоненія и³ явите^{наго} времени настоящаго *плѣчешь*⁽⁸⁾ въ прош: вр: *плѣка*¹ въ наклоненій неопре^д: *плѣкать* //

[32] § 46. / Літера *щ* въ глагола^х кончающихся на *щу* перемѣняется какъ въ настояще^м и прошедше^м времени наклон: и³ яв: такъ и въ наклон: неопр: на *ст* ⁽¹⁾ когда оныя глаголы во второе^м лицѣ наклон: и³ яв: времени настоящаго принимаю^т ⁽²⁾ окончаніе *ишь* а когда второе лице кончитъ на *ешь* тогда *ш* ⁽³⁾ въ настояще^м времени уже не перемѣняется но въ прошле^м накл: и³ яв: также и въ наклон: неопр: перемѣняется на слово ⁽⁴⁾ *к* напр: *крещу* ⁽⁵⁾, *крестишь*, *крести*¹, *крести*², *ищу*, *ищешь*, *иска*¹, *искать*. // О^{на}ко^м глаголъ *хлещу* ⁽¹⁾ имѣетъ въ пр: врем: и³ я: наклон: *хлеста*¹ въ неопр: накл: *хлеста*² а глаголъ *трепещу* имѣетъ *трепета*¹ ⁽²⁾.

§ 47. / На послѣдокъ літера *с* въ производны^х рѣченій^х перемѣняется иногда на *з* напр: *прозба* ⁽³⁾ которое слово происходитъ отъ глагола *проси*^т.

§ 48. / Что до употребленія літе^р касаетъся, то оное въ то^м то^ко состоитъ чтобъ ими оныя гласы изображались, и³ которы^х потребныя члвческой рѣчи слова составляются но понежѣ нѣкоторыя гласы и³ являютъся [34] у насъ двумя и тремя // літерами а нѣкоторыя находясь таково состоянія что они ни какого рѣченія не начинаютъ но случаются толко или въ срединѣ или въ концѣ кагого⁽¹⁾ *нибу*^д слога⁽²⁾ того ради все⁽³⁾ оное различіе купно съ прочими до того надлежащими^{ми} свойства^{ми} літе^р здѣ^м по порядку предложимъ.

§ 49. / Между гласными находимъ ⁽⁴⁾ мы двойное *э*, а именно *е* и *э*. Первое и³ *си*^х то есть *е* употребляется въ природны^х руски^х рѣченій^х какъ въ началѣ тавъ⁽⁵⁾ въ срединѣ и въ концѣ. Когда оно полагаетъ въ началѣ или также въ серидѣ⁽⁶⁾ и [35] въ концѣ // слова, но послѣ какого *нибу*^д гласного или доегласного тогда получаетъ силу писмени доегласного и выговариваетъ такъ *бу*^{то} бы и³ *ї* и *е* сложено было какъ на примѣ^р въ слова^х *единъ*, *ученіе*, *уединеніе*, а когда *се* *е* полагаетъ въ срединѣ или въ концѣ слова но послѣ какой *нибу*^д согласной літеры тогда выговариваетъ чисто и совершенно такъ какъ простое гласное то есть *бе*³ примѣса къ оно^у літеры *ї* какъ на прим: въ словѣ *дерево*; *э* употребляется то^ко въ чужестранны^х реченій^х а выговариваетъ во всѣ^х случаяхъ // такъ какъ наше *е* послѣ писмени согласнаго положенное *ка*^к напр: въ слова^х *Этимологія* *Эвропа* *Эклиптика* и прочая.

«Сею літеркою *э* пишется также и слово *этотъ*, со всѣми^{ми} свои^{ми} произво^нны^{ми} которое слово есть природно руское и тожъ значитъ, что мѣстоимствіе *сей*, въ писмѣ оно поимѣ еще не оче^н часто слушается, но въ обыкновенны^х разговорахъ *бе*³ него обойтиса невозможно для того что мѣстоимствіе *сей* бываетъ тогда уже весьма неупотребите^лно» ⁽¹⁾

§ 50. / Літеры *и*, *і* и *ѣ* ⁽²⁾ разнствуютъ между собою не произношеніемъ но то^ко темъ когда которая и³ *ни*^х въ писмѣ употребляется, такъ *и* поставляется во п^евы^х на концѣ всѣ^х словъ на сей гласъ коп-

чанчихся пото^н пишется оно какъ въ началѣ такъ, въ срединѣ ежели послѣдующаю⁽³⁾ літера буди согласная какъ на примѣ^р въ словѣ *источники* оное полагаетъ также и оное не имѣя при себѣ никакой [37] другой літеры // и тогда значить⁽¹⁾ союзъ два слова соединяющій⁽²⁾, а когда сіе и вмѣстѣ съ другою гласною літерою сочиняетъ⁽³⁾ доегласное, тогда и ни^н поставляетъ маленькое полукружіе которое называется *кавыка* или *слитная* для показанія того, что оно съ находящи^хся при немъ гласны^х въ одной гласъ сливаетъ^х какъ на примѣ^р въ слова^х *читаной* и проч:

§ 51./ На проти^в того і никакого и^и природно⁽⁴⁾ руски^х рѣченій ни начинае^т ни оканчивае^т, но употребляетъ^х 1) въ такі^х токмо слова^х, которыя [38] чужестранны^х языко^в въ нѣхъ приняты // ежели оны въ свое^м языкѣ также чре^з і пишутся, какъ напримѣ^р въ слова^х *инструментъ*, *куртіна*, *аріометика*⁽¹⁾ и проч: которыя происходятъ о^т словъ, *Instrumentum*, *Courtine* *αριόμετρος*, 2) пре^д літерами гласны^{ми} пишется всегда і а не и хотя бы то было в^ъ природно руски или в^ъ приняты^х и^и чиужи^х⁽²⁾ языковъ слова въ началѣ или въ срединѣ слова напримѣ^р, *ію*^а, *ученіе*⁽³⁾, и проч:

§ 52./ О^т вышеобъявленнаго употребленія слѣдуетъ еще, что і въ тѣхъ чужестранны^х слова^х писана не должно которыя у насъ хотя и чре^з і произно^с [39] сятъ^х, но въ свое^м языкѣ пишу^тся // какою нибудь другою літерою и прито^м послѣ сего гласа имѣютъ літеру согласную какъ на примѣ^р *Илія*, *Исайя*, *Минхень*, *во^тфенбитте*^а и проч:

§ 53./ ѱ употребляется то^{лько} въ гречески^х слова^х или въ тѣхъ которыя о^т нихъ происходятъ и въ своемъ языкѣ пишутся чре^з ѱ⁽¹⁾ о^днако^ж въ такі^х то^{лько} случая^х когда⁽²⁾ оное ѱ такъ выговариваетъ^х какъ нѣше і на примѣ^р въ⁽³⁾ слова^х *φυσика*, *система*, *Вакіна*⁽⁴⁾ и проч:

§ 54./ Прежде писывали сію літеру, не то^{лько} во всѣхъ тѣхъ слова^х, которыя о^т Грековъ имѣютъ свое начало и у нихъ чре^з ѱ пишу^тся хотя^б оное ѱ и не такъ выговаривалось какъ наше і. Но часто и [40] въ слова^х Латински^х вмѣсто літеры ѱ⁽⁵⁾ гдѣ // двое-

гласныя *ay*⁽¹⁾ или *ey*⁽²⁾ случались. Такъ на примѣ^р въ слова^х *Павелъ*, *Августъ*, *автократо^р*, *Эвропа*, *Еврѣидъ^а*, *Эвгеній* и прочая. употребляли вмѣсто ѱ въ⁽³⁾ дѣ ѱ⁽⁴⁾. Но поне^{же} они⁽⁵⁾ такое употребленіе противно было нѣше^у произношенію и прито^м нѣтъ то^{му} никакого основанія что^б тѣ слова, которыя въ свое^м языкѣ пишутся чре^з и мы писали чре^з і⁽⁶⁾ греческое или чре^з ѱ а выговаривали мы бы оную гласную літ: такъ, какъ согласную ѱ. Того ради стали бо^{ль}ше само^{му} натуральному произношенію [41] нежели // тако^{му} неосновательному употребленію по слѣдова^т.

§ 55. Употребленіе літеры ѱ дѣлаетъ не токмо чужестранны^х и наше^{му} языку учиться еще начинающа^х но и сами^х природны^х руски^х люда^х немалое затрудненіе⁽¹⁾, часто пишутъ сію літ: тутъ гдѣ ея писа^т весьма не надлежитъ, часто все то заравно принимаютъ хотя бы гдѣ ѱ или е было написано, и о^т сего ложнаго мнѣнія многіе оную почитаютъ или за ровную літерѣ е или и есма за излишнюю сіе погрѣшеніе происходитъ о^тчасти о^т того, что она съ літ: е въ нѣкоторы^х случая^х сходное имѣетъ произношеніе а о^тчасти о^т незнанія силы и различія сй^х літер^ъ, но мы еще въ само^м началѣ а именно при ра^здѣленіи літеръ уже и^ияснили въ чемъ она^я ра^зность состои^т и какое между ими нахо^д [42] дитъ^х // схо^дство а именно: показали мы что ѱ есть писма^х доегласное для того что оно два ра^зные гласа вмѣстѣ соединяетъ а літ: е гланая⁽¹⁾ которая и^иявляетъ простой то^{лько} члвческой гласъ также объявили мы и то, что ѱ съ літ: е токмо въ такі^х случая^х имѣетъ сходное произношеніе когда е находи^тся въ началѣ слова⁽²⁾ или послѣ какого нибудь писмени гласного и что оно тогда силу доегласного получаетъ такъ бу^то бы и оно и^и і и е состояло о^т сего ра^зсужденія можемъ мы то уже дово^{льно} видѣ^т что літ: ѱ и е ме^ж собою весьма ра^знствуютъ, и что никакой и^и ни^х во всѣхъ случая^х⁽³⁾ вмѣсто другой [43] употребл^ят и слѣдовате^{льно} // за и^илишнюю почита^т⁽¹⁾ немощно.

§ 56./ Но что до употребленія и мѣста літ: ѱ ка^к сается, то она тѣмъ о^т літ: е также весьма разнствуетъ,

ибо не начинае^т она ни какого слова въ иже
языкъ, кромѣ дву^х глаголовъ *ѣду* и *ѣмъ* съ и^х про
изво^нны^{ми}; первой глаго^л начинае^тся си^м двоегласны^м
писмене^м послѣдую о^ному то^ко упо^требленію⁽²⁾ а не
для того что^б то ради нѣкоторы^х важны^х причи^н ко
нечн^о такъ дѣл^а надлежало не было бы о^т того, ни
въ прои^зношеніи ни въ знаменваніи⁽³⁾ сего глагола
также и прочи^х о^т него происходящи^х словъ ни
какого замѣшате^лства хотя бы они и літерою *е* //
въ началѣ писаны были, для того, что *е* въ началѣ
си^х сло^в съ двоегласны^х *ѣ* совершенное сходство имѣе^т
такъ наприм: слова *ѣду*, *ѣзда*, *ѣздок*, *ѣздовой* и проч^і
съ такою же способностію могли бы о^т літ: *е* начи
на^тся, съ какою они пѣ^т пачинаю^тся о^т літ: *ѣ* ежели
бы то общи^м упо^требленіемъ принято было, а мно
гіе пишу^т оныя слова и подлинно літерою *е*, но при
глаголѣ *ѣмъ* употребляе^тся *ѣ* въ началѣ бо^лше для
различія ме^жду неопредѣленны^м наклон: сего глагола
ѣсть и между тре^ти^х лице^м врем: наст: го наклон:
въ то^м случаѣ называе^тся *есть*⁽²⁾ и пиш^етъся въ нач:
не чре^з *ѣ* но чре^з *е* чего ради какъ сей глаго^л *ѣмъ*,
такъ и всѣ о^т него происходящіе слова обыкновен
ны^м образо^м двоегл: *ѣ* всегда уде^рживаю^т; на про
тивъ того літ: *е* начинае^т весьма многіе слова или
точнѣе сказать всѣ тѣ, при которы^х мы въ началѣ
гласъ двоегласному *ѣ* подобной примѣчае^м, въ сре
динѣ употребляе^тся *ѣ* во многи^х случая^х, но того
способно еще⁽³⁾ нем^ожно исто^кова^т, гдѣ наипаче *ѣ*
нежели *е* писа^т до^лжно, сіе зависи^т о^т одного то^ко
прои^зношенія, лучшаго способа нѣтъ // что^б узна^т гдѣ
ѣ или *е* въ срединѣ слова писа^т надобно, какъ
то^ко что на^лежи^т прилѣжно примѣча^т какъ которое
слово выговаривае^тся, такъ ежели мы примѣчае^м, что
въ прои^зношеніи два гласныя *і* и *е* вмѣстѣ соеди
няю^тся то надобно тогда писа^т двоегласное *ѣ* а когда
слышно оди^н то^ко простой гласъ *э* тогда надобно
полага^т въ ономъ случаѣ літ: *е* такъ напримѣ^н
въ словѣ *лѣсъ* примѣчае^м мы соединеніе дву^х глас
ны^х *і* и *е*, въ одинъ голосъ и для того пиш^етъ оное
чре^з *ѣ* а въ словѣ *лестъ*⁽¹⁾ слыши^м оди^н то^ко про
стой гласъ *э* // то оное и пиш^етъ не чре^з двоеглас
ное⁽¹⁾ *ѣ* но чре^з простое *е*. Другой спосо^б подае^т

намъ прои^звѣденіе словъ когда рассматривае^м о^ткуда
какое слово происходитъ пото^му что прои^зводныя
реченія въ прописаніи⁽²⁾ послѣдуютъ часло⁽³⁾ свои^м
первообразны^м такъ о^т слова *лѣсъ* происходи^т *лѣсный*
о^т слова *мѣта* происходи^т *мѣчу*, *примѣчаю*, *примѣ
чаніе* *примѣта* *примѣтны*⁽⁴⁾ и проч: но поне^жо
первообразныя слова *лѣсъ*, *мѣта* пишутся чре^з *ѣ* то
и и^х прои^зводныя до^лжно бе^з всякого сомнѣнія пи
са^т также чре^з *ѣ* а не чре^з *е*. // Однако^ж при се^м
другомъ способѣ находя^тся нѣкоторые и^нятія, на
примѣ^р: хотя первообразное слово *лежу* пиш^етъся и
чре^з *е*, по его прои^зводное вмѣсто *е* имѣе^т иногда *ѣ*
такъ *прилѣжу*, *прилѣжаніе*, *прилѣжный* пишутся
уже чре^з *ѣ* а не чре^з *е* а *надлежу*, *подлежу*, оное *е*
уде^рживаютъ что и въ нѣкоторы^х други^х слова^х при
мѣчае^тся. Третьей спосо^б подае^т намъ нѣкоторые літ:
по которы^м мы познавае^м когда // двоег: *ѣ* удо^треб
лено бы^т не можетъ по что вмѣсто онаго надобно
писа^т літ: *е* а именно когда въ какомъ словѣ кромѣ
окончанія случа^тся літеры, *ж*, *к*⁽¹⁾, *ф* или *ѳ*, *ш*, *щ*, то послѣ сихъ літ: *ѣ* положена бы^т не може^т,
такъ напримѣ^н въ слова^х: *честь*, *жесть*, *шесть*⁽²⁾,
щека, *кедръ*⁽³⁾, и прочія симъ подобныя никогда
чре^з *ѣ* не пишутся но чре^з *е*, напослѣдокъ въ концѣ
слова *ѣ* употребляе^тся въ таки^х токмо⁽⁴⁾ случаяхъ,
когда, пре^д слово^м полагается какой нибу^д пре^длогъ
или частица неперемѣняющаяся, но которая есть
такого состоянія что она въ окончаніи того слова
подлѣ котораго находится нѣкоторую // перемѣну
прои^зводи^т, чего ради ежели ко^му покаже^тся что
бу^дто⁽¹⁾ какое слово кончи^тся на гласъ *э* а пре^д оны^м
буде^т находи^тся какая нибу^д и^х тѣхъ частицъ то
надобно тогда вмѣсто *е* писа^т двоегласное *ѣ* что
учини^тся всегда бе^з всякого погрѣшенія какъ то во
второй части грам^матики о^т свойства склоненій и
предлого^в ясныя видѣ^т можно буде^т, такъ ежели при
словѣ *рѣка* буду^т находи^тся частицы, *на*, *при*, *по*
въ и прочаяя си^м подобная то надобно буде^т тогда //
оное слово с си^м частица^{ми} писа^т та^к: *на рѣкѣ*, *пре
рѣкѣ*, *по рѣкѣ*, *въ рѣкѣ* и проч: то есть слово *рѣка*
для таки^х пре^д ни^м находящи^хся частицъ до^лжен
ствуе^т въ свое^м око^нчаніи имѣ^т двоегласное *ѣ* а не

простое гласное *е* хотя⁶ *о* недоста⁷ка въ ясности слуха кому и казалось бу⁸то оныя слова на гласное *е*⁽¹⁾ оканчиваю⁹тся то¹⁰ на¹¹лежи¹² примѣча¹³ и въ про¹⁴чи¹⁵ подо¹⁶бны¹⁷ сему случая¹⁸. //

52. § 57./ По¹⁹за которая *о* прави²⁰тнаго употребленія си²¹ ме²²ду собою весьма ра²³зныхъ лѣт²⁴: прои²⁵ходи²⁶, состоя²⁷ не токмо въ то²⁸, что⁽¹⁾ оно²⁹ намъ ясно показывае³⁰тъ какъ слова н³¹шего языка на³²лежащи³³ образъ выговарива³⁴тъ, но подае³⁵тъ еще спосо³⁶бъ и къ познанию ра³⁷знаго знаменованія таки³⁸хъ рѣчей которыя между собою кромѣ си³⁹хъ лѣт⁴⁰: никакого ра⁴¹личія не имѣю⁴²тъ чего ради тѣ весьма погрѣшаю⁴³тъ которыя двоегласн: *ѣ* съ прост⁴⁴:⁽²⁾ гласнымъ *е* въ наше⁴⁵ языкѣ заравно

53. почитаю⁴⁶тъ и для того // одну и⁴⁷хъ си⁴⁸хъ лѣт⁴⁹: а особливо *ѣ* называю⁵⁰тъ ненужною и излишнею какое положе⁵¹тъ они въ свое⁵²хъ прописаній ра⁵³личіе между глаголомъ наклон⁵⁴: повѣли⁵⁵: *ѣ*бъ и словомъ *весь* которое иногда значи⁵⁶тъ имя прилаг⁵⁷: а иногда существ⁵⁸: ежели перваго чре⁵⁹зъ двоег⁶⁰: *ѣ* а втораго чре⁶¹зъ простое глас⁶²:⁽¹⁾ *е* писа⁶³тъ не буду⁶⁴тъ; равны⁶⁵ же образо⁶⁶мъ какую ра⁶⁷зность буду⁶⁸тъ у ни⁶⁹хъ имѣ⁷⁰тъ ме⁷¹ду собою глаго⁷²ла наклон⁷³: и я⁷⁴вите⁷⁵ль: времен⁷⁶: проше⁷⁷ль: *мель* *о*тъ существ⁷⁸: // имѣ⁷⁹ни *мѣлъ* или повел⁸⁰: наклон⁸¹: *ѣ*е *нѣнь*⁽¹⁾ *о*тъ существ⁸²: *пень* или также проше⁸³ль: врем⁸⁴: накл⁸⁵: и я⁸⁶вите⁸⁷льнаго *сѣлъ* *о*тъ роди⁸⁸тъ: падежа множ⁸⁹: числ⁹⁰: имен⁹¹: существ⁹²:⁽²⁾ *селъ* или множествен⁹³: число⁽³⁾ *всѣ* *о*тъ един⁹⁴: *все* и пре

[54] много⁹⁵ другія си⁹⁶хъ подобныя слова, конечно такое правописаніе⁽⁴⁾, ежели оно сего званія достойно было бы весьма не достаточно и подавало бы причину къ многой неясности, и происходящи⁹⁷хъ *о*тъ того многи⁹⁸хъ погрѣшеній⁽⁵⁾ не упоминая уже о то⁹⁹, что¹⁰⁰ чре¹⁰¹зъ упущеніе, которой нибу¹⁰²хъ и¹⁰³хъ си¹⁰⁴хъ лѣте¹⁰⁵ могла и въ само¹⁰⁶хъ прои¹⁰⁷ношеній словъ не токмо¹⁰⁸ // чужестранны¹⁰⁹, но и приро¹¹⁰ны¹¹¹хъ произойти почти не преодолимая трудность⁽¹⁾ итакъ имѣ¹¹²емъ мы бо¹¹³льшею причину оста¹¹⁴тъся при пре¹¹⁵не употребленій си¹¹⁶хъ лѣте¹¹⁷, нежели помянутой неосновате¹¹⁸льной новости въ то¹¹⁹хъ послѣдова¹²⁰тъ.

§ 58./ Не ме¹²¹шую трудность находя¹²²тъ чужестранныя и при гласны¹²³хъ *ы* и *и*⁽²⁾ иногда прои¹²⁴носятъ они сѣ *ы* такъ, какъ самое *и* а иногда какъ *у*. Пото¹²⁵:⁽³⁾ что недостае¹²⁶тъ имѣ¹²⁷ въ свое¹²⁸хъ языкѣ онаго гласа⁽⁴⁾ // [56] которой наше¹²⁹хъ *ы* свойстве¹³⁰но приличенъ или⁽¹⁾ ко

торой бы съ лѣт¹³¹: *ы* бы¹³² совершенно сходе¹³³тъ⁽²⁾. Такъ наприм¹³⁴: тру¹³⁵дно и¹³⁶хъ при начатій н¹³⁷шего прои¹³⁸ношенія⁽³⁾ найти разность⁽⁴⁾ ме¹³⁹ду слова¹⁴⁰ми *былъ* и *бу*¹⁴¹ или ме¹⁴²ду слова¹⁴³ми *сы*¹⁴⁴р и *сирѣ*, или также ме¹⁴⁵ду *сытъ* и *ситѣ* и ме¹⁴⁶ду прочи¹⁴⁷ми си¹⁴⁸хъ подобны¹⁴⁹ми, хотя оныя слова какъ въ прои¹⁵⁰ношеніи такъ и самы¹⁵¹ми знаменованія¹⁵²ми весьма ра¹⁵³зняются, мы сѣю ра¹⁵⁴зность очень

57. легко познаваемъ⁽⁵⁾, // мы ясно слыши¹⁵⁵мъ что лѣтерою *ы* изображае¹⁵⁶тъся гласъ посредствен¹⁵⁷ный между лѣтера¹⁵⁸ми *у* и *и* но поне¹⁵⁹же оной гласъ ближе по¹⁶⁰ходить къ лѣтерѣ *и* нежели къ лѣтерѣ *у* то сѣе есть причиною что мно¹⁶¹гіе и¹⁶²хъ чужестранцы¹⁶³ въ тѣхъ слова¹⁶⁴хъ которыя у насъ пишу¹⁶⁵тъся лѣтерою *ы* вмѣсто сѣя лѣтеры часто употребляю¹⁶⁶тъ *и*⁽¹⁾ но чтобы сѣе затру¹⁶⁷неніе хотя неск¹⁶⁸лько обলেখить можно было то на¹⁶⁹лежи¹⁷⁰тъ примѣча¹⁷¹тъ гдѣ и при каки¹⁷²хъ случая¹⁷³хъ лѣтеры *ы* и *и* употребля¹⁷⁴тъ должно. //

[58] § 59./ Въ началѣ слова *ы* не упо¹⁷⁵ребляе¹⁷⁶тъся никогда, но на проти¹⁷⁷въ того *о*тъ лѣтеры *и* могу¹⁷⁸тъ начина¹⁷⁹тъся очень многія рѣченія а именно всѣ тѣ, которыя н¹⁸⁰ше¹⁸¹у языку приро¹⁸²ны и послѣ гласа *и* имѣю¹⁸³тъ слѣдующую согласную лѣтеру какъ то и *о*тъ §¹⁸⁴а 50¹⁸⁵ дово¹⁸⁶жно явно на примѣ¹⁸⁷ръ слова: *ѣва*, *иду*, *игла* пишу¹⁸⁸тъся спер¹⁸⁹ва⁽¹⁾ не чре¹⁹⁰зъ *ы* но чре¹⁹¹зъ *и* и такъ всѣ прочія *о*тъ гласа *и* начинающіеся.

60./ *О* сего ви¹⁹²дно что *ы* въ н¹⁹³ше¹⁹⁴хъ языкѣхъ гласа не начинае¹⁹⁵тъ и для того // ни послѣ гласны¹⁹⁶хъ ни послѣ двоегласны¹⁹⁷хъ также ни полѣ⁽¹⁾ по¹⁹⁸гласно⁽²⁾ писмени *ы* употреблено бы¹⁹⁹ не може²⁰⁰тъ хотя бы то было въ срединѣ или въ концѣ н²⁰¹ши²⁰²хъ реченій, ибо бы оно въ таки²⁰³хъ случая²⁰⁴хъ также какъ и въ началѣ словъ особливо²⁰⁵й гласъ начина²⁰⁶тъ до²⁰⁷женствовало.

§ 61./ Употребленіе лѣте²⁰⁸р *ы* и *и* въ срединѣ слова есть такъ ра²⁰⁹злично что того правила²¹⁰ совершенно опредѣли²¹¹тъ не мо²¹²жно, для того что мы во многи²¹³хъ случа²¹⁴хъ кромѣ обыкновеннаго прои²¹⁵ношенія ни каки²¹⁶хъ знако²¹⁷въ на то не имѣ²¹⁸емъ, но понеже прои²¹⁹ношеніе словъ и рѣчей утве²²⁰рждае²²¹тъся на о²²²но²²³хъ то²²⁴ко сои²²⁵воленіи людей, которые въ само²²⁶хъ началѣхъ о причина²²⁷хъ таки²²⁸хъ въ²²⁹щпей може²³⁰тъ бы²³¹тъ и не ра²³²суждали // то не дивно⁽¹⁾, что не всегда тому мо²³³жно сыскива²³⁴тъ по²³⁵лин-

ную причину для чего они одно слово такъ а другое инакъ стали выговарива^т, и такъ до^лжны мы въ семъ случае во пе^рвы^х самое прои^сношеніе почти за нше главное правило и оно^у въ писм^ѣ ско^лко мо^жно точно послѣдова^т, пото^м подаю^т на^ш спосо^б прави^тному упо^требленію, какъ прои^свѣденіе⁽²⁾ словъ, такъ и примѣчаніе нѣкоторы^х согласны^х літе^римѣющі^х такое свойство что послѣ нихъ она^я гласная о которой мы ра^ссуждае^т (3) положена бы^т не може^т, но что тогда вмѣсто ея упо^требляе^тся дру^гая. Что до прои^сво^тны^х рѣченій касае^тся, то // они въ употребленій літе^ры и и съ сво^им^и первообра^зными имѣю^т сове^ршенное сходство, такъ: насыпаю и просыпаю пишутся въ срединѣ літерою ы для того что слово сыплю о^т которого они происходи^т, оную літеру въ то^м же мѣстѣ имѣе^т равнымъ же образо^м (1) и слова мышлю, помышляю, смышлю смыслъ (2) пишутся літерою ы для того что и въ словѣ мыслъ (3) которое есть и^х первообра^зное с^іе гласное упо^требляе^тся въ то^м же мѣстѣ, но слова примиреніе (4) повинове^ніе имѣю^т для того и а не ы, что и и^х первообра^зныя ми^р, вина^м так^и же образо^м пишутся. // Что распростра^няе^тся и до ве^сѣхъ прочі^х примѣро^в. Здѣсь надлежи^т также и о сложны^х рѣченіяхъ (1), которыя состоятъ и^х пре^лога изъ (2) и каково нибу^д глагола что они когда сей пре^логъ изъ перемѣняю^т въ нераздѣльной пре^логъ вы которой съ пре^логомъ изъ имѣе^т ра^вное знаменованіе всегда при оно^м нерадѣ^лномъ пре^логѣ содѣ^лжа^т літеру ы а не и, такъ пишутся глаголы: вымѣриваю, вмѣсто и^мѣриваю, выношу вмѣсто из^ношу, выбираю вмѣсто и^бираю и прочія с^імъ подобныя тожъ надобно разумѣть и о всѣхъ слова^х которыя о^т таки^х сложныхъ глаголовъ проис^иходя^т какъ напримѣ^р: // выбо^р, выбо^рной, вынось, вынесе^т и прочая. Но при се^м надлежи^т беречься отъ того что^б просты^х глаголовъ и други^х словъ не по^счесть за такіе которые съ помянуты^х нерадѣ^лны^х пре^л: слагаю^тся или о^т онаго сложенія происходи^т для того что (1) простые слова хотя бы они значили глаголы или происходящіе о^т ни^х имена въ пе^рво^т словѣ (2) при літерѣ в вмѣсто ы всегда имѣютъ и такъ глаго^л выдаю въ пе^рво^т словѣ имѣетъ не ы но и которой глаго^л есть простой и о^т сложнаго выдаю

весма ра^нствуетъ чему также и всѣ о^т него проис^иходящія рѣченія послѣдуютъ. //

- 64 62. /Послѣдній спосо^б (1) которы^х мы во многи^х случая^х подлинно познавае^м може^т ли літера ы упо^треблена бы^т или нѣтъ состои^т въ согласны^х г ж к х ч ш щ оной распространяе^тся какъ до середины такъ и до окончанія словъ и показывае^т что послѣ с^іхъ літе^р до^лжно всегда упо^требля^т гласное и а не ы такъ пише^м мы слова гиря, погibe^т, жизнь (2), хитрость, чистый, широкий, щитъ и прочая послѣ помянуты^х літе^р всегда чре^з и равны^х же образо^м случает^{ся} с^іе
- 65 и при окончаніи словъ, напримѣ^р //нога какъ въ родите^лно^м единствен: такъ и въ имени^т: и вините^л: падежа^х (1) множеств: числа имѣе^т послѣ літеры г окончаніе и; кожа имѣе^т въ помянуты^х падежа^х кожи, свѣча имѣе^т свѣчи и такъ жѣ (2) прочія.

63. / Кромѣ вышеобъявленнаго способа которой мы о ра^нности во упо^требленіи літе^ры и и о^т помянуты^х согласны^х получае^м (3) на^лежи^т еще примѣча^т, что ы при окончаніи словъ находи^тся пе^рвое въ тѣ^х имѣна^х которыя у насъ токмо въ множественномъ числѣ упо^требляю^тся, ежели некоторой и^х оны^х согласны^х притомъ не случи^тся, какъ напримѣ^р въ слова^х вилы, ночки (4), щипцы и про^ч, //второе въ мѣстоимѣніяхъ ты, мы, вы, а на послѣдокъ въ родите^лно^м падеже единств: числа сущест: именъ кончащи^хся на а и въ имен: и зва^т: падеже множ: числа (1) именъ ко^нчащи^хся на а и на ъ (2) чему также и вини^т: падежъ послѣдуетъ, ежели оныя имена буду^т вещей неодушевленныхъ такъ на пр: имя вода имѣе^т въ роди^т: падеже единств: (3) числа воды а въ имени^т: зва^т: и вини^т: падежа^х мно^ж: числа воды мостъ имѣе^т въ имени^т зва^т: и вини^т: падеже множ: числа мосты и та^к всѣ прочія с^імъ по^добныя имѣна. выключая и^х ни^х весма не //многія в^ѣ прилага^т: имена^х пишу^т ы въ око^нчаніи то^лко тогда, когда они сокращенно употребляю^тся какъ напримѣ^р въ слова^х добры злы, лукавы (1) вмѣсто (2) добрые, злые, лукавые и проч: но все с^іе пространнѣе (3) и^хяснено буде^т въ самы^х склоненіяхъ; на проти^в сего при глагола^х гласное ы въ окончаніи никогда мѣста не имѣе^т, и для того слыша гласъ се^му подобный до^лжно въ ни^х вмѣсто его упо^требля^т всегда и послѣ каки^х бы то

согласн: літе^р не случалось. Такъ до^жно писа^т слова *мостѣй учѣй-говорѣй* и проч:

§ 64./ Съ двоегласными *я* и *ю* то^{*} иногда случае^тся, что и съ гласны^х *ы* они в нашемъ языкѣ // послѣ согласной *г к ж х ч ш ц* также не могутъ полагаться, но вмѣсто *я* употребляет^я *а* а вмѣсто *ю, у* и сіе какъ въ срединѣ, такъ и въ окончаніи словъ дѣлае^тся, та^к на примѣ^р надобно писа^т: *учу* а не *учю, жу* а не *жою, чувствую* а не *чувствую, чудо* а не *чудо* что намъ и самое произношеніе когда мы оное прилѣжно при-мѣчаемъ довольно поттве^рждаетъ.

§ 65./ О^т сего видно ско^т много тѣ погрѣшаютъ, которые двоегласное *ю* употребляютъ вмѣсто таки^х гласны^х літе^р, которыя въ произношеніи съ нимъ весьма никакого сходства⁽¹⁾ не имѣю^т(²) и прито^м нахо-⁶⁹ дя^тся послѣ⁽³⁾ которой нибу^д и^з выше помя^нутыхъ сло-гласны^х(¹), такъ на прим: вмѣсто гласного *е* въ словѣ *очень* многіе кладутъ двоегласное *ю* которое какъ для согласны^х літеръ *ч*, въ семъ слогѣ стоя^т не може^т, но⁽²⁾ до^женствоват^а бы по силѣ прежняго §⁶⁴ пере-мѣнено бы^т въ літеру *у*, такъ противно то и наилуч-шему произношенію, для того что всѣ^х которы^х мы въ то^м до^жны послѣдова^т, выговариваютъ сіе слово *очень* а не *очунь*, ниже *очюнъ* въ такія погрѣшенія въ падаютъ не токмо чужестранныя, но и многія⁷⁰ и^з рускаго народа которые или особливо^м // произно-шенію какой нибу^д провѣ^дии послѣдую^т, или о свои-ства^х наши^х літе^р и прави^лномъ и^х употребленіи не ра^ссуждаютъ.

§ 66. Но не надлежи^т мысли^т, бу^то двоегласныя *я* и *ю* тѣмже подлежа^т правиламъ и во всѣ^х прочи^х случая^х, которы^х гласныя⁽¹⁾ *ы*, ихъ сходство между собою не далѣе простирае^тся какъ то^ко что до одного свойства касае^тся, которое они при часто помянуты^х со^гласны^х літера^х получаю^т, ибо о^т двоегласной *я* и *ю* сочиняются весьма многія слова, хотя гласное *ы* у насъ ни каково слова начинать не може^т(²) такъ пише^м мы напримѣ^р: *ясный, ящикъ, языкъ, ю*(³) *южный*(⁴), *юство*(⁵) и проч: также случаются они часто какъ⁷¹ в слѣжны^х такъ и въ просты^х рѣченія^х, хотя бы // то было послѣ какого нибу^д писмени гласного, или послѣ цо^гласного *ь* какъ напримѣ^р въ слова^х *изъявляю*(¹),

создаъ, ндою, лью и проч: къ тому^{*} случаются они(²) иногда и одни и тогда имѣютъ особое знаменованіе, такъ *я* значи^т мѣстоимѣніе пер^ваго лица а *ю* употреб-лялось пре^жде вмѣсто *ея* которое есть мѣстоимѣніе трет^ьяго лица въ вините^лно^м падежѣ рода женскаго въ се^м знамѣнованіи употребляется оно о^т нѣкоторы^х еще и по нѣ^м при сложеніи стихо^в о^днакожъ о^т тѣ^х которые чистость языка храни^т стараются а особливо въ простой рѣчи оно уже весьма не принимае^тся. Что до окончанія словъ касае^тся то употребляютъ обѣ помя-нутыя літеры, какъ при имѣна^х и мѣстоимѣніа^х, такъ и при глагола^х въ ра^зны^х случая^х которое при исто^к-ованіи словеней и спряженной ясно показано буде^т. Однако^{*} то можно еще и здѣсь примѣти^т, что на двое-гласное *ю* никакое слово кромѣ глаголовъ оканчива^тся⁷² у насъ не може^т выключая та^к // называемыя коснен-ныя⁽¹⁾ падежи о которы^х въ свое^м мѣстѣ упомяне^тся.

§ 67./ Но понеже *я* и *а* также *ю* и *у* въ произно-шеніи нѣкоторое схо^дство ме^ж собою имѣютъ то уже иностраннымъ и въ томъ може^т быть не бес^трудности(²), когда которую и^з ни^х а наипаче въ срединѣ слова употреблять надобно, и то еще тѣмъ бо^лше что такъ надежны^х(³) прави^л на то положи^т немошно(⁴), которыя бы при всѣ^х случая^х надлежащее и^зясненіе подавали, такъ напримѣ^р не вдругъ чужестранной члѣв^къ узна^т може^т, что *гляжу* надобно писа^т чре^з *я* а *гляжу* чре^з *а*, или что *суда* имѣе^т в^ъ пер^вомъ слогѣ літеру *я*(⁵) а *суда* въ то^м же слогѣ літе^ру *у* принимае^т, но о^т сего и други^х⁷³ подобны^х се^му затрудненій // инако себя свободи^т невозможно какъ ко^ко(¹) чре^з часное обученіе(²) и примѣчаніе тѣ^х свойствъ, которыя о употребленіи літе^р, во обще выше сего объявлены.

§ 68. При употребленіи літе^р согласны^х надлежи^т имѣть также не меньшую осторожность, они соде^ржа^т въ себѣ такія трудности, которыя почти ежедневно подають поводъ весьма къ многи^х погрѣшенія^м, такъ види^м мы что літеру *ѣ* часто пишутъ вмѣсто *е* и обратно літеру *е* въ томѣ⁽³⁾ мѣстѣ полагаю^т гдѣ бы по силѣ нашего(⁴) провописанія *ѣ* употреби^т надлежало, а иногда и обѣ оныя літеры пишу^т ту^т гдѣ літе^ру *е* писать до^жжно, и таки^м образо^м // въ многи^х писмена^х великое смѣшеніе производятъ; чего ради объявимъ мы здѣсь⁷⁴

прежде о томъ что до различія⁽¹⁾ обои^х помянуты^х літе^р касается а пото^м и прочія до согласны^х літе^р на^длежащія главныя свойства покаже^т.

§ 69.

Мы уже выше объявили что *ф* и *е* въ рассужде^ніи нынѣшняго нашего произношенія между собою ниче^м не разнствуютъ, и что они ни въ каки^х природ^но-
75 руски^х слова^х не случаются но ихъ // разность состоитъ въ то^м: что *е* употребляется только въ словахъ о^т греческаго языка происходящи^х, которыя у грековъ тою же літерою пишу^тся какъ на примѣ^р *Θαδδεις*, *Θομας*, *Θύμια* пишутся у насъ въ пе^рво^м сог^лъ⁽¹⁾ чре^з *е* для того что они происходятъ о^т гречески^х: *θαδδαϊος*, *θωμάς*, *θυμιάμα*⁽²⁾ которыя въ свое^м языкѣ онуюжъ літеру имѣю^т, но поне^ме греческое *θ* іта или⁽³⁾ *θ* въ латинско^м языкѣ перемѣняе^тся на *th*, которое съ наши^м *t* имѣе^т сходное произношеніе то нѣтъ и въ приняты^х и^х греческаго // языка слова^х вмѣсто *θ* по бо^лшой части
76 употребляе^тся *t*: такъ на примѣ^р пише^м мы нѣтъ не *θεατρъ* но *театръ*, не *καθεδρα* но *кате^лра*, не *θρο^н* но *тронъ* и прочія си^м подобныя хотя оныя слова и о^т гречеки^х⁽¹⁾ *θεατρον*⁽²⁾, *καθεδρα* *θρονος* происходятъ. Однако жъ собственныя имѣн^на мужей женъ и нѣко^торы^х городовъ которыя въ греческо^м имѣю^т *θ* а у насъ оную непремѣнно содѣ^лжа^т, что также и въ производ^ны^х о^т ни^х слова^х храни^тся на примѣ^р: *Θεοδο^р*, *Αβανασία*, *Αεινυς*, *αεινειςκία*⁽³⁾ и проч: которыя происходятъ о^т гречески^х словъ *θεωδωρος*⁽⁴⁾ *Αθανάσιος*⁽⁵⁾, *Αθηναι* *αθη^ναιος*⁽⁶⁾ содѣ^лжа^т літеру⁽⁷⁾ какъ въ писмѣ так и въ произношеніи. //

77 § 70. На противъ того на^длежи^т и сіе примѣча^т что не всѣ греческіе слова у насъ чре^з *е* или чре^з *t* писа^т можно въ ины^х надобно употребля^т и літеру *ф* а именн^о въ тѣхъ которыя у грековъ літеру *φ*⁽¹⁾ такъ слова *φαινομενъ*, *φίλοσοφία*, *φίλοσοφъ*, *φιλῶννъ*⁽²⁾ на^длежи^т писа^т ве^дѣ літерою *ф* для того что и греческія *φαινομαι*⁽³⁾ *φιλοσοφία*⁽⁴⁾ *φιλοσοφος* *φιλιπος*⁽⁵⁾, о^т ко^торы^х оныя происходятъ также вездѣ имѣю^т літеру *φ* въ други^х европейски^х языкахъ какъ на примѣ^р въ латинско^м французско^м и нѣмѣцко^м употребляю^т въ таки^х слу-

чая^х *Ph* что также вмѣсто нѣкотораго знака для различенія *ф* о^т *е* по крайнѣй мѣрѣ тѣмъ служи^т може^т,
78 которые // оныя языки разумѣю^т.

§ 71/ Кромѣ сего употребляе^тся *ф* и во всѣ^х оны^х словахъ которыя къ на^м приняты не и^х греческаго но и^х други^х чужестранны^х языковъ какъ на примѣ^р въ слова^х⁽¹⁾ *фланкъ*, *фуражъ*, *вунтъ*⁽²⁾ и пр: несмотря на то, каки^м⁽³⁾ бы літерами такіе слова въ свое^м языкѣ писаны ни были то^ко бы они при нѣше^м произношеніи такой гласъ въ себѣ содѣ^лжали, какой літерою *ф* обыкнове^нно изображае^тся⁽⁴⁾.

§ 72/ Все то что мы о пріятомъ обыкновеніи въ ра^здѣленіи *ф* о^т *е* и о^ихъ ра^злично^м упо^требленіи о^бъявили дово^лно показывае^т ко^л великія и почти не преодолимыя трудности бе^з всякія ну^жды о^т того многи^х происходи^т могу^т когда оное употребленіе
79 не^премѣнно содѣ^лжано буде^т для того что // къ тому и греческаго или по послѣдней мѣрѣ латинскаго языка знаніе требуется но ежели свойство нѣшего произношенія и до него надлежащаго провописанія прилѣжно рассуди^м то увиди^м мы что такія затрудненія до того ве^лма не касаются, ибо не все ли то будетъ одно хотя на примѣ^р слово *Θεοδο^р* чре^з *е* или чре^з *ф* напишется когда обѣ оныя літ: какъ въ 28^м §⁽¹⁾ упомянуто въ произношеніи ме^жду собою не умѣютъ⁽²⁾ у насъ никакой ра^зности и какое ра^зличіе произошли⁽³⁾ бы въ томъ и въ само^м знаменованіи⁽⁴⁾ будебы слово *Θεοδο^р* у насъ чре^з⁽⁵⁾ *ф* написано было; напрасно нѣко^торые думаютъ бу^то *Θεοδο^р* написанное чре^з *ф* значи^т *да^р* *зміѣ* а то^ко слово изображенное літерою *е* на наше^м языкѣ и^зъявляетъ *да^р* *Бжій*, для того что змѣи у греко^в называе^тся не *θεός*⁽⁶⁾ но *φεις*⁽⁷⁾. А хотя бы мы для ра^зличія въ гречески^х словахъ обѣ літеры по и^х правописанію уде^лжа^т и хотѣли, но каки^м же образомъ

80 буду^т у насъ о^тличены тѣ слова которыя⁽⁸⁾ // не о^т греческаго⁽¹⁾ языка начало свое имѣютъ къ тому^к показали бы выше сегѣ что многія и^х гречески^х словъ въ наше^м языкѣ вмѣсто *θ* принимаютъ и літеру *t* когда того произношеніе требуетъ чего ради не находи^м мы никакой причины для чего бы и^х си^м літе^р которую нибу^т выкину^т или по крайнѣй мѣрѣ обѣ равно бе^з ра^збо^ру употребля^т неможно было. Таки^м образо^м

и бави^ася мы не токмо о^т и лишнних и неполн^нх затрудненій, но и въ изображеніи чело^вческой рѣчи письмо^м въ чемъ состои^т вся сила правописанія⁽²⁾ не произойде^т о^т того никакова недоста^тка⁽³⁾ примѣро^м къ сему могу^т служи^т Італіянцы которые и^з своего правописанія *ph* и *th* совсѣленно выкинули⁽⁴⁾, для того что они съ літера^м *f* и *t* имѣютъ схо^дное прои^зношеніе несмотря на то что въ латинскомъ языкѣ о^т котораго Італіянской роди^тся літеры *ph* и *th* вмѣсто гречески^х *φ* и *θ* въ приняты^х о^т грековъ⁽⁵⁾ словахъ всегда употребляются таки^м образо^м пишутъ Італіянцы *profeta*, *profetia*, *filosofia*, *folosofo*⁽⁶⁾ *Teatro* и прочая хотя оныя слова по силѣ своего происхожденія о^т греческаго языка у латинъ вмѣсто *f* имѣютъ *ph* а вмѣсто *t* какъ в началѣ послѣдняго слова⁽⁷⁾ имѣютъ *th*.

§ 73. / Съ літера^м *φ* и *θ* имѣетъ *в* во многи^х случая^х также весьма сходное прои^зношеніе а имя^нно когда она полагается или предъ жестоки^м літера^м *κ*, *π*, *τ*, *σ*, *ω*, или предъ тяжелы^м *φ*, *θ*, *χ*, или предъ сложны^м *ψ*, *χ*, *ω*, или напослѣдокъ и въ концѣ какого нибудь рѣченія, но хотя обѣ оныя літеры то есть *φ* и *θ* ежели мы // на объявленны^х въ пре^жне^м параграфѣ основанія^х хотя^м утвержда^тся, могутъ⁽¹⁾ безъ различія одна вмѣсто другой во всѣ^х словахъ употреблены быть, однако^ж и^х по силѣ онаго обыкновенія которое въ наше^м правописаніи поннѣ содержится вмѣсто літеры *в* писа^т невозможно, сіе по^ве^рждается то^лко тѣмъ⁽²⁾ что *φ* и *θ* ни въ каки^х природноруски^х слова^х [.....]⁽³⁾ //

§ 101. / Въ проче^м находи^м мы [.....]⁽¹⁾ //

§ 102. /⁽¹⁾ При се^м находи^м мы за по^требно, и о тѣ^х знака^х въ кра^тцѣ^х объяви^т, которые при сокращен^но^м писаніи словъ упо^требляются. Они свойственно гово^рятъ⁽²⁾, не сто^лко на^ллежа^т до провописанія ско^лко до онаго способа, какъ письмо^м изображе^нную рѣчь, живы^м голосо^м прои^знести, или прочитатъ до^лжно что особливую часть Гра^мматіки составляетъ но понеже провописаніе с^ь прави^нны^м прои^зношеніе^м, весьма блиски^м соединяется союзо^м и одно друго^м подае^т взаимную помощь⁽³⁾, того ради не неприлично здѣсь и то исто^лкова^т, каки^м образо^м и при каки^х слова^х, сокращеніе въ писмѣ употребляется, дабы въ свобо^дно^м читаніи, или прои^зношеніи письмо^м изображенныя рѣчи⁽⁴⁾, излишнія трудности не было.

§ 103. / Знаки которые при сокращен^но^м писаніи словъ принимаются, называю^тся *титлы*⁽⁶⁾. Они пишу^тся иногда на подобіе линейки // у которыя лѣвой конецъ въ ни^з а правой въ ве^рхъ загибается |—| а иногда на подобіе полукружія въ ни^з о^бращен^но^м⁽¹⁾ съ по^ложены^м въ низу согласны^м с или з (:с или г:) по^ст^овляю^тся⁽²⁾ они всегда въ ве^рху на^д реченія^м и прито^м показываю^т что въ то^м словѣ на^д которы^м они находятся одна или нѣско^лко літе^р для кра^ткости выкинута, таки^м же образо^м полагается часто въ ве^рху на^д реченія^м въ мѣсто титлы літера *θ* которая вмѣстѣ съ други^м літера^м ись⁽³⁾ тѣ^х рѣченіи выключается.

§ 104. /⁽⁴⁾ Прежде значили титлы не то^лко сокращен^ное писаніе какова слова, но еще нѣкоторую свято^сть, или честь или достои^нство въ то^м словѣ соде^ржащееся⁽⁵⁾ и упо^треблялись не то^лко въ писмѣ но и въ печа^ти въ писмѣ изображали^ся они раз^личны^м // начертанія^м, о^т писцовъ по изволенію приняты^м⁽¹⁾, а въ печати слѣдующи^м знака^м (:— или с или г или о:) такъ на^примѣ^р слова: Богъ, Оцъ, Снъ стѣи дхъ⁽²⁾ просто

стая троица Бжество Цръ Црица и проч: сокра^щаю^т всегда таки^м образо^м Бгъ, Оцъ, Снъ, Стѣй Дхъ⁽³⁾, Стая Трца, Бжество, Цръ, Црица, и проч:⁽⁴⁾

§ 105. / Но поне^же такое сокращеніе словъ, може^т прои^звѣсти въ читаніи нѣкоторую тру^дность къ то^му^ж и упо^требляемые при оно^м, въ ве^рху на^д слова^м титлы красоту въ печати нѣско^лко о^тнимаю^т, того ради въ ннѣшней⁽⁵⁾ гра^жданской печати употребленіе титлъ весьма о^тставлено, и всѣ слова, для лучшей ясности, печатаются такъ, какъ они произнося^тся безъ всякаго сокращенія о^днако^ж несмо^тря на сіе оныя титлы въ ско^ррописи еще и ннѣ почти о^т всѣ^х упо^требляются но то^лко какъ простые знаки сокраще^нія, а не такъ бу^дто бы они значили такія слова, которыя, или нѣчто высокое, или нѣкоторую свято^сть въ себѣ соде^ржа^т, такъ на^примѣ^р слова Бгъ, Гдръ, Кнзъ⁽¹⁾ и проч: пишу^тся ннѣ иногда подъ тѣла^м то есть сокращенны^м образо^м; а иногда просто⁽²⁾ что все заровно почитается, но дабы оно^е

сокращеніе, которое какъ въ церковны^х такъ и въ рукописны^х(3) книга^х(4) весьма часто и при многи^х случаяхъ, всяко^у разобрать можно было, то предложимъ здѣсь, по порядку въ нашей а^букѣ находящи^хся лѣтеръ всѣ оныя слова которыя, обыкновенно по тѣмъ гла^вмъ пишу^тся, въ и^х сокращенно^м(5) видѣ и при томъ покаже^м какъ оныя чита^т до^лжно.

А.

Аггль, или Англь⁽⁶⁾, Апль читай апостоль. //

115

Б.

Бгъ читай Богъ. Бжтво. читай Божество. Бца читай Богородица. Блженъ читай блаже^н. Блговень, ч: Благолеп^н(1); Блть, чи: Блгода^т(2).

В.

влка чит: владыка. влчца, ч: владычица. влчество ч: владычество, вскрнѣ ч: воскресеніе⁽³⁾.

Г.

Гдъ ч: Госпо^л. Гдръ ч: госуда^р. Гднъ ч: господи^н(4). Гжа чит: госпожа⁽⁵⁾.

Д.

Дхъ ч: духъ. Двдъ ч: давы^л. двца — девица. двтво — девство. дша — душа. днъ — день. двка — девка⁽⁶⁾.

Е.⁽⁷⁾

Евлѣ или⁽⁸⁾ Евлѣ — Евангеліе. Епкѣ — епископъ. //

И.

116 Ииль — Израиль⁽¹⁾. Исъ или Ісъ⁽²⁾ — Иисусъ. Іерлимъ — Иерусали^м.

К.

Кнзъ — Кня^з. Кртъ — Крестъ. Кртль — Креститель. Крденіе — Крещеніе.

М.

Мр^л(3) — Мудръ. Мр^лсть — Мудрость, Млть — Милость. Млрдѣ — Милосе^рдѣе, Млтыня — Милостыня, Млтва — Молитва, Мть — Ма^т, Мрѣя — Марѣя⁽⁴⁾, Мчнкъ — Мученикъ. Мцъ — Месецъ⁽⁵⁾, Млнцъ — Младене^н. не значитъ почтенія⁽⁶⁾.

Н.

Ншъ — Нашъ, Нбо — Небо, Нбный — Небесный, Ннѣ — Нынѣ.

О.

Оцъ — отецъ, Очъ — отецъ, Очскій — отеческъ, Очство — отечество.

П.

Прть — Пресвя^т, Пртолъ — Престо^л, Прбенъ — Преподобе^н, Првнъ — Праведенъ. Прркъ — Пророкъ. Пртеча — Пре^лтеча, Прно — Присно. //

117

Р.

Ржтво — рождество.

С.

Стъ — Святъ. Стнѣя — Святыня. Сщеникъ — Свяще^н(1) Стль — Святитель. Срце — Се^рд-е. Слпце, со^нце. Слва — Слава. Стръ — Стрѣсть.

Т.

Трца — Троица. Трчнъ — Троиченъ, Тртъ — Трисвятъ.

У.

Учтль — учите^л. Учнкъ — ученикъ.

Х.

ХРТОСЪ или ХСЪ или ХС — ХРИСТОСЪ

Црь — Царь. Црца — Царица. Црковъ — Церковъ.
Цртво — Царство. Цркй — Царскй.

Члвкъ⁽²⁾ — Человѣкъ; Члчъ — Человѣчъ,
члчскй }
члчкй⁽³⁾ } — человѣчскй, Чтъ — Честъ⁽⁴⁾ //

118-119 [. . . . .]⁽¹⁾ //

120 § 107/⁽¹⁾ Слово называется самое простое изображеніе, которое въ рѣчи, для и^явленія нши^{x(2)} мыслей употребляется⁽³⁾, всѣ слова⁽⁴⁾, какого бы языка они ни были, ра^дѣляются въ Гра^мматикѣ на ра^нныя ста^и, которыя части слова⁽⁵⁾ называются, и для того всякое слово о^тносите^я до особливой части, между оны^{ми} иныя называются простыя, которыя ни и^о каки^х други^х сло^в не слагаются а иныя сложныя которыя и^нѣк^оторы^х други^х состоя^т, всѣ ка^к простыя такъ и сложныя ра^дѣляются въ писмѣ такъ, какъ и въ самой Гра^мматикѣ, то есть когда которое слово и^является одну то^юко Граматическую⁽⁶⁾ часть слова, то надобно оно въ вмѣстѣ и писа^т при просты^х слова^х не находи^м мы въ се^б случаѣ ни какой тру^дности, всякъ види^т что на примѣ^р слова *домъ члвкъ та^м здѣсь* и пр.: надлежа^т до нѣк^орой част^и особлив^ых // словъ и что оныя [. . .]⁽¹⁾ пишу^ся въ нера^дѣльно но при сложны^х есть болшѣ тру^дности, въ ни^х часто одно слово сходно бываетъ зъ двумя просты^{ми} но ро^нны^{ми} слова^{ми}, чего ради при сложны^х слова^х, до^лжно наипаче того смотре^ть что^б и^х съ просты^{ми} не смѣшива^т, такъ на прим: иногда *напере⁽²⁾* и^являетъ одну то^юко часть слова которая называется нарѣч^{іе}, а иногда 2 ро^нныя части т:е: п^ер^е-логъ и имя въ п^ер^во^м случаѣ значи^т оно, о^но то^юко слово и для того пишется не ро^дѣльно а въ друго^м показывае^т два слова чего ради тогда ра^дѣльно⁽³⁾ и пишется, то^ж разумѣе^тся о слова^х *прито^м, пото^м, о^тчасти⁽⁴⁾* и о прочи^х тѣмъ подоб^{ны}х.

122 § 108 / Равны^м же образо^м до^лжно и^а того сморѣ^т, что^б двухъ или многи^х просты^х словъ // которыя ме^ду собою ро^дѣльно писа^т надлежи^т⁽¹⁾; не почестъ за одно сложное слово ибо и то часто случаетъ что цѣлая

рѣчь тожъ самое понятіе и^являетъ, которое иногда и одно слово также и^ображаетъ какъ на примѣ^р рѣчь *во сто ра^з* и^являетъ на^м тожъ понятіе, которое и слово *всотеро* по понеже въ помянутой рѣчи *во сто ра^з* находя^тся ра^нныя части слова⁽²⁾ того ради надлежи^т⁽³⁾ всѣ оныя оддѣля^т и въ писмѣ хотя слово *всотеро⁽⁴⁾* какъ до одной то^юко части слова⁽⁵⁾ надлежащее въ писмѣ и не ра^дѣляется, таки^м же образо^м надлежи^т ра^дѣля^т и въ рѣчи *въ пя^т ра^з, въ 10 ра^з, въ 1000 ра^з⁽⁶⁾* и проч: всѣ соде^ржащ^{іе}ся особливые слова⁽⁷⁾ также и вмѣсто⁽⁸⁾ союза *поне^{же}* употребляемыя *по то^{му} что* или *для того что* которыя состоя^т и^з ра^нны^х частей слова.⁽⁹⁾ //

123 § 109. / Когда случаются пред^л имѣна^{ми} или мѣстоимѣя^{ми} такія частицы, которыя никакого совер^шенного понятія не и^являютъ какъ токмо помощію другаго слова, которое о^т ни^х управляетъ и которыя въ Граматикѣ называются пред^лога^{ми} то надлежи^т оныя о^т тѣхъ словъ, пре^д которы^{ми} онѣ полагаются всегда о^ддѣля^т⁽¹⁾, хотя бы онѣ сами собою особливаго гласа и не прои^водили какъ на прим: *иду въ це^рковъ, стою у дверей, говорю при всѣхъ, посылаю къ ни^м* и проч: гдѣ всякъ видѣть може^т что частицы *въ, у, при, къ* до тѣхъ словъ не надлежа^т, пред^л которы^{ми} онѣ находятся; ежели же предлоги съ каки^м слово^м соединяются такъ, что они вмѣстѣ⁽²⁾ съ ни^м прои^во^дятъ одно сложное слово, то ихъ тогда оддѣлять уже невозможно, какъ на примѣ^р при словах: *вношу, уговариваю, присылаю* или при слѣдующи^х: *вкратцѣ, вообще, впроче^м, вопе^рвы^х, к^тому^жъ, напоследо^к, понѣ^ж, послѣ, порознь, попола^м, поротно* и проч:⁽³⁾ //

124 § 110. / Другіе предлоги есть еще и таково состояніе что они инако никогда не употребляются какъ то^юко въ сложеніи и для того имя нера^дѣльны^х пред^лого^в имѣютъ о^т чего явно есть, что они о^т тѣхъ словъ съ которы^{ми} соединяются ни при како^м случаѣ о^ддѣлены быть не могутъ. Между оны^{ми} счита^ются частицы *воз^з, низ⁽¹⁾, ра^з, пре, про*, и въ сложеніи *всма⁽²⁾* часто употребляются какъ на примѣ^р въ словахъ *воздаю, низлагаю, ра^зглашаю, прославляю, преломляю* и проч: при се^б можно также и то вкратцѣ примѣ^ти^т что въ предлогѣ *воз⁽³⁾* гласное о по нынѣшнему употребленію часто выкидывается а въ предло^г *пре* еще одно

гласное *е* принимается та^к вмѣсто *возношу* часто употребляю^т *взношу*, а вмѣсто *прехожу* употребляю^т *перехожу* или вмѣсто *прело^мляю* *переламываю* и проч:⁽⁴⁾ //

125 § 111. / Но не всѣ сложные слова изъ соединеній предлоговъ зъ други^{ми} частями слова происходятъ, иные слагаются изъ двухъ именъ, иные изъ мѣстоимѣній и имѣнн, а иные изъ имѣнн и глагола и такъ далѣе, но которыя всѣ пишутся нераздѣльно какъ напримѣръ *высокоумный, сме^тноносный, своенравный, краснорѣч^ие, доброжелате^лст^вую^т*⁽¹⁾ и проч: однакожъ находятся и такія слова, которыя какъ за сло^вныя, такъ и за простыя между собою разнѣющіеся слова почтены быть могутъ и того ради в се^{бѣ} различно^е рассу^жденіи иногда нераздѣльно пишутся, а иногда раздѣляются такъ слова *вышео^бявленный, вышеписанный, частопомянутый* и прочія тѣ^м подобныя могутъ совершенно почтены бы^т за сложные, и въ тако^е разумѣніи⁽²⁾ писа^тся нераздѣльно но ка^{жд}ое изъ нихъ можно также приня^т и за два простыя ме^жду собою различныя слова въ которомъ рассу^жденій надлежи^т и^х раздѣлять и въ писмѣ. //

126 § 112. / О тѣхъ слова^х при которы^х находится отрицательная частица *не*, надлежи^т примѣчать, что они съ сею частицею составляютъ нераздѣльно цѣлое, когда она прикладывается къ имена^м прилагательны^м какъ напримѣръ въ слова^х *непремѣнный, нераздѣлимый, немалый* и проч: второе, когда такія прилагательныя перемѣняются въ нарѣчія какъ напр: *непремѣнно, немало, нетрудно, ненарушимо*. «третіе когда она случает^ся при имена^х существительны^х но таки^м образомъ что оныя существительныя вмѣстѣ съ нею прои^сводятъ одно сло^вное рѣченіе напримѣръ: *недругъ, недостатокъ, ненависть, несогласіе, несходство* и про^ч.»⁽¹⁾ Ежели же отрицательная частица *не* будетъ находиться при таки^х имена^х прилагательны^х, или наречій^х которыя при себѣ отрицательную частицу ужъ имѣютъ, или при нарѣчіяхъ которыя не изъ прилагательны^х имѣнн происходятъ тогда оную надлежи^т о^т тѣхъ нарѣчій и прилагательны^х имѣнн отделять на примѣръ *не непріятный, не непріятно, не такъ, не то^ко* и прочая. Таки^м же образомъ отдѣляется она⁽²⁾ и о^т существительны^х имѣнн когда въ сложеній с^ъ ними не бывае^т⁽³⁾ // также о^т мѣстоимѣннй глаголовъ и предлого^в. *Не мой, не твой, не говорю, не слышу, не на земли, не въ водѣ* и проч:⁽¹⁾

§ 113. / Что до частицы *ни* касается, которая также силу отрицанія имѣе^т, то она о^т прочи^х словъ всегда отдѣляется какъ напр: *ни тотъ ни другой, ни одинъ* [128] *кто ни есть, кто бы ни былъ*, и прочая // но когда она съ каки^м нибудь други^м слово^м сочиняе^т одно сложное⁽¹⁾ слово тогда о^т онаго отдѣлена быть уже не може^т такъ слова *никто, ничто, никакой, нигдѣ* пишу^тся нераздѣльно для того что ка^{жд}ое и^х си^х, съ частицею *ни* соединены^х, словъ сочиняе^т одно сложное рѣченіе, которое одно токмо понятіе и^х являет^ся.

§ 114. / Также и частицы *ли, же, бы* о^т тѣхъ словъ пишу^тся раздѣльно, при которы^х⁽²⁾ онѣ для и^х явленія нѣкоторы^х обстояте^лствъ случаются какъ напр: *ты ли? то^т же, кто бы* но когда онѣ сокращаются такъ, что особливаго слова учини^т не могу^т тогда съ прочи^{ми} слова^{ми} полагаются нераздѣльно какъ напримѣръ *тожъ* вмѣсто *то же*⁽³⁾ *кто^б* вмѣсто *кто бы* и проч: Напослѣд^{ок} о частице *же* надлежи^т примѣча^т // что она и въ сложеніи може^т случает^ся и тогда какъ о сложны^х рѣченіяхъ вообще упомянуто раздѣльно въ писмѣ употреблена быть не може^т какъ въ словѣ *также* и прочая⁽¹⁾.

§ 115. / Какъ всѣ въ члѣвческой рѣчи случающіеся слова, когда они писмо^м и^хображены бывають, для бо^{ль}шой ясности въ читаній, нѣ^м между собою расставляются, такъ и самую рѣ^чь на разныя части раздѣляютъ, которыя о^т гра^мматик^о означиваются особлив^ыми на то и^збранны^{ми} знака^{ми} ины^е⁽²⁾ знаки называю^тся у насъ имене^м строчны^х препинаній и состоя^т иногда изъ одной точки (.) которой знакъ называе^тся точка иногда изъ малого полукружія въ сторону обращеннаго (,) которой знакъ называе^тся запятая иногда и^з запятой съ точкою (;) что называе^тся запятая точка а // иногда и^з двухъ точек (:) и называе^тся двоеточіе. Къ си^м прибавляе^тся еще точка вопросительная которая по нѣ^ншней^{му} употребленію и^хображае^тся слѣдующи^м знако^м (?) а называе^тся также и имене^м вопро^санія, и точка удивленія (!) которая о^т того приняла имя удивительныя или удивная.

§ 116. /⁽¹⁾ Сіе въ Грам^матикѣ принятое употребленіе имѣе^т несказанную ползу потому что оно подае^т

способ къ отвращенію многія неясности или сомнѣнія, которыя по случаю одного слова бо́льше до той нежелѣ до другой рѣчи или стиха принадлежащаго могутъ учини́ся. Отъ того что точки и запятая въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ и яснѣ изобража́тъ надлежало оставлены были произошли непреодолимые оныя трудности, которыя какъ при толкованіи догматовъ въѣры и священнаго писанія // такъ и при и́ясненіи граждански́хъ законовъ и прочи́хъ въ житіи полѣзны́хъ и важны́хъ писменныхъ сочиненій случаю́тся. Однако́ писатели еще и понынѣ въ томъ ме́жду собою согласи́ся не могутъ; что до употребленія ра́зныхъ знаковъ препинанія касаетсѣя. Почти всякъ и́хъ опредѣляетъ себѣ на то особливые правила, которы́хъ другой послѣдова́тъ уже не хо́четъ. А многіе и весьма никаки́хъ прави́хъ или порядкѣ въ то́мъ себѣ не претставляютъ. Нѣкоторые покусились правила свои о то́мъ предложи́ти и въ наро́дъ, но онѣ совершеннаго по́твѣрженія не получили и подлинно можно сказа́тъ что то весьма трудно или еще и нево́зможно. что́ о строчны́хъ препинаніяхъ пода́тъ такъ совершенныя правила, которыя бы общи́мъ согласи́емъ // приняты и по́твѣждены были, въ рассужденіи бѣчисленнаго ра́личія въ то́мъ порядкѣ которы́хъ слова расположены, бывають также и для ра́личны́хъ понятій, которы́хъ себѣ всякъ при се́бѣ случа́хъ прѣставляе́тъ обыкновенно принимаю́тся слѣдующія правила:

§ 117/ Запятая употребляется для раздѣленія (1) имѣ́нъ (2), глаголовъ, наречій, и таки́хъ частей въ стихѣ, которыя ме́жду собою по нуждѣ не соединяются (3).

Точка показываетъ полный стиха совершенный смыслъ въ себѣ соде́ржащаго.

Два́ точки, или двоеточіе и́зъявляе́тъ часто средину стиха гдѣ смыслъ не такъ совершенно оканчивае́ся, какъ въ цѣло́мъ стихѣ.

133 Запятая съ точкою, значи́тъ смыслъ бо́льше // совершенный нежели одна запятая, а не такъ полнѣй, какою и́зъявляется чре́з двоеточіе.

§ 118./ Но какое понятіе въ строчны́хъ препинаніяхъ, получаемъ мы о́т си́хъ правилъ, которыя намъ обыкновенно таки́мъ образо́мъ прѣлагаются? Ибо что значатъ оныя знаки въ стихѣ, которыя ме́жду собою не по́твѣждаются. Что такое значи́тъ полный стихъ и смыслъ сове́ршенный, и что на послѣдокъ разуме́ется

чре́з смыслъ бо́льше сове́ршенный или чре́з смыслъ не такъ полный. Сіе претставляе́тъ такія затрудненія, которыя съ надлежащею ясностію едва исто́кованы быть могутъ, однако́ по́твѣдсѣя мы послѣдую рассужденію нѣкотораго писателя наши́хъ временъ чре́з исчисленіе ра́зныхъ // до того касающи́хся случаевъ показать каки́мъ образо́мъ строчныя препинанія при всякой рѣчи употреблять до́жно, что прежде еще весьма недово́жно рассмо́рено было. (1)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКІЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Нижеследующіе примечанія являются «текстологическими» и том именно смысле, что они так или иначе относятся к истории самого воспроизводимого текста, а не непосредственно к его содержанию; последнее, между тем, комментируется в специальном разделе настоящего исследования (см. ниже раздел «Комментарий»). Данные «примечанія» (в отличие от следующего затем «комментарія») относятся к страницам рукописного текста грамматики и имеют сквозную нумерацию в пределах каждой страницы (что касается «комментарія», то он соотнесен с параграфами и грамматикой).

В рукописи довольно много исправлений, всевозможных зачеркиваний, помарок и т. п., которые, по всей видимости, были сделаны непосредственно в процессе писания. Мы отмечаем подобные случаи лишь там, где удалось разобрать первоначальный (зачеркнутый) текст.

Разночтения к воспроизводимому (единственному) русскому списку грамматики Адодурова приводятся по шведскому переводу Грѣнинга; русский перевод к шведскому тексту дается в угловых скобках. Мы отмечаем только те различия между русским текстом и шведским переводом, которые могут быть обусловлены разницей в самых исходных редакциях, т. е. отражают (предположительно) соответствующее расхождение между тем русским списком, который сохранился в тетради И. Сердюкова, и тем русским списком, который имел перед собой М. Грѣнинг. Различия в порядке слов и других компонентов текста, как правило, нами не отмечаются. Равным образом мы не фиксируем регулярную замену у Грѣнинга местоимения «наш» в выражениях типа «наш языкъ», «наше произношеніе» и т. п. на прилагательное «Ryska» [«русский»] («Ryska språket» и т. п.).

К титульному листу (не имеющему пагинации).¹ После этой надписи находится какой-то росчерк (инициалы?), который будет регулярно повторяться на полях при обозначении даты записи (см. пометы на стр. 112, 116, 117, 120, 124, 127, 129, 130, 134 рукописи). См. об этом росчерке специально на стр. 49—50 наст. изд.

К стр. 1. ¹У Гренинга эта фраза читается так: «Grammatican är en Konst at inrätta et tal efter wissa Reglor och at rätt skrifwa <Грамматика есть искусство устраивать речь согласно определенным правилам и правильно писать>». ²Слово «другъ» написано по слову «мысли». Слово «мысли» встречается затем в той же строке. ³Вместо в конце слова «Сüntaksisъ» писец первоначально поставил букву и, которую сразу же исправил на і.

К стр. 2. ¹В слове «чему» первоначальная буква 8 исправлена на у. Аналогичное исправление часто встречается на протяжении всего текста; в дальнейшем мы его не фиксируем. ²Буква 8 в слове «порѣски» выправлена, кажется, из и. У Гренинга соответственно «på Swenska <по шведски>».

К стр. 3. ¹Кажется, писец начал писать «сами собой», но, не закончив, исправил «собой» на «посебъ». ²Описка, вместо «имѣю». ³Описка, вместо «голосъ». ⁴У Гренинга: «uttal <произношения>». ⁵У Гренинга: «tekn eller bokstäfwer <знаков или букв>». ⁶Слово «гласовъ» было зачеркнуто, затем повторено вновь (в строке). ⁷У Гренинга далее «som i någte andre <как и в некоторых других языках>». ⁸Слова «о насъ» не переведены у Гренинга.

К стр. 4. ¹Далее в рукописи зачеркнуто слово «прише», которое переместилось в тексте на три слова. У Гренинга вместо «сей недостатокъ»: «berörde brist och öfwerflöd <упомянутые недостаток и излишество>». ²У Гренинга далее: «nemligen <а именно>», после чего приведены соответствующие буквы (они даны гражданским шрифтом) вместе с их названиями в шведской транскрипции:

A, a.	B, b.	V, v.	G, g.	D, d.	E, e.	J, j.
aa, a.	buki,	wedi,	ghlagoille,	dobro,	jest,	schiwete,
S, s.	З, з.	И, и.	Ĭ, ĭ.	K, k.	L, l.	M, m.
zelo,	zemla,	ische,	i,	kaco,	ljudi,	muislete,
O, o.	П, п.	P, p.	C, c.	T, t.	Ѧ, Ѧ.	У, у.
änn,	påkoi,	rtzi,	slåwå,	twärdå,	ik,	u,
X, x.	Ѧ, Ѧ.	Ц, ц.	Ч, ч.	Ш, ш.	Щ, щ.	Ъ, ѡ.
chiärr,	ät,	tzi,	tschierff,	scha,	schtschia,	jerr,
Ы, ы.	Ь, ь.	Ѣ, ѣ.	Э, э.	Ю, ю.	Ѧ, Ѧ.	Я, я.
jeri,	jer,	jät,	e,	ju,	å,	ja,
Ѧ, Ѧ.	Ѧ, Ѧ.	V, v.				
psi,	phita,	ijschitza.				

³У Гренинга вместо «о исправленіи печатающихся у насъ книгъ»: «om böckers tryckande i Rußland <о книгопечатании в России>». ⁴Две буквы и в этом слове (одна в строке, другая — над строкой). ⁵Автор называет 35 букв, но на деле перечисляет 34. Сопоставление с текстом Гренинга показывает, что в данном перечне выпала буква э. ⁶У Гренинга далее э. ⁷На месте слов «Малороссіяне прибавили къ си» еще літеру г у Гренинга представлен следующий текст: «Utur thetta antalet kunde man ännu utsluta i, v, o, och i theras ställe altid skrifwa u och f, som hafwa i uttalet med them enahanda kraft eller betydelse; jämwäl teknet z, hwilket ingen ton hafwer, och theremot kunde man antaga then hos Ukrainerne brukeliga bokstafwen r <Из этого числа можно было бы еще исключить і, v, o, и на их месте всегда писать u и f, которые имеют в произношении тождественную с ними силу или знаменование, а также и знак z, который никакого голоса не имеет; и, напротив, можно было бы принять употребительную у малороссіян букву r>».

К стр. 5. ¹Конец данной фразы от слова «о насъ» отсутствует у Гренинга. Вместо этого мы имеем здесь следующий текст: «Således blefwe i Ryskan allenast 32 bokstäfwer, och Ryska orden skulle äntå kunna, genom benämnda hos Ukrainerne brukeliga bokstaf r, om then wore i Ryskan wedertagen, begwämligare uttryckas, än med förr bemälte 35 bokstäfwer. Genom sådane öfwerflödige bokstäfwers utslutande skulle hwarken någon swårighet eller brist i Orthographien förorsakas: ty bokstäfwerne, såsom ofwan sagt är, äro allenast til then ändan uptänkte at wisa åtskillige toner, hwarutaf menniskans tal sammansättes, och therföre borde man allenast hafwa i hwart Språk så många bokstäfwer, som särskildte toner i thet Språket märkas: härutaf följer klarligen, at om enahanda toner med många bokstäfwer uttryckas, så behålles allenast en bokstaf utaf them och alla andra kunna utslutas utan någon skada i Orthographien, eller åtminstone böra the aktas för lika emellan sig. Häraf ser man äfwen nogsam, at the tekn i et Språk ej måge egenteligen för bokstäfwer acktas, som aldeles ingen ton uttrycka <Таким образом осталось бы в русском всего 32 буквы, и все же русские слова могли бы с помощью упомянутой, у малороссіян употребительной буквы r, если бы она была принята в русский язык, еще удобнее быть выражены, чем показанными выше 35 бук-

вами. Исключение этих лишних букв не обусловило бы какой-либо трудности или недостатка в правописании, ибо буквы, как говорилось выше, придуманы только для того, чтобы показывать различные звуки, из которых составляется человеческая речь, и поэтому в каждом языке следовало бы иметь столько букв, сколько в нем отмечается отдельных звуков; отсюда ясно следует, что если тождественные звуки обозначены многими буквами, то из них сохраняется только одна буква, а все остальные могут быть исключены без какого-либо ущерба для правописания, или по крайней мере должны они [эти буквы] считаться равными между собой. Из этого также очевидно, что те знаки в языке, которые никакого звука не обозначают, не могут, собственно, за буквы почитаться». ²У Грёнинга далее следующий текст: «Til större tydelighet kan man sig åtskillnaden emellan theße bokstäfwer således föreställa, at sielfljudande kallas the, hwilkas ton allenast med en andedrägt uttryckas kan, utan at therhos uprepa någre munnens rörelser: och medljudande warda the kallade, hwilkas ton icke kan fortsättas, utan man måtte altid å nyo then samma uttala «Для большей ясности разица между этими буквами может быть представлена таким образом: гласными называются те [буквы], звук которых может тянуться на одном дыхании без того, чтобы при этом повторялись какие-либо движения рта; согласными называются те [буквы], звук которых не может быть продолжен без постоянного возобновления артикуляции [буквально: произношения]». ³У Грёнинга указано 6 гласных: «a, э, и eller i «и или i», o, y, y». Вслед за этой фразой у Грёнинга идет следующий текст: «Tu hwad bokstafwen e angår, så äger then tā allenast en sielfljudande bokstafs egenskap, när hon sättes i sluttet af en stafwelse efter en medljudande bokstaf, men wid sådant tilfälle hafwer hon ingen annan åtskillnad emellan sielfljudande bokstafwen э, än sielfwa afbildningen eller sin wekliga skapnad, och therföre bör hon icke hållas för en ifrån samma э, särskild sielfljudande bokstaf: utan hon anses för en särskild bokstaf blott för then orsaken, at hon hafwer stundom en tweljudande bokstafs kraft, och följacketeligen är then samma tā redan ifrån sielfljudande э, genom theß uttal åtskild. И och i utsäjas altid på et sätt, thet är, bägge theße teknen uttrycka icke twenne särskildte toner, utan en, och therföre blifwa the intet hållne för twenne särskildte bokstäfwer,

utan allenast för en bokstaf. 8, och ω, som hafwa med bokstäfwerne y och o i uttalet likhet, äro tā redan åcknade för öfwerflödige och onödige bokstäfwer, när man begynte i Ryßland bruka thet nya eller så kallade borgerliga trycket, hwilket hafwer sin goda grund; förthenskul wore thet onödigt at nu therom widare något anföra «Что касается буквы e, то она имеет свойство гласной лишь тогда, когда находится в конце слога после согласной, но в этом случае не имеет она никакого другого отличия от гласной буквы э, помимо самого изображения или нежного вида, и потому она не должна почитаться за особую гласную букву, отличную от гласной э; но она считается особой буквой лишь по той причине, что она имеет иногда силу дwoегласной буквы и, следовательно, имеет уже тогда от буквы э отличие в произношении. И и i выговариваются всегда одинаково, то есть оба этих знака обозначают не два особых звука, но один, и поэтому они не почитаются за две особые буквы, но всего лишь за одну букву. 8 и ω, которые сходны в произношении с буквами y и o, уже тогда трактовались как лишние и ненужные буквы, когда в России начали применять новую или так называемую гражданскую печать, и это имеет веское основание; оттого было бы излишне о них сейчас распространяться». ⁴У Грёнинга вместо «голосъ» — «stafwelse <слог>».

К стр. 6. ¹Писец ошибочно написал §. 19, затем исправил 19 на 10; цифра 19 осталась, однако, в кустоде на предыдущей странице рукописи. ²Слова «а не простые гласныя літеры» не переведены у Грёнинга. ³Описка, вместо ь. У Грёнинга ь. ⁴Окончание «-ого» исправлено, первоначально было «троегласныя літеры» («літеры» зачеркнуто в рукописи). Перевод Грёнинга дословно соответствует первоначальному варианту, ср. здесь: «en treljudande bokstafs werckan». ⁵Описка, вместо e. У Грёнинга e. ⁶Слово «есть» выступает здесь как наименование буквы e; подобные случаи указывают, возможно, на запись со слуха (ср. ниже прим. 1 к стр. 30 и прим. 2 к стр. 113). ⁷Вероятно, ошибка, вместо «гласного». У Грёнинга «sielfljudande <гласного>».

К стр. 7. ¹Далее в рукописи зачеркнуты слова «гласную літеру». Перевод Грёнинга дословно соответствует первоначальному варианту, ср. здесь: «blifwer thenna bokstafwen icke för en fullkomlig sielfljudande bokstaf aktad, utan allenast för en halfljudande». ²Описка, вместо «знаменования». ³Отсутствие согласования с местоименной формой

обусловлено тем, что писец, начав писать: «въ ишемъ языкѣ», исправил последнее слово, оставив без исправления форму местоимения. (Форма муж. рода для слова «азбука», строго говоря, не является невозможной, но в данном случае маловероятна. Ср. жен. род этого слова в других случаях в тексте грамматики). У Грëнина, однако, «i Ryska Språket», т. е. отражен первоначальный вариант. ⁴У Грëнина эта фраза имеет следующее продолжение: «och kan förhenskul intet utslutas <и оттого не может быть исключена>». ⁵Первоначально было «изъявляе^т». Буква *ъ* исправлена на *ь*. Правописание этого слова, как и других слов аналогичной структуры, с разделительным *ь* довольно последовательно выдержано в тексте. Далее, на стр. 71 рукописи, прямо говорится, что слово «изъявляю», как и, например, «люю», пишется с «полгласным» *ь*. Ср. еще наше примечание к стр. 9, а также комментарий к § 66 грамматики. ⁶Вместо слов «с^ее подае^т прав^еную причину почитать» у Грëнина сказано более решительно: «hwarföre man billigt håller <оттого справедливо почитают>».

К стр. 8. ¹Фразе «въ и^ображеніи . . . літерами» в переводе Грëнина соответствует «i . . . uttal eller uttryckande med bokstäfwer» «в . . . произношении или изображении литерами». ²Фразе «которое имѣю^т дѣти въ то время когда чита^т учатся» в переводе Грëнина соответствует «som the hafwa, hwilka börja bokstäfwer Ryska <которые имеют те, кто начинает читать по слогам по-русски>». ³Слово «оного» вставлено в текст над строкой. ⁴Текст, видимо, здесь испорчен. Может быть, следует читать: «обыкновенно знакъ *ъ*; именно так у Грëнина: «teknet *ъ* wanligen sättes». Более вероятно, однако, чтение «обыкновенный знакъ *ъ*», где слово «обыкновенный» означает «соответствующий обычаю». Действительно, в дальнейшем в шведском тексте можно встретить сочетание «wanliga teknet *ъ*», ср. § 95 и 96; русский текст этих параграфов не сохранился, но очень вероятно, что в оригинале фигурировало именно сочетание «обыкновенный знакъ *ъ*». ⁵Слово «что» по ошибке повторено в тексте дважды.

К стр. 9. ¹У Грëнина далее следующий текст: «samt at thetta ordet utsäges *под'емлю*, och intet *по-демлю*, så kunde man dock thet samma uttrycka på sådant sätt *под'емлю*, eller således *под'емлю*: ty ofwansatte teknen

(') och (') skulle äfwenwäl anwisa, at *д*, i uttalet, hörer til sielfjudande bokstäfwer *о*; och icke til följande sielfjudande *е* <так что это слово выговаривается *под-емлю*, а не *по-демлю*; можно было бы то же изобразить таким образом: *под'емлю*, или так: *под'емлю*, ибо показанные знаки (') и (') равным образом указывали бы, что *д* в произношении относится к гласной букве *о*, а не к следующей гласной *е*>». ²Здесь начато и зачеркнуто слово «объявляю», которое вслед за этим написано снова. ³Хотя пример приводится на слово с *ъ*, данная форма тем не менее написана с буквой *ь*. Написание с разделительным *ь* (а не *ъ*) вообще достаточно часто наблюдается в рукописи. Ср. выше наше примечание к стр. 7. У Грëнина форма с *ъ* («объявляю»). ⁴У Грëнина «både wäl skrifwas och uttalas <хорошо писать и произносить>». ⁵Писец, видимо, начал слово «прои^оно[шенія]», но зачеркнул, поставив далее вместо него «употребленія». Выражение «народное употребление» передано у Грëнина как «allmänt bruk», что значит, собственно, «о б щ е е употребление». ⁶Выражение «свойственно говорить» в значении современного выражения «собственно говоря» встречается и дальше в тексте — см. прим. к стр. 111.

К стр. 10. ¹Это слово по ошибке дважды повторено в одной строке. ²Вместо «о^т исто^окованія слога» у Грëнина «af ordens uttryckning och uttal <от изображения и произношения слов>». ³Слово «члвческаго» не переведено у Грëнина. ⁴Слово «до^оженствуе^т» стоит над зачеркнутым «може^т».

К стр. 11. ¹Слово написано не вполне ясно. У Грëнина в соответствующем месте стоит «först <во-первых>». ²У Грëнина далее: «såsom the ther i sig sielfwe och allena ingen ton eller ljud äga <поскольку они сами по себе никакого голоса или звука не производят>». ³Должно быть: *з, ж, с, ш* (пропущена буква *з*; она представлена, между тем, у Грëнина).

К стр. 12. ¹В рукописи дальше начало зачеркнутой фразы: «Ежели бы имѣли . . .». ²Текст этого параграфа начинается зачеркнутым «И такъ». ³Слово «также» вставлено в текст над строкой.

К стр. 13. ¹Далее следует зачеркнутый текст: «IV/в называе^тся літера особливая, для того что она не може^т сь вышеупомянуты^{ми} [три слова не разобраны] могутъ

полага^тся ка^к умягченныя такъ, жестокія и^а сиповаты^лте^р».

К стр. 14. ¹Описка, вместо «находи^тся». ²Писцом была сперва начата форма «разнствуетъ», которая затем исправлена на «разнство имѣ^т». ³Окончание в слове «літерою» выправлено. Первоначально, может быть, стояла форма «літера», откуда и отсутствие согласования. ⁴Описка, вместо «на^алежи^т». ⁵Конечная буква й в слове «умягченной» выправлена из ю.

К стр. 15. ¹Описка, вместо «случаях (ъ)». Пропущена, по всей видимости, надстрочная буква х. ²Описка, вместо «по^атве^рждае^т». ³У Грѣнинга вместо «расщипа^т», «ра^ащипа^т» указаны формы «расщипать», «разщипать».

К стр. 16. ¹У Грѣнинга вместо слов «жестокія літеры и ме^ду бе^гласны^и»: «hårde och oljudande <жестокіе и безгласны>». ²Первоначально было «по^атве^ржаю». Эта форма затем исправлена на «пottве^ржаю», что вполне соответствует регламентируемому в настоящей грамматике фонетическому принципу орфографии. Аналогичные случаи отмечаются в наших примечаниях к стр. 19, 26, 68, 72, 123, 124. ³В рукописи здесь красная строка, которая по содержанию не нужна: следующая фраза представляет собой непосредственное продолжение данной.

К стр. 17. ¹Слово «потписка» стоит в рукописи поверх зачеркнутых слов «а пише^т по^аписываю», которые затем написаны вновь.

К стр. 18. ¹Предпоследняя гласная написана неясно. Может быть, следует читать «перемѣняющіся» (такая форма и стоит непосредственно ниже в тексте). ²Описка, вместо «как(ъ)». Пропущена, по-видимому, надстрочная буква к (ср., например, на стр. 51, 66, 72: «та^к»).

К стр. 19. ¹Буква ъ в предлоге «изъ» исправлена из л. Писец начал писать слитно: изъп[ре^алога], но затем исправил на раздельное написание. При этом он забыл вычеркнуть паерок над з. Ср. прим. к стр. 124. ²В при^аставке «по^а» неясно исправлена надстрочная буква. Может быть, здесь случай исправления ѓ на т, аналогичный отмеченному нами в прим. к стр. 16. ³Пропущен знак титлы. ⁴У Грѣнинга фраза продолжена словами «och så vidare <и так далее>».

К стр. 20. ¹Описка, вместо «сове^ршенно». ²Слова «особливы^и имене^и» не переведены у Грѣнинга. ³Вместо

«перемѣна літе^р» у Грѣнинга «ordens förändring <изменение слов>».

К стр. 21. ¹Первоначально стояло: «въ согласны^х». Предлог «въ» зачеркнут писавшим. ²У Грѣнинга «beqwämligare <способнее>». ³У Грѣнинга «förklaras eller beskriwvas <истолковано или описано>».

К стр. 22. ¹Ожидалось бы «господней», а не «господской» (не влияние ли польского?). У Грѣнинга данное слово вообще не переведено. ²Буква х в этом перечне отсутствует у Грѣнинга. ³Описка, вместо «реченіяхъ».

К стр. 23. ¹Первоначально в тексте стояла, кажется, форма ед. числа («слово»), исправленная затем на форму мн. числа («слова»), откуда и отсутствие согласования. ²Последний пример (со словом «рубець») отсутствует у Грѣнинга.

К стр. 24. ¹Пропущен предлог «въ» в сочетании «въ словахъ».

К стр. 25. ¹Далее следует зачеркнутая форма «бѣжишь», помещенная несколькими словами ниже. ²Далее зачеркнуто какое-то слово, кажется, слово «кричать», повторенное непосредственно вслед за зачеркнутым.

К стр. 26. ¹Далее в рукописи зачеркнуто какое-то слово (кажется, форма «течь»); поверх него написаны и затем зачеркнуты два слова, которые разобрать не удалось; все три слова густо вымараны в тексте. Зачеркнуто также начало слова «единстве^и[наго]», восстановление затем точечной линией. ²Описка, вместо «имѣють». Пропущена, очевидно, надстрочная буква т. ³В слове «происходя^т» с выправлено из первоначального з. Ср. наши примечания к стр. 16, 19, 68, 72, 123. ⁴Описка, вместо «рубахъ». ⁵Буква ѓ в «де^рскій» написана по какой-то другой букве. Может быть было «ме^рскій». ⁶Конечная буква о в слове «вязно» написана, кажется, по окончанию «ый», т. е. первоначально было, видимо, «вязный» (может быть, «вязкій?»). У Грѣнинга «вязну».

К стр. 27. ¹Слово «венець» в данном случае написано через е (не через ѣ). У Грѣнинга «вънець». ²Описка, вместо «именно». ³У Грѣнинга вместо глагольного окончания «ю» показано «жу».

К стр. 28. ¹У Грѣнинга «движу» (что и более правильно по смыслу). ²У Грѣнинга «the förra tre <прежних трех>». ³У Грѣнинга вместо «есть учаща^тный глагола»: «hafwer

gemenskap med Verbo «имеет общность с глаголом».

⁴То же. ⁵Описка, вместо «наводишь».

К стр. 29. ¹Дальше в рукописи начато и зачеркнуто слово «перемѣняе[тся]», которое повторено тремя словами ниже. ²Первоначально данный параграф оканчивался этим словом (которое приходится на середину строки) и писец поставил в начале следующей строки: «§ 45». Затем, однако, фраза была продолжена, причем слово «образомъ» частично написано по обозначению: «§ 45». ³У Грëнинга «тѣшу». Далее в рукописи зачеркнут глагол «тешу», который немного заходит за поля (возможно, он был вставлен после?).

К стр. 30. ¹Обозначение «1/» написано над зачеркнутым словом «первое». Перед ним поставлен знак в виде L, который служит, очевидно, обозначением абзаца.

К стр. 31. ¹Пример со словом «точу» отсутствует у Грëнинга (ср. ниже, прим. 2 и 6 к данной странице). ²Слово «токъ» не приведено у Грëнинга (ср. прим. 1 и 6 к данной странице). ³Писец, поставив цифру «2/», относящуюся к следующему пункту, начал, однако, писать этот пункт с абзаца (не вычеркнув данное обозначение). ⁴Цифра «2» исправлена из буквы Г. ⁵Слово «мчу» написано после зачеркнутого «мучу». У Грëнинга, однако, «мучу» (что, вообще говоря, непоследовательно, поскольку данный глагол уже был отнесен выше к другому разряду слов). ⁶Вместо «дрочу» у Грëнинга фигурирует здесь «точу». Возможно, в той редакции грамматики, которой пользовался Грëнинг, глагол «точить» не связывался со словом «ток», как это имеет место в нашем русском списке. ⁷У Грëнинга «Praesenti Infinitivi Modi «настоящем времени неопределенного наклонения», что не имеет смысла. Ср. прим. 8 к данной странице. ⁸У Грëнинга не переведены слова «времени настоящего *плачешь*», в результате чего текст становится невразумительным. Иначе говоря, указание на настоящее время по ошибке переместилось здесь вперед (ср. прим. 7 к данной странице); соответственно и выпад пример *плачешь*.

К стр. 32. ¹У Грëнинга вместо сочетания *st* показана одна буква *m*. ²Описка, вместо «принимаю^т». ³Описка, вместо *ц* (у Грëнинга *ц*). ⁴Слово «слово» имеет здесь значение «буква», что соответствует архаической манере выражения русских филологов (см.: Ягич, 1896, по указанию).

телю). У Грëнинга данное слово вообще не переведено.

⁵У Грëнинга ошибочно «прещу».

К стр. 33. ¹Первая буква в слове «хлещу» и в двух его формах, следующих ниже, выправлена, кажется, из буквы *n*. ²У Грëнинга добавлена еще форма «трепетать» (что и более последовательно). ³У Грëнинга «прозба».

К стр. 34. ¹Описка, вместо «какого». ²У Грëнинга «midt uti eller i ordens slut <в середине или в конце слов>». ³В слове «все» буква *e* выправлена из *t*. ⁴У Грëнинга далее «först <во-первых>». ⁵Описка, вместо «такъ». ⁶Описка или же фонетическая ошибка, вместо «середѣ».

К стр. 36. ¹Текст в двойных угловых скобках помещен в рукописи на полях как вставка в основной текст. Место вставки показано специальным значком. У Грëнинга эта вставка органически включается в основной текст. ²У Грëнинга здесь и далее ижица без точек: *v*, а не *ŷ*. ³Описка, вместо «последующая».

К стр. 37. ¹Описка, вместо «значи^т». ²У Грëнинга «et Conjunctio Copulativa <соединительный союз>». ³У Грëнинга это слово передано как «förenas... uti <соединяется в>». Вполне возможно, что в соответствующем русском оригинале стояло слово «соединяется» или «сливается». ⁴Слово «природно» исправлено из «природны^х».

К стр. 38. ¹У Грëнинга «арëметика». ²Описка, вместо «чужи^т». ³У Грëнинга вместо этих примеров фигурируют соответственно: «Июнь, употребленіе». ⁴Против этого параграфа на полях надпись: «Зачаль по каникула^х 17го дня август:». С этого места в рукописи начинается относительно последовательная датировка записи. Ср. примечания к стр. 111, 112, 116, 117, 120, 124, 126, 127, 129, 130, 134.

К стр. 39. ¹Греч. ипсилон передается в рукописи (здесь и далее) через одно из возможных начертаний ижицы: *v*. ²Описка, вместо «когда». ³После предлога «въ» снова был написан этот же предлог и потом зачеркнут. ⁴Буква *o* выправлена из *φ*. ⁵У Грëнинга *и*.

К стр. 40. ¹У Грëнинга *αι*. ²У Грëнинга *ει*. ³У Грëнинга «Эϋριπίδης». ⁴Двоеточие над ижицей как здесь, так и ниже в данном параграфе, стоит неправильно. ⁵Слово «они» здесь лишнее. У Грëнинга оно не отражено. ⁶Ошибка: должна стоять буква *o* (греч. ипсилон).

К стр. 41. ¹У Грëнина вместо «дѣлаетъ . . . немало затрудненiе»: «är . . . swårt at fatta och betjena sig ²(трудно для усвоения и для применения)».

К стр. 42. ¹Описка, вместо «гласная». Возможно пропущена надстрочная буква с: выносное с хотя и не характерно для данной рукописи, все же встречается в ней (ср. «вема» на стр. 79). ²Видимо, ошибка; должно быть «слога» (здесь ссылка на § 12, где в соответствующей фразе говорится именно о слоге). У Грëнина, однако, речь также идет о слове. Слова «слово» и «слог» вообще путаются в тексте нашей грамматики (ср. прим. к стр. 63). ³Здесь над строкой вставлено и зачеркнуто слово «одинъ».

К стр. 43. ¹У Грëнина здесь стоит ѣ; иначе говоря, если в русском списке речь идет в данном случае об обеих буквах, то у Грëнина говорится только о букве ѣ. ²У Грëнина «efter wanligt bruk обыкновенному употреблению». ³Описка, вместо «знаменованiи».

К стр. 45. ¹Выражение «существительного глагола» (переведенное у Грëнина как «Verbi Substantivi») следует понимать как «глагола существования». ²У Грëнина вместо фразы «ѣсть, которой въ то^а случаѣ называе^тся естъ»: «естъ, hwilket tå betyder esse eller waga <есть, который в этом случае означает esse, то есть «быть»>». ³Слово «еще» вставлено в текст поверх строки.

К стр. 46. ¹У Грëнина «нести», переведенное как bära, т. е. «нести».

К стр. 47. ¹Слово «двоегласное» вставлено в текст поверх строки. ²Такое написание данного слова (наряду с этимологически правильным его написанием) часто встречается в рукописи. Ср. также наши примечания к стр. 61, 112. ³Описка, вместо «часто». ⁴Приставка «при» в слове «примѣтный» вставлена поверх текста. У Грëнина «примѣчный».

К стр. 49. ¹Буква к не указана у Грëнина. Ср. прим. 3 к данной странице. ²У Грëнина «шерсть». ³Слово «кедръ» не указано у Грëнина, что соответствует пропуску буквы к при перечислении соответствующих букв (ср. прим. 1 к данной странице). ⁴Первоначально было «только». Это слово зачеркнуто и вместо него вставлено (не на том же месте) «токмо».

К стр. 50. ¹Слова «ко^му» покаже^тся что бу^ато» не переведены у Грëнина.

К стр. 51. ¹У Грëнина «med thenne bokstafwen e <на эту букву е>».

К стр. 52. ¹Первоначально «что^б»; буква б зачеркнута в рукописи. ²Так написано слово «просты^а».

К стр. 53. ¹Слово «глас:» (сокращение от «гласное») вставлено поверх строки.

К стр. 54. ¹Эта форма переведена у Грëнина как «skuma», т. е.; по-видимому, имеется в виду форма от глагола «пенить(ся)». ²Слова «множ: числ: имен: существ:» вставлены в текст над строкой. ³У Грëнина «Pluralis Pronominis <множественное число местоимения>». ⁴Это слово можно прочесть и как «прописанiе». Ср. в этой связи прим. к стр. 47. ⁵У Грëнина «fel och irringar <погрешениям и заблуждениям>».

К стр. 55. ¹У Грëнина фраза от слова «могла» читается как «kunde i sielfwa ordens uttal, en oöfwerwinnerlig swårighet möta ej mindre Utlänningarne, än som infödde Ryßar <могла бы в самом произношении слов непреодолимая трудность встретиться не меньше чужестранцам, чем природным русским>». ²У Грëнина обозначен здесь союз причины: «ty <ибо>». ³Так написано слово «потому». ⁴У Грëнина «en sådan ton, eller en bokstaf <такого гласа или буквы>».

К стр. 56. ¹Текст от слова «которой» до слова «или» не переведен у Грëнина. ²У Грëнина фраза продолжается таким образом: «utan hörer then bokstafwen thet Ryska Språket allena til <но эта буква принадлежит только русскому языку>». ³Слова «при начатiи нпего прои^аношенiя» не переведены у Грëнина. ⁴У Грëнина «at giöra i Ryska Språkets uttal skillnad <различать в русском произношении>». ⁵У Грëнина фраза продолжается: «när man gifwer ackt på uttalet <если обратить внимание на произношение>».

К стр. 57. ¹Фраза от слова «то» читается у Грëнина слегка иначе: «så förefaller theraf för många Utländske uti sådane ord, som skrifwas i Ryskan med y någon swårighet, i thet the nämna i stället för y ofta u <то происходит отсюда для многих иностранцев в таких словах, которые пишутся по-русски через y, некоторое затруднение, и они употребляют вместо y часто u>».

К стр. 58. ¹Слово «спе^ава» означает здесь «в начале [слова]». Ср. перевод Грëнина: «i begynnelsen».

К стр. 59. ¹Описка, вместо «послѣ». ²Описка или фонетическая ошибка, вместо «по^тгласного».

К стр. 60. ¹У Грѣнинга вместо «не дивно»: «se wi <видим мы>». ²У Грѣнинга «uttal <произношение>». Это явная ошибка, так как о произношении уже шла речь непосредственно выше. ³Описка, вместо «ра^ссуждае^т».

К стр. 61. ¹Такое написание этого слова встречается в рукописи наряду с этимологически верным. Ср. также примечания к стр. 47, 112. ²Описка, вместо «смыслъ». ³Описка, вместо «мысль». ⁴Слово «примиреніе» исправлено из «приміреніе».

К стр. 62. ¹«о сложны^х рѣченія^х» переведено у Грѣнинга «om Nominibus Compositis», что неудачно, так как речь идет далее не об именах, но о глаголах. ²Форма «изъ» отсутствует у Грѣнинга, т. е. тут речь идет вообще о сочетании глагола с некоторой приставкой («en Præposition»).

К стр. 63. ¹Выражение «для того что» явно выступает в данном случае (как и в целом ряде других мест) в значении причины, а не цели (у Грѣнинга «förty»). ²Вероятно, должно быть «слогѣ». Так у Грѣнинга («i första stafwelsen»).

К стр. 64. ¹У Грѣнинга «känneteknet <признак>». ²У Грѣнинга далее: «кипа».

К стр. 65. ¹Описка, вместо «падажа^х». ²Слова «такъ жѣ» вставлены в текст над строкой. ³У Грѣнинга вся фраза до сих пор читается так: «Förutan ofwannämde skiäl och grunder angående skillnaden emellan y och u rätta bruk <Кроме вышеобъявленных способов и оснований, касающихся разницы в правильном употреблении y и u>». ⁴У Грѣнинга «ножны».

К стр. 66. ¹Слова «множ: числа» вставлены над строкой. ²У Грѣнинга вместо ѣ ошибочно ж. ³Кажется, писавший хотел сперва сократить данное слово в виде «един:», но затем продлил аббревиатуру.

К стр. 67. ¹Два акцента над этим словом. (У Грѣнинга вообще нет акцентов). ²Описка, вместо «вмѣсто». ³У Грѣнинга «tydeligare och widlöftigare <яснее и пространнее>».

К стр. 68. ¹Стоявшая сначала буква d в слове «схотства» выправлена на m. Ср. примечания к стр. 16, 19, 26, 72, 123. ²«Не имѣютъ» вставлено поверх строки. ³Писец сначала зачеркнул слово «послѣ», заменив его на «вмѣсто», но затем восстановил первоначальный текст (подчеркнув

зачеркнутую форму прерывистой линией и для ясности вновь ее повторив).

К стр. 69. ¹Описка, вместо «согласны^х». ²«но» написано по слову «такъ».

К стр. 70. ¹Описка, вместо «гласная». ²Первоначально было «не начинае^т», исправленное на «начинать не може^т». ³У Грѣнинга «югъ». ⁴Слово «южный» отсутствует у Грѣнинга. ⁵У Грѣнинга «юношество».

К стр. 71. ¹О том, что «изъявляю» закономерно пишется с разделительным ъ, см. выше, наше прим. к стр. 7. У Грѣнинга, однако, это слово написано через ъ: «изъявляю», хотя перед этим речь и идет о «полгласном» ъ, выступающем в функции разделительного знака. ²Дальше в рукописи зачеркнуто слово «так».

К стр. 72. ¹Так в тексте: «косненныя». ²Первоначально было написано: «бе^ттрудности». Форма «бе^т» переправлена на «бес». Ср. аналогичные случаи, отмеченные в наших примечаниях к стр. 16, 19, 26, 68, 123. ³Так в тексте: «надежны^х». ⁴Так в тексте: церковнославянизм «мощно» вместо «можно». ⁵Описка, вместо ю. У Грѣнинга ю.

К стр. 73. ¹Описка, вместо «то^тко». ²У Грѣнинга вместо «часное обученіе»: «öfning <упражнение>». ³Описка; вместо «томъ». ⁴У Грѣнинга «förra <прежнего>».

К стр. 74. ¹У Грѣнинга «bruks åtskillnad <различія в употреблении>».

К стр. 75. ¹Описка, вместо «слогѣ». Должно быть, пропущена надстрочная буква л. ²У Грѣнинга «doriada». ³Слова «дѣта или» отсутствуют у Грѣнинга.

К стр. 76. ¹Описка, вместо «гречески^х». ²Латинская буква n в греческом тексте. ³У Грѣнинга «аеины, аеинейскій». Написание «Аеіны», «аеінейскія» через і противоречит правилу, изложенному в § 52 грамматики. Ср., однако, ниже. ⁴У Грѣнинга «θεοδωρος». ⁵У Грѣнинга «αθανασία». ⁶У Грѣнинга «αθηναίος». ⁷Должно быть: «літеру ѳ»; так у Грѣнинга.

К стр. 77. ¹Вероятно, пропущено слово «имѣютъ». Соответствующее слово наличествует у Грѣнинга. ²У Грѣнинга соответственно: «философія, философъ, филиппъ», что противоречит сообщаемому выше в грамматике правилу (§ 52), согласно которому данные слова, в соответствии с исходной греческой формой, должны писаться через ѣ. [Это правило, впрочем, было отменено орфографической реформой 1738 г. (см.: Тредиаковский, 1748,

стр. 360 прим., а также наш комментарий к § 50—54 публикуемой грамматики)]. ³ У Гренинга «φαιόμενον». ⁴ В слове «φιλοσοφία» зачеркнут акцент на первом ι. Любопытно в этой связи отметить, что у Гренинга, как, может быть, первоначально и в русском списке, представлены оба акцента. ⁵ У Гренинга «φίλιππο».

К стр. 78. ¹ У Гренинга перечисление примеров начинается со слова «флагъ», отсутствующего в русском списке. ² Ошибка. Должно быть: «фунтъ». ³ «каки^{ми}» написано по какому-то зачеркнутому слову (по-видимому, по слову «что»). ⁴ Помета на полях: «до Поѣду». Далее графика почерков: кончается первый почерк (рука И. Сердюкова) и начинается (с § 72) второй.

К стр. 79. ¹ Ошибочно назван § 28 вместо § 20. Та же ошибка и у Гренинга. ² Видимо, описка, вместо «имѣють». Впрочем, с меньшей вероятностью можно усмотреть здесь написание «імѣють». ³ Описка, вместо «произошло». ⁴ У Гренинга «och hwad för en särskild betydelse skulle therifrån härröra <и какое особое значение произошло бы от того>». ⁵ Не проставлена надстрочная буква з в слове «чре^з». ⁶ У Гренинга «φεῶς». ⁷ У Гренинга «ὄφιος». ⁸ Далее графика почерков: кончается второй и начинается третий.

К стр. 80. ¹ Описка, вместо «греческаго». ² Слово «православіа» не переведено у Гренинга. ³ У Гренинга «brist i uttalet <недостатка в произношении>». ⁴ Слово «выкинули» написано вместо зачеркнутого «выбросили». ⁵ Первоначально «ο» греческаго. ⁶ Ошибка, вместо «filosofo». У Гренинга — правильная форма. ⁷ Слова «какъ вначалѣ послѣдняго слова» — имеется в виду слово «teatro» — не переведены у Гренинга.

К стр. 81. ¹ Далее в рукописи зачеркнуто слово «одна», которое появляется затем через два слова. ² У Гренинга «ej allenast thermed <не только тем>». ³ Конец третьего почерка. Стр. 81 не окончена. Стр. 82—108 оставлены пустыми, будучи предназначены для окончания § 73 и для § 74—100. Приводим соответствующий текст (недостающий в русском списке) по переводу Гренинга:

«...kunna icke stå...», som redan förut sagt är, utan therigenom sker jämväl i sielfwa ordens härstammande en uplysning; ty hwad wi förr om bokstäfwernes φ och ε onödige åtskillnad anfördt hafwe, som uti Ryska Orthographien förorsakar allenast en öfverflödig möda, är therifrån aldeles särskildt, och hörer blott til. Grekiska orden, uti

hwilka thet ock wid många tilfällen wiker ifrån Grekiska Orthographien; men thetta angår sielfwa Ryska ordens egenskap, hwilkas härstammande man här mera bör betrakta, än Grekiska ordens. Therföre måste man i the ord, hwarest ε med bokstäfwerne φ eller ε nästan på lika sätt uttalt blifwer, efter wanliga bruket skrifwa thenna bokstäfwen ε, och icke φ eller ε, allenast these ord äro werkliga Ryska, och icke ur andra Språk tagne. Et sådant uttال sker först uti Præpositione ε, när then sättes fram för orden, som börja antingen med en hård, eller swår, eller ock sammansatt bokstaf, til Exempel uti följande tal: звонъ ε колоколъ, ringning i klockor, выношу ε сѣни, jag här ut i farstugan, ставлю ε холодноε мѣсто, jag sätter uti et kalt rum, иду ε церковь, jag går i kyrkan, och så vidare. Sedan både i sammansatte ord, hwilka bestå af samma Præpositio ε och et annat ord, som börjar med en af ofwannämde bokstäfwer, til Exempel i orden: сну-сываю, jag skrifwer in, вкладываю, jag lägger in, етираю, jag gnider in, вишиваю, jag sömer in, вхожу, jag går in, etc. och uti enkla ord, såsom: вчера, i går, ловчей, Jägare, ковшъ, skopa, все, alt, etc. och ändteligen wid ändan af orden, til Exempel i följande ord: покровъ, beskydd, уставъ, inrättning, церковь, kyrka. Fastän ε hafwer således wid alla these tilfällen et ganska likt uttal med bokstäfwen φ eller ε, så måste man dock i skrifwande efter then allmänna wanan alltid bruka bokstäfwen ε. Huru ringa ock thenna åtskillnaden synes wara, så giör then icke destominder en stor förändring i uttalet; therföre bör man intet hålla bemälte bokstäfwer för lika, eller blanda then ena medä then andra.

74. Sammaledes äro bokstäfwerne б och н, д och т, з och х, з och ж, ж och ш, allenast therutinnan sig emellan åtskilde, at the första utnämnas wekt, och the andra hårt; förthenskul måste the ock icke blandas. Man bör intet til Exempel skrifwa: дунъ eller тунъ, i stället för дубъ, ek, плоть i stället för плодъ, frukt, бохъ i stället för богъ, GUD, вохъ i stället för возъ, laß, ношъ i stället för ножъ, knif, och så vidare. Dock hörer thetta icke til sådane tilfällen, hwarest somlige bokstäfwer efter förr meddelte Reglor måste förändras i andre bokstäfwer.

75. Somlige bruka ч i stället för bokstäfwen ш, och åter ш i stället för ч. Såsom til Exemp. i stället för шчу, jag söker, skrifwa the ишу, och i stället för неучетный,

outräknelig, *неисчетный*; men et sådant bruk bör man ingalunda följa; ty *ц* hafwer med bokstäfverne *с* ingen likhet, utan består af twenne medljudande bokstäfwer *ш, т, ш*, eller af *шч*, och icke af *сч*, såsom ofwan redan bewist är, samt af thes uttal nogsamt skönjes; therföre begå the jäm wäl et stort fel, som hålla *ц* för en öfwerflödigg bokstaf i Ryskan, och wela i thes ställe alltid bruka *сч*, hwilket hwarken med mästa bruket, eller med wanliga sättet i bokstäfwerne uttal och sielfwa orden, aldeles icke öfwerens kommer.

76. Månge wela och thetta icke antaga i Ryska Orthographien, at en bokstaf skulle stå två gånger efter hwar annan uti et ord, och tänka therigenom afwärja then förment obehageligheten i uttalet; men om the skulle betrakta egenskapen af brukelige ord i Ryska Språket, så woro the sielfwa af en hel annan mening. Obegageligheten i uttalet sker icke så särdeles genom en enckel medljudande bokstafs fördubbling, som genom många medljudande bokstäfvers förenande af åtskillige släkter; förthenskul händer thet ofta i Ryskan, at til undwika en sådan hårdhet, förändras somlige medljudande bokstäfwer i andra, när then följande medljudande bokstafwen uti samma ord är af et annat släkte, än then föregående, som förr sagt är. Genom en slik förändring af bokstäfwerne sker thet, at til Exempel i stället för *з* sättes *с*, när then påföljande bokstafwen är äfwen et *с*: och således brukas bokstafwen *с* två gånger efter hwarannan uti et ord. Theßlikes om et ord lyktas på en utaf medljudande bokstäfwerne, och et annat ord, som härledes therifrån, antager i ändelsens begynnelse samma bokstaf, eller om en Particula uti sammansatte ord, som hörer til thetta ordets sammanfogande, skulle hafwa i sin ändelse en sådan bokstaf, genom hwilken andra delen af bemälte sammansatte ord börjar, så måste man då oundgängeligen skrifwa en bokstaf två gånger efter hwar andra: såsom til Exempel i orden: *Законникъ*, Lagstiftare, *разоряю*, jag förstörer, och så vidare. Alt thetta wisar nogsamt, at en medljudande bokstafs fördubbling är ej allenast Ryska ordens egenskap icke emot, utan stundom aldeles oundwikelig. Häräf följer naturligen, at man intet bör sätta en endaste medljudande bokstaf, ther twenne efter hwarandre erfordras. Til Exempel: man kan icke skrifwa: *разоряю* i stället för *разоряю*, eller *французскій* i stället för *французскій*, ej eller *ими* i stället för *имми*,

gå, etc. Dock bör en medljudande bokstaf utan orsak icke fördubblas: til Exempel man skrifwer intet: *дрожжу*, utan *дрожу*, jag darrar, icke *русскій*, utan *рускій*, Rysk, och så vidare.

77. Uti gamla Orthographien war ock thetta antagit til hufwud Regel, at i Ryska Språket brukelige Hebraiska, Grekiska och Latinska ord skulle icke skrifwas efter Ryska, utan efter theße Språks egna Orthographie, som the äro tagne ifrån. Såsom: *ангелъ*, skrefs då *аггелъ, панкратійу, пакратійу*, therföre at Grekiska orden, ifrån hwilka the härstamma, skrifwas med samma bokstäfwer, och therjemte uttaltes *з* fram för bokstäfwerne *з* och *к*, alltid wid theße tilfällen, såsom *н*. Harutinnan fölgde the Grekiska Regeln, efter hwilken *з, γ*, läses fram för bokstäfwerne *γ, κ, ξ, χ*, såsom *л* [sic!]. Men wi antage icke thenna Regeln i vår Orthographie; hwarföre skulle man påtaga sig sådane swårigheter, som ingen nytta med sig hafwa, och hwilka man ganska wäl kan wara förutan: och hwarföre skulle man öfwerlasta Ryska Språket med Reglor, som höra til Grekiska, Hebraiska och Latinska Språken, emedan thet med them ingen likhet hafwer: wille man theras Orthographie följa, så borde man äfwen hålla sig wid Turkiska, Persianska, Arabiska, Indianska och alla andra Språks Orthographie, hwilka thertil lika rätt äga. Förthenskul måste man alla i Ryska Språket wedertagne främmande ord således skrifwa, at the med Ryska uttalet öfwerens komma.

78. Utaf bokstäfwerne förening blifwa hela ord, genom hwilka våra tanckar uttryckas; somlige af them bestå allenast af et ljud, och somlige åter af twenne och flere: the första kallas ord af en stafwelse, och the senare, af flere stafwelser. Therföre är en stafwelse intet annat, än the nödige bokstäfvers förening til et ljuds uttryckande.

79. Men emedan somlige bokstäfwer hafwa af sig sielfwa et fullkomligt ljud, och somlige åter utan andra bokstäfvers tilhjelp icke kunna uttrycke eller uttalte warda, ty är thet äfwen så med stafwelserne, hwilka åtskillige ljud föreställa, at the kunna ej allenast bestå af medljudande bokstäfvers förening med en sielfljudande bokstaf, utan ock stundom af en enda sådan bokstaf. Til Exempel i ordet: *умножаю*, består första stafwelsen *у*, blott af en sielfljudande bokstaf; then andra *мно*, af tre bokstäfwer, nemligen: utaf två medljudande och en sielfljudande; then tredje *жа*,

af tvenne, en medljudande och en sielfljudande, och the sista ю, af en tweljudande bokstaf.

80. Här af ser man, at til hwar och en stafwelse fordras åtminstone en af the sielfljudande eller tweljudande bokstäfwerne, och at hwart ord så många stafwelser begriper, som åtskillige ljud äro, af hwilka et ord består. Til Exempel ordet: домъ, hafwer allenast et ljud, följakteligen består thet ock af en stafwelse; men ordet: учу, begriper tvenne åtskillige ljud, nemligen, у och чу; förthenskul heter thet et ord af tvenne stafwelser; och således består ordet: наука, af trenne, умножаю, af fyra, удерживаю, af fem stafwelser, och så vidare.

81. Thenna Grundregeln wisar jämwäl, at förra sättet i bokstafwerande, efter hwilket en eller någre medljudande bokstafwer med teknet ъ eller halfljudande ъ blefwo hålne för särskildte stafwelser, och ännu i A. B. C. Böcker fortsättjes, är ogrundat: ty huruledes kunna medljudande bokstafwer med bemälte tekn ъ eller halfljudande ъ uttrycka et fullkomligt ljud, när ъ ej något ljud äger, och ъ, som hafwer allenast et halft ljud af i? och hwem kan the förmente stafwelser бѣ eller бѣ, eller ock брѣ, och бръ samt andra thylika utnämna? utom et öfwerflödigt besvär är thetta bruket äfwen til följande skada, at the, som lära på sådant sätt läsa, kunna icke hafwa något begrep om stafwelserne, och dela altså ofta en stafwelse i två delar. Såsom ordet af en stafwelse: промъ, åskedunder, hålla the för et ord af tvenne stafwelser och bokstafwera thet således: про-мъ; указъ, förordning, som består blott af tvenne stafwelser, bokstafwera the у-ка-ъ, såsom skulle thet hafwa tre stafwelser, och så vidare. Här af kommer thet äfwen, at the therutinnan följa sin ogrundade stafwelsers indelning. På thet man kunde sådane fel undwika, så måste alla medljudande bokstafwer, til hwilka ъ och ъ fogas, sättas til then föregående sielfljudande bokstafwen, och hålla them altså för en stafwelse. Til Exempel: поль-за, nytta, ра-дость, frögd, воль-ность, frihet, etc.

82. På stafwelsernes rätta indelning grundar sig ock thetta, huru orden skola i skrifwande försättas, när the wid ändan af raden förekomma, och hafwa intet rum uti en rad; men emedan et ord af en stafwelse icke kan delas i åtskillige stafwelser, ty bör thet ej eller försättas wid ändan af raden, utan fullkomligen utskrifwas i en rad, eller om rummet sådant icke tillåter, så försättes hela ordet uti en annan

rad. Man bör äfwen flitigt märka i anseende til ord af flere stafwelser, at altid wid tilfället så många bokstafwer i en rad försatte warda, som til en eller någre stafwelser nödige äro. Til Exemp. i ordet: милость, om thet intet hade rum uti en rad med andra ord, så kan sista stafwelsen лость, försättas i nästa raden; men bokstafwerne сть, af thetta ordet kunna ingalunda blifwa afdelte och uti en annan rad försatte, efter the, såsom i föregående §. bewist är, ingen stafwelse giöra kunna.

83. När en medljudande bokstaf kommer at stå emellan tvenne sielfljudande bokstafwer, så måste then fogas til sista stafwelsen, och icke lemnas wid then första, som sielfwa uttalet tydeligen med sig bringer. Såsom til Exempel ordet: указъ, bokstafweras у-казъ, och icke ух-азъ, о-тецъ, och icke ом-ецъ, etc. therför bör man thenna Regeln i akt taga, när sådane ord blifwa afdelte i raderne.

84. Men skulle tvenne lika medljudande bokstafwer komma at stå emellan tvenne sielfljudande uti et ord, så hörer then första medljudande bokstafwen til then första stafwelsen, och then sista til then senare, til Exempel: Икон-никъ, Закон-никъ, Рос-сія, och så vidare.

85. När tvenne eller trenne medljudande bokstafwer förekomma emellan tvenne sielfljudande uti et ord, så kan hwar och en indela them i stafwelser, såsom thet tyckes wara anständigt, och til uttalet tjenligast, emedan man i sådane mål ingen ting kan stadfästa; ty somlige bokstafwera til Exempel således: дер-жцу, не-рвѣй, och andra åter indela samma ord uti stafwelser på följande sätt, дер-жцу, пер-вѣй; Dock kan man therjämte märka, at medljudande bokstafwer icke måge blifwa förenade i stafwelsernes indelning, med hwilka als intet något ord i Ryska Språket börjas: såsom til Exempel: ам, ль, нт, och så vidare; utan man bör bokstafwera ал-маз-ный, och icke алма-зный, пол-ный och icke по-лный, ян-тарь och icke я-нтарь.

86. Så är ock Ryska Språkets uttal ej emot, at sådane medljudande bokstafwer midt uti orden icke skiljas, hwilka i början af ordet kunna förenas. Til Exemp. ст, эд, жд, зл, нт, och så vidare. Theßlikes bör man bokstafwera: гу-стой och icke гус-той; то-гда och icke тог-да; ну-жда och icke нуж-да; у-злы och icke уз-лы, etc. therför at man säga: стою, эдъ, жду, злоба, och så vidare.

87. Sammansatte ord åtskiljas i the delar, af hwilka the sammanfogade äro. Således måste man i orden: раз-

бываю, воз-вышаю, рас-тираю, воз-любить, uti bokstafwerande dela medljudande bokstafwerne: *аб, зв, ст, зл*, fastän the kunna förenas uti ordens begynnelse, emedan thet första af thesse orden är sammansatt af Præpositio *разъ* och Verbum *бую*; thet andra af Præpositio *возъ* och Verbum *вышу*; thet tredje af Præpositio *разъ* och Verbum *тру*; och thet sista af Præpositio *возъ* och Verbum *люблю* på samma sätt bör man förfara med the öfrige sammansatte orden.

88. Uti the ord, som härledas ifrån andra och förenas igenom nya antagne ändelser någre medljudande bokstafwer, måste thesse bokstafwer wid stafwelsernes indelning således försättas, at then i stamordet befindelige medljudande bokstafwen kommer at stå wid en stafwelse, och then, som är uti nya antagne ändelsen, bör stå wid then andra; oaktat sådane medljudande bokstafwer kunde förenas i början af orden. Och sålunda bör man bokstafwera *ни-кйй* och icke *ни-скйй*; *союз-ный* och icke *сою-зный*; *друж-ный* och icke *дру-жный*; *без-вод-ный*, och icke *без-во-дный*; *снос-ный*, och icke *сно-сный*; *не-плод-ный*, och icke *не-пло-дный*, och så vidare, ty the härstamma ifrån orden: *низъ, союзъ, другъ, вода, несу, плодъ*; änskönt medljudande bokstafwerne *ск, эн, жн, дн, сн* kunna wara tilsammans i början af orden. Såsom til Exempel uti: *скоро*, fort, *знать*, weta, *жну*, jag skär, *дно*, botn, *снопъ*, kärftwa, etc.

89. Ändteligen bör man ock märka, at wid ordens fördelning en sådan del af ordet ej må försättas uti en annan rad, som hafwer en besynnerlig betydelse, och är emot hörseln, så at läsaren therigenom icke gifwes orsak til löje eller förargelse.

90. När et ord intet hafwer rum wid ändan af raden, och en del theraf bestående af en eller flere stafwelser, warder försatt uti en annan rad, sa brukas nu therhos en liten rät linia, som ligger längst med raden (-) och teknas allenast wid första delen af ordet på ändan af raden, hwilket wisar, at samma ord lyktas icke i thenna raden, utan ännu en del eller någre stafwelser komma at stå i then följande. Til Exempel, om af ordet *принимаю*, the två första stafwelserne skulle allenast hafwa rum wid ändan af raden, så måste man wid sådant tilfälle bruka therstädes, efter thesse bågge stafwelser bemälte linia, eller afdelnings teknet, och

försätta the sista twenne stafwelserne uti en annan rad; och således bör man förfara i alla öfrige thylika mål. Somlige taga til afdelnings tekn twenne på twäran liggande linier (//) och sätta them stundom allenast efter första delen af ordet, wid ändan af raden, och stundom både efter then första och i början af then andra delen, som uti en annan rad försatt är; Dock äro the ganska få, hwilka thetta bruket följa, och kan thet icke blifwa stadfast genom någon tils nu tryckt bok. Eljest hafwa ock somlige begynt bruka afdelnings teknet uti främmande sammansatte, och i Ryska Språket wedertagne ord, som bestå af twenne eller trenne, och skrifwa til Exemp. *Генераль-Квартирмейстеръ, Чаушъ-Паша, аванъ-гардія, аріэр-гардія, Петеръ-Варадинъ*, och så vidare; och ehuruwål thetta redan i tryckta böcker finnes, besynnerligen i våra tider, så är dock thet ingen tilräckelig grund för handen; ty, skulle the therigenom wela wisa delarne, af hwilka sådane ord blifwa sammanfogade, så borde the äfwen giöra en skillnad uti alla andra thylika sammansatte ord. Hwarföre skilja the icke med thetta teknet til Exempel ordet: *Петербургъ, Шлюс-сельбургъ*, och andra sådane, som på samma sätt af twenne främmande ord äro i hopsatte, och hwad för en grund kunna the ändteligen föregifwa til then skillnaden, therigenom sker? Förthenskul hafwer man mer orsak at hålla sig härutinnan wid förra allmänna bruket, än följa thenna nyheten, och skrifwa således alla, både sielfwa Ryska och antagne främmande i hopsatte ord tilsammans, utan at införa afdelnings teknet. Härwid är at märka, thet slike sammansatte ord hafwa i Ryska Språket twenne särskilde egenskaper: somlige äro af then beskaffenhet, at allenast sista ordet blifwer declineradt, och andra åter måste särskildt hwart för sig declineras, och ehuruwål the föreställa en mening, så fogas dock the första til åtskillnad ifrån the andra uti Declination tilsammans; och the senare brukas särskildt. Således skrifwer man *Квартирмейстеръ* i hop, theföre, at af the orden, utaf hwilka thetta är sammanfogadt, declineras allenast thet sista *Мейстеръ*, och thet första lemnas altid odeclineradt. Men i ordet: *Генераль Квартирмейстеръ*, bör första ordet: *Генераль* åtskiljas ifrån thet senare *Квартирмейстеръ*, emedan the bågge declineras. Theßlikes äro uti ordet: *Генераль Аудиторъ Лейтенантъ* tre declinerande delar, och förthenskul skrifwes hwar för sig, fastän the uttrycka blott en mening.

91. Tilförene brukade man inga särdeles afdelnings tecken i Ryskan, utan när et ord skulle försättas uti en annan rad, så wiste Accenterne eller stafwelsernes toner, fast icke så tydeligen, then delen, som af et ord tagen och i en annan rad försatt war. Theße Accenter blefwo sätte på alla ord, både af en och flere stafwelser; therföre, om på en del af et ord ingen Accent war, så utmärkte sådant, at then delen intet något särdeles ord betydde, utan at thet gjorde med samma del, som stod i andra raden omedelbart thefter eller framföre och hade Accenten öfwer sig, et helt och fullkomligt ord. Såsom til Ex. när man skulle försätta ordet: *память*, så lemnades i ena raden stafwelsen *на* med therpå stående Acutus (*ná*) och stafwelsen *мять*, blef uti en annan rad försatt: och emedan öfwer then sista stafwelsen ingen Accent sättes, ty betydde thet, at then samma hörde til stafwelsen *на* i förra raden och gjorde thet med et ord. Likaledes blefwo alla andra ord inrättade, när the skulle försättas. Men som thenna fördelningen ej syntes nog tydelig, så begynte man sedan at bruka bemälte afdelnings tekn jämte ofwanstående Accenter, som sker ännu.

92. Teknen, hwilka utmärka tonernes utwidgande i uttalet kallas i Ryskan äfwen Accenter, och äro trenne: en af them heter Acutus och föreställes igenom en ifrån vänstra sidan til höger upåt stående rät linia ('), then andra Gravis, som står ifrån vänstra sidan til höger neråt (v), och then tredje Circumflexus består af twenne räta linier, hwilka sluta sig uppe tilsammans och formeras sålunda (^). Ut i gamla eller så kallade andeliga trycket blef Circumflexus teknad såsom en half rundning neråt (v).

93. Theße Accenter wisa, at en ton i ordens uttal här och där höres uti the stafwelser, på hwilka Accenterne sättas.

94. Och ehuruwäl stafwelserne, öfwer hwilka Accenterne brukas, alltid längre än andra utdragas, så består likwäl nu Accenternes bruk icke therutinnan; the blifwa allenast sätte på sådane ord, som kunna hafwa en särskild betydelse, när en af thetas stafwelser längre eller kortare uttalas. Såsom til Exempel uti åtskillnaden emellan Substantivo: *нóтомъ*, med swett, och Adverbio: *номѡмъ*, thefter; eller emellan Nominibus: *мукá*, miöl, och *мѹка*, plåga; eller emellan Casibus: *рыкѹ* och *рыка* [sic! должно быть: *рыку*], brukas Accenterne; men öfwer andra ord, som icke hafwa thenna egenskap, warda Accenterne nu för tiden bortlemnade.

95. I synnerhet blifwer Acutus efter wanliga bruket satt öfwer alla långa stafwelser, undantagandes then sista, och Gravis allenast öfwer the sista stafwelserne, när the warda utdragne, ty korta stafwelser hafwa uti Ryska orden inga Accenter öfwer sig. Til Exempel ofwer ordet: *свѡучство*, egenskap, uti hwilket första stafwelsen är lång, sättes Acutus, och öfwer ordet: *свѡйство*, släktskap, thes sista stafwelse långt utdrages, brukar man Gravis, och wises therigenom, at emellan theße orden är en åtskillnad. Theßliques hafwer ordet: *бѹди*, om, Acutus, at utmärka thes åtskillnad ifrån Verbo: *бѹди*, wäck: skulle ock något ord ändas med en medljudande bokstaf, samt wanliga teknets v tillsättjande eller med bokstafwen v, så brukas Acutus jämwäl öfwer sista stafwelsen. Således står Acutus i Adjectivo: *знаѡмъ*, bekant, öfwer sista stafwelsen til åtskillnad emellan Substantivo: *знáкомъ*, med teknet, som hafwer Acutus öfwer första stafwelsen, och Verbum: *извѣсть*, tilkänna, teknas sista stafwelsen med Acutus at wisa åtskillnaden emellan bemälte Verbo och Nomine Substantivo: *извѣсть*, kalk, och så widare i alla öfrige thylika ord.

96. Men som nyttan, både af Acutus och Gravis består allenast therutinnan, at kunna weta, hwilken stafwelse uti twifwelaktige ord, bör uttalas kort, och hwilka åter långt utdragas, til at utmärka skillnaden emellan sådane ord, så sätta många öfwer sista stafwelsen altid Gravis, then må hafwa hwad för en stafwelse then wil; och således bruka the uti Adjectivo: *знаѡмъ*, til åtskillnad emellan Substantivo: *знáкомъ*, och emellan Adverbio: *номѡмъ*, samt Substantivo: *нóтомъ*, och andra slike ord, öfwer sista stafwelsen altid Gravis och icke Acutus, änskönt theße ord lyktas på medljudande bokstafwen м med wanliga teknet v. Thetta bruket är utan twifwel therföre wedertagit, at utslutta ofwannämde Exception, och följakteligen therigenom göra Accenternes bruk beqwämligare. Sådant finnes redan uti somlige i vår tid tryckte böcker, och kan wara af samma nytta, som thet förr omtalte.

97. Circumflexus brukas nu nästan aldrig mer, hwarcken i thet wanliga borgerliga trycket eller i skrifwande; wid et tilfälle sättes then allenast af nägre, nemligen: när theße twenne sielfljudande bokstäfwer i och o förenas uti en twelfjundande bokstaf, som sker mästedels i främmande och i Ryskan antagne ord. Bemälte sielfljudande bokstäfwer före-

nas tå således *io*, til at wisa therigenom en skillnad emell
thenna tweljudande bokstafwen, och enkle sielffljudande
bokstafwerne i o. Såsom til Exemp. uti orden: *Maio*
io *ian*, och så vidare. Thetta Exempel följa ock somliga
the Ryska ord, som hafwa i uttalet thenna tweljudande
bokstafwens ton, och skrifwa the i stället för *бѣтъ*, *бытъ*
i stället för *лѣтъ*, *льотъ*; och i stället för *все*, *всѣ*.
Dock stadfäster thet allmänna bruket sådant ick å
fullkomligen uti alla Ryska ord.

98. Uti förra trycket brukade man circumflexus men
skilja bägge Numeros ifrån hwarandra, än för någon an
orsak skul. Til Exempel Nominativus Pluralis: *писанія* ifrån
Genitivo Singul. *писанія*, eller Genit. Plural. *человѣкъ*, ifrån
Nominat. Singul. *человѣкъ*; hwilket bruk tå hade sin fullkom
liga nytta.

99. Förutan Accenterne brukas nu, så wäl i skrifwande
som i tryck förenings teknet, hwilket skrifwes som en
halfrundning upåt (˘) och sättes allenast äfwer [sic! one
чарка вм.: öfwer] u när thet förenas med en annan sielfflj
dande bokstaf uti en stafwelse, samt gifwer både rätt
uttalet och ordens betydelse en stor beqwämlighet. Såle
betyder: *мой*, min, annat än: *мои*, mine, jämwäl: *свой*
sitt, annat, än: *свои*, sine, och så vidare, hwilka ord ock
på et särdeles sätt uttalas. Förthenskul är thetta teknet
i nu warande Orthographie aldeles nödigt.

100. Tilförene hörde förenings teknet til the öfrige tå
brukelige Accenter, som woro til antalet fyra, nemligen:
abbrevieradt *ъ*, och *ь*, thet weka teknet, och bemälte före
nings tekn. Utom thet senare, blefwo the andra utmärkte
genom et tekn (˘), men som af theß åtskillige bruk hade
thesse besynnerlige namn: ty när uti Præpositionerne: *въ*
къ, *съ*, samt wid ändan af andra ord *ъ* blef bortlemnadt,
så kallade man teknet, som sattes i theß ställe ofwan på
et abbrevieradt *ъ*; och när man wid ordets slut bortlem
nade *ь*, så hette äfwen thetta teknet et abbrevieradt *ь*.
Altså skref man i stället för *съ* *богомъ*, *отецъ*, *часть*, och
så vidare ofta *с'богомъ*, *отец'*, *часть'*. Men blef bokstafwen
ь bortlemnadt midt uti ordet, så kallades thet et wekt tekn,
och sattes på högra sidan öfwer medljudande bokstafwen,
efter hwilken bemälte bortlemnade *ь* hade bordt stå. Såsom

Exemp. i stället för orden: *вольный*, *хвальный*, *польза*,
skref man ofta *вол'ный*, *хвал'ный*, *пол'за*, och så vidare.
Uti thet nu warande trycket blifwer thetta teknet aldeles
intet antagit, utan man bibehåller *ъ* och *ь* allstädes efter
wanliga bruket.

«. . . не могут стоять, о чем уже говорилось, но и в са
мом происхождении слов тому находится изъяснение,
ибо то, что мы ранее объявили относительно ненужного
различия между буквами *ѣ* и *е*, которое в русском право
писании только лишнюю вызывает трудность, есть совер
шенно особое дело и относится лишь к греческим словам,
в которых это также во многих случаях уклоняется от
греческого правописания; но сие [обыкновение] касается
свойства самих русских слов, происхождение которых
следует больше принимать во внимание, чем [происхо
ждение] греческих слов. Поэтому необходимо в тех сло
вах, где *ѣ* с буквами *ѣ* или *е* почти одинаковым образом
произносится, согласно обыкновенному употреблению, пи
сать букву *е*, а не *ѣ* или *е*, [если] только эти слова — суть
подлинно русские, а не взяты из других языков. Такое
произношение случается прежде всего в предлоге *въ*,
когда он помещается перед словом, которое начинается
либо с жестокой, либо с тяжелой, либо с составной буквы;
например, в следующих речениях: *звонъ въ колоколь*,
выношу въ сѣни, *ставлю въ холодное мѣсто*, *иду въ цер
ковь* и прочая. Затем как в сложных словах, которые
состоят из данного предлога *въ* и какого-либо другого
слова, начинающегося с одной из указанных букв, напри
мер, в словах: *вписываю*, *вкладываю*, *втираю*, *вшиваю*,
вхожу, так и в простых словах, как *вчера*, *ловчей*, *ковш*,
все и так далее, и, напоследок, в конце слов, например,
в следующих словах: *покровъ*, *уставъ*, *церковь*. Хотя *ѣ* и
имеет во всех этих случаях очень сходное произношение
с буквой *ѣ* или *е*, все же необходимо в письме, согласно
общему обыкновению, всегда употреблять букву *ѣ*. Сколь
незначительными ни казались бы эти различия, они,
тем не менее, производят большое изменение в произно
шении; поэтому не следует почитать упомянутые буквы
сходными или смешивать одну с другой.

§ 74. Также буквы *б* и *п*, *д* и *т*, *г* и *х*, *з* и *ж* [ошибка:
должно быть *с*], *ж* и *ш* лишь в том между собой разли
чаются, что одни выговариваются мягко, а другие твердо;
поэтому и они не должны смешиваться. Нельзя, например,

писать: *дупъ* или *тупъ* вместо *дубъ*, *плоть* вместо *плотъ*, *богъ* вместо *богъ*, *возъ* вместо *возъ*, *ношъ* вместо *ношъ* и прочая. Но это не относится к тем случаям, когда некоторые буквы переменяются в другие буквы согласно собственным выше правилам.

§ 75. Некоторые употребляют *сч* вместо буквы *щ* и наоборот, *щ* вместо *сч*. Так, например, вместо *ищу* пишут *исчу* и вместо *неисчетный* — *неищетный*, но такому употреблению ни в коем случае нельзя следовать; ибо *сч* не имеет с буквами *ш*, *т*, *ш* или из *щч*, а не из *сч*, как это уже доказывалось выше, и [как это] хорошо видно из их произношению; оттого большую ошибку совершают те, кто считают букву *щ* лишней в русском языке и хотя на ее месте всегда употребляют *сч*, что совсем не согласуется ни с преимущественным употреблением, ни с обычной манерой произношения этих букв и самих слов, где эти буквы употребляются.

§ 76. Многие не хотят и того принять в русском правописании, чтобы одна буква ставилась [буквально: стояла] в слове два раза подряд, и думают таким образом избежать мнимого неудобства в произношении; но если бы им пришлось рассматривать свойства употребительных слов в русском языке, то были бы они совсем другого мнения. Неудобство в произношении происходит не столько от удвоения простой согласной буквы, сколько от соединения многих согласных букв разных родов; поэтому в русском языке часто бывает так, что, чтобы избежать подобной трудности, некоторые согласные буквы изменяются в другие, если следующая согласная буква в данном слове принадлежит к другому роду, нежели предшествующая, о чем уже говорилось выше. Вследствие такого изменения букв происходит то, что, например, вместо *з* кладется *с*, если следующая буква тоже *с*: и таким образом буква *с* употребляется в слове два раза подряд. Точно так же, если слово оканчивается на одну из согласных букв, а другое слово, которое от него происходит, принимает в начале своего окончания эту же самую букву, или если частица в сложном слове, входящая в его состав [буквально: которая относится к сложению данного слова] оканчивается на такую букву, с которой начинается другой компонент данного сложного слова, — то долженствует тогда по необходимости писать

букву два раза подряд: так, например, в словах: *Законникъ*, *разоряю* и так далее. Все это довольно показывает, что удвоение согласной буквы не только не противно свойству русских слов, но иногда совершенно неизбежно. Отсюда естественно следует, что нельзя класть лишь одну согласную букву там, где требуются две буквы одна за другой. Например, нельзя писать: *разоряю* вместо *развораю*, или *французскій* вместо *французскій*, или *ити* вместо *итти* и так далее. Однако согласная буква не должна удваиваться без основания; например, пишут: не *дрожжу*, но *дрожу*, не *русскай*, но *рускій*, и так далее.

§ 77. В старом правописании было принято в качестве основного правила, что еврейские, греческие и латинские слова, употребляемые в русском языке, писались бы не по русскому правописанию, но по собственному правописанию тех языков, откуда они были заимствованы. Так, *ангелъ* писался тогда *аггелъ*, *панкратій* — *пагкратій*, поскольку греческие слова, из которых они происходят, пишутся с соответствующими [буквально: такими же] буквами, причем *г* перед буквами *г*, *к* произносилось всегда в этих случаях как *н*. Таким образом следовали греческому правилу, согласно которому *г*, *γ* перед буквами *γ*, *κ*, *ξ*, *χ* читается как *л* [так в тексте; должно быть: *ν*]. Но мы не принимаем этого правила в нашем правописании; зачем обременять себя такими трудностями, в которых нет никакой пользы и без которых прекрасно можно обойтись; и к чему перегружать русский язык правилами, которые относятся к греческому, еврейскому и латинскому языкам, раз он с ними никакого сходства не имеет: ведь если следовать их правописанию, то надо было бы придерживаться и правописания турецкого, персидского, арабского и других языков, которые имеют на то такое же право. Поэтому необходимо все заимствованные в русском языке чужестранные слова писать так, чтобы они были в согласии с русским произношением.

§ 78. Из соединения букв образуются целые слова, которыми наши мысли выражаются; некоторые из них состоят всего лишь из одного звука, другие же из двух или более; первые называются односложными словами, а другие — многосложными. Итак, слог — это ничто иное как необходимая часть для выражения звука.

§ 79. Но поскольку одни буквы сами по себе изображают совершенный звук, иные же без помощи других букв не могут быть выражены или произнесены, то слоги, которые различные звуки представляют, могут не только состоять из соединения согласных букв с гласной буквой, но иногда [состоят] из одной такой [т. е. гласной] буквы. Например, в слове: *умножаю* первый слог *у* состоит всего лишь из одной гласной буквы; второй слог *мно* из трех букв, а именно из двух согласных и одной гласной; третий *жа* — из двух, согласной и гласной, и последний *ю* — из дwoегласной буквы.

§ 80. Отсюда видно, что каждому слогу требуется по меньшей мере одна из гласных или dwoегласных букв, и что каждое слово столько слогов охватывает, сколько имеется различных звуков, составляющих слово. Например, слово *домъ* имеет только один звук, следовательно оно и состоит из одного слога; но слово *учу* охватывает два различных звука, а именно: *у* и *чу*; поэтому называется такое слово двусложным; и так состоит слово *наука* из трех, *умножаю* — из четырех, *удерживаю* — из пяти слогов, и так далее.

§ 81. Этот принцип показывает также, что прежний способ чтения по слогам, отражающийся [буквально продолжающийся] еще в букварях, согласно которому одна или несколько согласных букв со знаком *ъ* или с полгласной *ь* рассматривались как отдельный слог, неоснователен: ибо как могут согласные буквы с упомянутым знаком *ъ* или полгласной *ь* выражать совершенный звук, когда *ъ* никакого звука не производит, а *ь* — только половину звука *й*? И кто может мнимые слоги *бъ* или *бь*, или же *бръ* и *брь*, вместе с другими подобными, выговаривать? Помимо лишней трудности, имеет данное употребление еще и тот вред, что те, кто учатся читать таким способом, не могут составить какого-либо понятия о слогах и часто делят один слог на две части. Так, односложное слово *громъ* считают они двусложным и складывают его так: *гро-мъ*; *указъ*, состоящее всего лишь из двух слогов, они складывают: *у-ка-зъ*, как если бы оно было трехсложным, и так далее. Это оттого и происходит, что они следуют при этом своему неосновательному слогоделению. Для того чтобы избежать такой ошибки, необходимо все согласные буквы, к которым присоединяется *ъ* или *ь*, относить к предшествующей гласной букве и считать их

тем самым за один слог. Например, *поль-за*, *ра-дость*, *воль-ность* и так далее.

§ 82. На правильном слогоделении основывается и то, как должны переноситься слова, когда они приходится на конец строки и не помещаются на строке; поскольку односложное слово не делится на слоги, оно не должно переноситься в конце строки, а должно быть написано в строке полностью; если место этого не позволяет, все слово переносится на другую строку. Также необходимо быть внимательным и в отношении многосложных слов, чтобы всегда в этом случае в строке помещалось столько букв, сколько соответствует одному или нескольким слогам. Например, в слове *милость*, если оно не уместается в строке вместе с другими словами, последний слог *лость* может быть перенесен на следующую строку; но буквы *сть* в этом слове ни в коем случае не могут быть отделены и перенесены на следующую строку, поскольку они, как указано в предыдущем параграфе, никакого слога образовать не могут.

§ 83. Когда случается, что согласная буква стоит между двумя гласными буквами, она должна быть присоединена к последнему [т. е. последующему] слогу, а не отнесена к первому [т. е. предыдущему], как само произношение ясно показывает. Так, например, слово *указъ* складывается *у-казъ*, а не *ук-азъ*, *отецъ*, а не *от-ецъ* и так далее; поэтому необходимо эти правила принимать во внимание при переносе подобных слов со строки на строку.

§ 84. Но если две одинаковые согласные буквы окажутся между двумя гласными в слове, то относится первая согласная буква к первому [т. е. предыдущему] слогу, а другая — к последнему [т. е. последующему], например: *Икон-никъ*, *Закон-никъ*, *Рос-сія* и так далее.

§ 85. Если две или три согласные буквы оказываются между двумя гласными в слове, то всякий может разделить их на слоги так, как покажется приличным и наиболее пригодным для произношения, поскольку в этом отношении нельзя установить никаких правил [буквально: ничего нельзя установить]. Некоторые складывают, например, так: *де-ржу*, *пе-рвый*, другие же делят те же слова на слоги следующим образом: *дер-жу*, *пер-вый*. Однако можно при этом отметить, что согласные буквы не могут быть объединены при слогоделении, если с этого [сочетания] не начинается никакое слово в рус-

ском языке: например, *ам, лн, нт* и так далее; но надо складывать *ал-маз-ный*, а не *алма-зный, пол-ный*, а не *по-лный, ян-тарь*, а не *ян-тарь*.

§ 86. Вместе с тем, русскому произношению противно, чтобы внутри слов разделялись такие согласные буквы, которые могут соединяться в начале слова. Например: *ст, гд, жд, зл, нт* и так далее. Таким образом надо складывать: *гу-стой*, а не *гус-той*; *то-гда*, а не *тог-да*; *ну-жда*, а не *нуж-да*; *у-злы*, а не *уз-лы* и так далее, оттого что можно сказать: *стою, гдѣ, жду, злоба* и так далее.

§ 87. Сложные слова разделяются [при слогоделении] на те части, из которых они составлены. Так должно поступать в словах *раз-биваю, воз-вышаю, рас-тираю, воз-люблю* при расчленении по слогам разделять согласные буквы *зб, зв, ст, зл*, хотя они и могут соединяться в начале слов, поскольку первое из этих слов составлено из предлога *разъ* и глагола *бю*; другое — из предлога *возъ* и глагола *вышу*; третье — из предлога *разъ* и глагола *тру*; и последнее — из предлога *возъ* и глагола *люблю*; таким же образом надо поступать и с другими сложными словами.

§ 88. В словах, которые произведены от других и присоединяют через вновь принятые окончания некоторые согласные буквы, должны эти буквы при слогоделении так распределяться, чтобы согласная буква, принадлежащая основе, приходилась на один слог, а та, что принадлежит к вновь принятому окончанию, относилась к другому [слогу], хотя бы эти согласные буквы и могли сочетаться в начале слова. Итак необходимо членить по слогам *нис-кий*, а не *ни-ский*; *союз-ный*, а не *сою-зный*; *друж-ный*, а не *дру-жный*; *без-вод-ный*, а не *без-во-дный*; *снос-ный*, а не *сно-сный*; *не-плод-ный*, а не *не-пло-дный*, и так далее, поскольку они происходят от слов: *низъ, союзъ, другъ, вода, несу, плодъ*, хотя согласные буквы *ск, зн, жн, дн, сн* и могут сочетаться в начале слова, так, например, в [словах]: *скоро, знать, жну, дно, снопы* и так далее.

§ 89. Наконец, необходимо также замечать, чтобы при переносе слов на другую строку не переносилась такая часть слова, которая имеет свой особый смысл и противна слуху, так, чтобы не дать читателю повода для смеха или раздражения.

§ 90. Когда слову не хватает места в конце строки, и его часть, состоящая из одного или нескольких слогов, переносится на другую строку, то при этом употребляется маленькая прямая черта, которая идет вдоль строки (-) и обозначается только при первой части слова в конце строки, что показывает, что данное слово не оканчивается на этой строке, но еще некоторая часть [его] или несколько слогов приходится на следующую [строку]. Если, например, в слове *принимаю* лишь первые два слога помещаются в конце строки, то должно в таком случае после обоих слогов поставить указанную черту или разделительный знак и перенести последние два слога на следующую строку. И так следует поступать во всех остальных случаях подобного рода. Некоторые используют в качестве разделительного знака две черты, идущие наискось (/ /), и кладут их иногда только после первой части слова в конце строки, а иногда как после первой, так и в начале другой части, которая переносится на другую строку; однако тех, кто следует такому употреблению, совсем немного, и оно не может быть подтверждено какой-либо до сего времени напечатанной книгой. Также начали некоторые употреблять разделительный знак и в иностранных сложных словах, заимствованных в русский язык, которые состоят из двух или трех [компонентов], — и писать, например, *Генераль-Квартиръ-Мейстеръ, Чаушъ-Паша, аванъ-гардѣя, арѣзъ-гардѣя, Петеръ-Варадинъ* и так далее; и хотя это уже встречается и в печатных книгах, особенно в наше время, нет к тому достаточного основания; ибо если бы они хотели таким образом обозначить части, из которых такие слова составлены, то они должны были бы делать [подобное же] разделение во всех других аналогичных сложных словах. Почему не разделяют они таким знаком, например, слово *Петербургъ, Шлюссельбургъ* и другие [слова], которые таким же образом из двух иностранных слов соединены; и как, наконец, могут они обосновать то различие, которое при этом происходит? Поэтому имеется больше причин придерживаться при этом прежнего общего употребления, чем следовать данному новшеству, и таким образом писать все — как собственно русские, так и заимствованные иностранные — составные слова слитно, без введения разделительного знака. При этом надо заметить, что такие сложные слова имеют в русском языке две специальные разновидности:

некоторые из них таковы, что лишь последнее слово под-
лежит склонению, в других же каждое [слово, входящее
в состав данного сложного слова] должно склоняться
само по себе, хотя они [т. е. компоненты данного сложного
слова] и составляют одно значение; итак, первые [т. е.
сложные слова первого типа], в отличие от вторых, в скло-
нении скрепляются, а последние [т. е. сложные слова вто-
рого типа] имеют раздельное употребление. Так *Квартир-
мейстеръ* пишется вместе, оттого что из слов, из которых
это слово складывается, склоняется лишь последнее
Мейстеръ, а первое остается всегда несклоняемым. Но
в слове *Генераль Квартирмейстеръ* должно первое слово
Генераль отделяться от последнего *Квартирмейстеръ*, так
как оба они склоняются. Подобно тому в слове *Генераль
Аудиторъ Лейтенантъ* три склоняющиеся части, и от-
того пишутся они раздельно, хотя выражают только одно
значение.

§ 91. Ранее в русском языке не употреблялся особый
разделительный знак, но когда слово должно было пере-
носиться на другую строку, то акценты или слоговые тоны
показывали, хотя и не так отчетливо, ту часть, которая
взята из слова и перенесена на другую строку. Эти ак-
центы ставились над всеми словами, как односложными,
так и многосложными; поэтому если над некоей частью
слова не было никакого акцента, то это показывало, что
эта часть не обозначает какого-либо отдельного слова,
но составляет с той частью, которая стоит на другой
строке непосредственно ниже или выше и имеет над собой
акцент, целое и совершенное слово. Так, например, если
надо было перенести слово *память*, то оставлялся на
одной строке слог *па* с поставленным над ним акутом (*ná*),
а слог *мать* переносился на другую строку; и поскольку
над последним слогом не ставился акцент, это означало,
что он относится к слогу *ná* на предыдущей строке и со-
ставляет вместе с ним слово. Аналогично и другие слова
устраивались, когда они должны были переноситься. Но
поскольку это разделение показалось недостаточно отчет-
ливым, начали затем употреблять указанный разделитель-
ный знак, вместе с стоящими наверху акцентами, что еще
[и сейчас] случается.

§ 92. Знаки, которые отмечают протяжение тона в про-
изношении, называются по-русски также акцентами; их
три: один из них называется акут [острая] и представляет

прямую линию, идущую слева направо вверх (^), другой —
гравис [тяжкая], идет слева направо вниз (v) и третий —
циркумфлекс [облеченная] состоит из двух прямых линий,
которые соединяются вместе вверху таким образом (^).
В старой или так называемой церковной печати знак
циркумфлекса обозначался полукружием вниз (∩).

§ 93. Эти акценты показывают, что звук в произноше-
нии слов сильнее слышится на тех слогах, над которыми
положены акценты.

§ 94. И хотя слоги, над которыми полагаются ак-
центы, и тянутся всегда продолжительнее, чем другие,
однако употребление акцентов заключается сейчас не
в этом; они ставятся только над такими словами, которые
получают особое значение, когда один из слогов произ-
носится продолжительнее или короче. Так, например,
акценты употребляются для различения существитель-
ного *пóтомъ* и наречия *потѣмъ*, или имен *мудъ*
и *мѹка*, или падежей *рукъ* и *рука* [ошибка, вместо: *руки*];
но над другими словами, которые не имеют такого свой-
ства, в настоящее время акценты устранены.

§ 95. Согласно обыкновенному употреблению, акут
главным образом ставится на всех долгих слогах, кроме
последнего, а гравис только на последних слогах, когда
они тянутся, так как краткие слоги в русских словах
над собой акцентов не имеют. Например, над словом *свѣ-
сто*, в котором первый слог долгий, кладется акут, а над
словом *сво́йствѣ*, где тянется последний слог, употреб-
ляется гравис, и таким образом показывается, что между
этими словами есть различие. Точно так же слово *буди́*
имеет акут, показывающий его отличие от слова *будѣ́*;
если слово оканчивается на согласную букву, к которой
присоединяется традиционный [буквально: «обыкновен-
ный», т. е. соответствующий обычаю] знак ъ или буква ѣ,
то на последнем слоге ставится также акут. Так, в при-
лагательном *знаѣмъ* акут стоит на последнем слоге в от-
личие от существительного *знаѣмѣ*, имеющего акут на
первом слоге; и в глаголе *извѣсть* акут обозначается над
последним слогом, чтобы показать различие между упомя-
нутым глаголом и существительным *извѣсть*; и так далее
во всех остальных подобных словах.

§ 96. Но поскольку польза как от акута, так и от гра-
виса состоит лишь в том, что они дают знать, какой слог
в двусмысленных словах должен произноситься кратко,

а какой тянуться, с тем, чтобы обозначить различие между такими словами, многие кладут на последнем слоге всегда гравис, какой бы слог это ни был; итак, употребляют они в прилагательном *знакомъ*, в отличие от существительного *знакомъ*, или в наречии *потомъ*, в отличие от существительного *потомъ*, как и в других подобных словах, над последним слогом всегда гравис, а не акут, хотя эти слова оканчиваются на согласную букву *ж* с традиционным [буквально: «обыкновенным», т. е. соответствующим обычаю] знаком *ъ*. Такое употребление, несомненно, принято для того, чтобы устранить вышеупомянутое исключение и, тем самым, сделать употребление акцентов более удобным. Это [употребление] имеет место уже в некоторых в наше время напечатанных книгах и может к такой же пользе служить, как и то, о котором шла речь выше.

§ 97. Циркумфлекс сейчас почти уже не употребляется ни в обычной гражданской печати, ни на письме; только в одном случае некоторые его ставят, а именно: когда две гласные буквы *й* и *о* соединяются в диегласную букву, что случается главным образом в иностранных словах, принятых в русский язык. Указанные гласные буквы объединяются так: *йо*, чтобы тем самым показать различие между этой диегласной буквой и простыми гласными *й*, *о*. Так, например, [пишут] в словах: *Маюрка*, *йовіанъ* и так далее. Этому примеру некоторые следуют и в таких русских словах, которые имеют в произношении звук этой диегласной буквы; они пишут вместо *бьетъ*, *бьютъ*; вместо *льетъ*, *льютъ* и вместо *все*, *всё* и так далее. Однако общее употребление еще не утверждает этого полностью во всех русских словах.

§ 98. В прежней печати использовали циркумфлекс более для различения между обоими [грамматическими] числами, нежели по какому-либо иному поводу. Например, [различали таким образом] именительный падеж множественного числа *писанія* от родительного падежа единственного числа *писанія*, или родительный падеж множественного числа *человѣкъ* от именительного падежа единственного числа *человѣкъ*; каковое употребление и имело свою совершенную пользу.

§ 99. Помимо акцентов, употребляется сейчас как на письме, так и в печати, знак слияния, который пишется полукружием кверху (*˘*) и ставится только над *и*, когда оно сливается с другой гласной буквой внутри слога, что дает большое удобство как в отношении правильного произношения, так и в отношении значения слов. Так, *мой* означает иное, чем *мои*, *свой* — иное, чем *свои*, и так далее, каковые слова и произносятся особым образом. Поэтому этот знак в современном правописании совершенно необходим.

§ 100. Прежде относился знак слияния к прочим употребительным акцентам, которых числом было четыре, а именно: сокращенные *ъ* и *ь*, мягкий знак, и указанный знак слияния. Помимо последнего, все прочие обозначались знаком (*˘*), но в соответствии с разницей в употреблении имели особое название: так, когда в предлогах *въ*, *къ*, *съ*, а также в конце других слов, *ъ* опускался, то надстроный знак, который ставился на его место, именовался сокращенным *ъ*; а когда в конце слова опускался *ь*, то этот знак назывался сокращенным *ь*. Так, часто писали вместо *съ богомъ*, *отецъ*, *часть* и так далее — *с'богомъ*, *отец'*, *часть'*. Но если буква *ь* опускалась в середине слова, то он назывался мягким знаком и ставился с правой стороны над той согласной буквой, после которой должна была стоять эта устраненная буква *ь*. Так, например, вместо слов: *вольный*, *хвальный*, *польза* часто писали *вол'ный*, *хвал'ный*, *пол'за* и так далее. В нынешней печати этот знак вообще не принят, но везде сохраняется, согласно обыкновенному употреблению, *ъ* и *ь*».

К стр. 109. ¹Фраза, начинающая § 101, недописана. В верхней части стр. 109 написано всего несколько слов — вторым почерком. Данная страница, как и следующая далее стр. 110, оставлены пустыми, будучи предназначены для § 101. Приводим соответствующий текст (недостающий в русском списке) по переводу Гренинга: «. . . i förra trycket ibland teknen, so'm brukas öfwer stafwelserne, följande: thet så kallade Asper (*˘*), Apostrophus, en fin och grof tons tekn. Asper teknas altid öfwer sielfjudande och tweljudande bokstäfwer, med hwilka orden begynnas, och skiljer stundom Singul. ifrån Plural. Apostrophus (*˘*) sättes äfwen öfwer sielfjudande och medljjudande [sic! Должно быть: tweljudande] bokstäfwer i början af orden

til åtskillnad emellan Pluralis och Singularis uti twifwelaktige ord. Såsom til Exempel Pronomen: *уже*, then Singularis hafwer i förra trycket öfwer sig et Asper, och när samma Pronomen betyder Plural. så sättes theröfwer en Apostrophus. Likaledes brukas Apostrophus öfwer Pronomina, som skrifwas allenast med en sielfljudande eller tweljudande bokstaf, til Exempel: *спаси ѱ*, i stället för *спаси его*, fräls honom; *сохрани ѱ*, i stället för *сохрани ея*, bewara henne; *соблуди ѱ*, i stället för *соблуди его*, tag wara på honom; *избави ѱ*, i stället för *избави ихъ*, befrija them, och så i andra thylika mål. Fina tons tekn sättes i början af alla Slavonske och i Ryska Språket wedertagne främmande ord, samt uti somlige Grekiske, som börja med en sielfljudande bokstaf, och skrifwes såsom en halfrundning wänd til vänstra sidan (') öfwer orden: *а'постолъ*, *а'гнецъ*, *І'аковъ*, och så vidare. Theremot brukas grofwa tons tekn efter förra Orthographien allenast uti sådane Grekiske ord, hwilka hafwa i sit Språk bemätle tekn, och utmärkes på samma sätt, som teknet af fina ton, undantagandes at thet är wändt til högra sidan (') öfwer orden: *і'ереѱ*, *і'ерузалѱмъ*, etc. therföre, at theße ord teknas i Grekiskan med samma Accent. Alla ofwannämde tekn äro ännu brukelige i förra eller uti thet så kallade andeliga trycket; som sker dock mer af en wana, än at theraf någon särdeles nytta härflyta skulle. Men i Ryska Språket blifwer thetta teknet icke brukadt, och förthenskul gör man wid sielfljudande bokstäfwernes uttal ingen skillnad, the måge stå i hwad för ord the wela, utan man utnämner them alltid på et sätt; följakteligen äro sådane tekn onödige, som wisa hwad i sielfwa werket ej finnes; och således brukar man i thet nu warande tryck inga af theße Accenter <... в прежней печати между знаками, которые ставятся над слогами, следующие: так называемые аспер [«исо»] ("), апостроф [«апострофъ»], знак тонкого и густого тона. Аспер обозначается всегда над гласными и диграфами буквами, с которых слова начинаются, и отличает иногда единственное число от множественного. Апостроф (') ставится так же над гласными и согласными [ошибка, вместо «диграфами»] буквами в начале слова для различения единственного и множественного числа в двусмысленных словах [т. е. при омонимии]. Так, например, местоимение *уже* в единственном числе имеет в прежней печати аспер, а когда это же местоимение обозначает множественное

число, то над ним ставится апостроф. Так же употребляется апостроф над местоимениями, которые изображаются только одной гласной или диграфной буквой, например: *спаси ѱ* вместо *спаси его*; *сохрани ѱ* вместо *сохрани ея*; *соблуди ѱ* вместо *соблуди его*; *избави ѱ* вместо *избави ихъ* и в других подобных случаях. Знак тонкого тона ставится в начале всех славянских и в русском языке заимствованных иностранных слов, также и в некоторых греческих, которые начинаются с гласной буквы, и пишется над словами в виде полукружия, обращенного в левую сторону ('): *апостолъ*, *агнецъ*, *Іаковъ* и так далее. Напротив, употребляется знак густого тона согласно прежнему правописанию, только в таких греческих словах, которые имеют данный знак в своем языке, и обозначается над словами таким же образом, как знак тонкого тона, с тем отличием, что он обращен в правую сторону ('): [так пишут] *Іереѱ*, *Іерузалѱмъ* и так далее, поскольку эти слова обозначаются в греческом этим же акцентом. Все названные выше знаки еще употребляются в старой [буквально: прежней] или так называемой церковной печати, что больше обусловлено обычаем, а не тем, чтобы это к какой-либо особой пользе служило. Но в русском языке этот знак [так в тексте, по смыслу должно быть: знаки] не употребляется, и потому в произношении гласных букв не делается никакого различия: в каком бы слове они ни стояли, они произносятся всегда на один манер; следовательно, подобные знаки не нужны, поскольку они обозначают то, чего на самом деле нет; и так ни один из этих знаков не употребляется в нынешней печати».

К стр. 111. ¹С § 102 снова начинается первый почерк (рука И. Сердюкова). На полях рукописи запись: «14го зача^а опя^а писа^а». ²Ср. такое же выражение выше (см. наше примечание к стр. 9). ³У Грөнинга «Orthographien» är med rätta uttalet ganska noga förenad, och bidrager then ena Delen mycket til then andras regelmätiga bruk «правописание с правильным произношением весьма точно соединено и одно другому помогает в правильном употреблении». ⁴У Грөнинга «abbervierade ords uttal «произношении сокращенных слов». ⁵Слова «называются *титлы*» не переведены у Грөнинга.

К стр. 112. ¹Слова «на подобіе полукружія въ ни^а о^араще^аного» не переведены у Грөнинга. Вместо них здесь

стоит слово «således <так>». ²Такое написание встречается в рукописи. Ср. прим. к стр. 47, 61. ³Так: «исъ». Такое написание встречается и в других местах (см., например, стр. 125). ⁴На полях помечена дата: «чи° [или: чи°?]».

15 Mart. [?] 1739». Здесь впервые перед датой стоит росчерк (на месте, помеченном в приведенной записи многоточием, — см. прим. к титульному листу), который в дальнейшем встречается каждый раз при записи на полях, относящейся к содержанию грамматики, — за исключением записи на стр. 115 рукописи. Наличие этого росчерка в соответствующих случаях далее не оговариваем. ⁵Слова «въ то^{мъ} словѣ содер^{жа}щееся» не переведены у Гренинга.

К стр. 113. ¹У Гренинга вместо фразы: «от писцовъ по изволенію приняты^{ми}» значится «såsom hwar och en hade wänt sig <как кто привык>». ²Писец написал сперва — вопреки логике, но в соответствии с орфографическим написанием, — подтительные формы данных слов («бгъ, оцъ»), затем зачеркнул знак титла и вписал недостающие буквы. Остальные слова, написанные под титлом, оставлены им без исправления, он их только подчеркнул и написал под подчеркнутым: «просто». У Гренинга все сокращения, приводимые в данном перечне, раскрыты; естественно, что здесь не переведено слово «просто». ³Здесь на полях следующая запись: «р: 179. 723го года». Эта запись представляет собой отсылку к стр. 179 (буква «р:» — сокращение от лат. «pagina») грамматики Федора Максимова 1723 г. Действительно, соответствующий текст находится в ближайшем отношении к указанному месту грамматики Максимова. ⁴Слова «и проч.» не переведены у Гренинга. ⁵Слово «ни^жней» не переведено у Гренинга.

К стр. 114. ¹У Гренинга эти слова даны в полном написании. ²У Гренинга «aldeles utskrefne <полностью написаны>». ³Писавший начал было форму «скорописны», но, еще не дописав слова, исправил ее на «рукописны». У Гренинга «i skrifte» <в рукописях>. ⁴Пропущен знак титлы. ⁵У Гренинга «rätta <правильном>». ⁶Фраза не окончена, должно быть, видимо, продолжение: «чит: ангелъ». Так именно у Гренинга: «läs <читай> Ангелъ».

К стр. 115. ¹Ошибка. Должно быть: «благословенъ». У Гренинга «благословенъ». ²У Гренинга «благодать». ³Этот пример отсутствует у Гренинга. ⁴У Гренинга на месте форм «гдръ», «гднъ» — «гдръ», «гднъ». ⁵У Гренинга

далее: «гль — läs <читай> глаголь». ⁶Этот пример отсутствует у Гренинга. Слова «девица» и «девство» написаны у Гренинга через ъ. ⁷На полях написано тем же почерком (проба пера?):

«скуеѣя
скуеѣя».

⁸Далее зачеркнута форма «Еви^иглѣ». У Гренинга три формы: Еви^иглѣ, Ев^иглѣ eller <или> Ев^иглѣ».

К стр. 116. ¹У Гренинга «Исраиль». ²Слова «или Исъ», написанные над строкой, внесены в текст дополнительно. У Гренинга они не отражены. ³На полях помечена дата: «20. Mart. 1739». ⁴У Гренинга соответственно: «Мр^иа», «Мар^иа». ⁵У Гренинга «мѣсяцъ». ⁶Слова «не значит почтенія» относятся к аббревиатуре «мцъ — месяцъ», под которой они подписаны. У Гренинга они не переведены.

К стр. 117. ¹Слово «священник», как и следующее далее «сердце», написано не полностью. По-видимому, писавший считал возможным сокращать написание в том случае, когда окончание представлено уже в самой аббревиатуре. У Гренинга соответствующие слова всегда даны в полном написании. ²У Гренинга «члкъ». ³Этой формы нет у Гренинга. ⁴На полях помечена дата (совпадающая с той, что имеется на полях стр. 116): «20 Mart. 1739».

К стр. 118—119. ¹Конец первого почерка. Стр. 118—119 рукописи оставлены пустыми, будучи предназначены для окончания § 105 и для § 106. Приводим соответствующий текст (недостающий в русском списке) по переводу Гренинга:

«Utom theße wanlige ord, warda fuller ock andra abbrevierade: men som the af ofwanstående kunna lätteligen härledas och förstås, så äro the förthenskul här bortlemnade. Såsom til Exempel orden: *аггелскій, архггль, архггелскій*, kan man tillfyllest förstå af ordet *аггль*, emedan the på samma sätt blifwa abbrevierade. Eller then som wet huru ordet *дхъ* abbrevieras, then kan äfwen lätteligen begripa ordet *доховный*, som thermed ingen åtskillnad hafwer. Sammaledes finner man af orden: *дша, душевный; епкпъ, епкпство*, och så vidare.

106. Nu borde man jämwäl handla om the tekn, som brukas uti et tals afdelning, och kallas Interpunctiones eller Distinctiones; dock emedan uti förr utgifne Grammaticis om theas bruk en fullständig underrättelse finnes, och Ryskan therutinnan med andra Språk öfwerens stämmer ty wore thet öfwerflödigt, at här anföra några bekanta Reglor. Theremot ser man nödigt wara, at korteligen beröra the ord, som skrifwas särskildt, och hwilka åter ifrån hwarandra icke skiljas: ty wid bägge tilfällen märker man ofta en skiljaktighet; et ord skrifwa somlige särskildt, som andra aldrig afдела. Thetta förorsakar i Orthographien en sådan swårighet, at man stundom werckeligen måste twifla, hwilket bruk bör antagas för thet rätta; at nu göra thenna swårigheten någorlunda lättare, kan man allenast thetta til hufwud Regel antaga, at alla i et tal förekommande ord blifwa ifrån hwarandra delte, eller hwart och et särskildt skrifwit; dock the ljud, som höra til et ord böra stå til sammans.

«Помимо этих обычных слов, имеются, правда, также и другие сокращения; но поскольку они легко могут быть из вышеприведенных выведены и поняты, то о них здесь не говорится. Так, например, слова: *аггльскій*, *архггль*, *архггльскій* могут вполне быть поняты из слова *аггль*, потому что они сокращены таким же образом. Или тот, кто знает, как сокращается слово *дхъ*, может также легко понять слово *дховный*, которое ничем от него не отличается. То же относится к словам: *дша*, *дшевный*; *епкпъ*, *епкпство* и так далее.

§ 106. Теперь следовало бы сказать и о знаках, которые используются при разделении речи и называются знаками препинания; но поскольку в прежде изданных грамматиках об их употреблении даются исчерпывающие сведения, и русский язык соответствует в этом отношении другим языкам, то было бы излишне приводить здесь какие-либо известные правила. Напротив, необходимо коротко остановиться на слитном и раздельном написании слов [буквально: на словах, которые пишутся раздельно или же не отделяются друг от друга]; в обоих случаях часто наблюдается несходство: одно и то же слово некоторые пишут раздельно, а другие никогда не отделяют. Это причиняет в правописании такую трудность, что иногда

и в самом деле неясно, какое употребление надо считать правильным; дабы несколько облегчить сейчас эту трудность, можно принять за главное правило следующее: все представленные в речи слова отделяются друг от друга, то есть каждое пишется отдельно: но звуки, которые принадлежат одному слову, должны стоять вместе».

К стр. 120. ¹С § 107 начинается второй почерк. ²Пропущен знак титлы. ³Этой фразы нет у Грёнинга. ⁴На полях помечена дата: «5 [?] May 1739». ⁵Выражение «части слова» обозначает здесь части речи (у Грёнинга «Partes Orationis»). Подобное словоупотребление вообще может считаться характерным для Адодурова: так, исправляя грамматическую терминологию во втором издании «Немецкой грамматики» (СПб., 1734), Адодуров заменяет «часть рѣчи» на «часть слова» (см.: Бауманн, 1973, стр. 651). ⁶В отличие от других случаев, данное слово написано с одним *м*. Можно предположить пропуск надстрочного *м*.

К стр. 121. ¹Одно слово не разобрано. У Грёнинга здесь «förthenskul «поэтому»». ²Слово «напере^а» вставлено в текст над строкой. ³Данное слово написано не вполне ясно: может быть, следует читать «ро^дѣлно», как это и написано непосредственно выше в тексте. ⁴Слово «от-части» написано в рукописи дважды, будучи повторено поверх строки.

К стр. 122. ¹Слова «которые ме^ду собою ро^дѣлно писа^т надлежи^т» не переведены у Грёнинга. ²У Грёнинга «Delar «части»». В соответствии с русским текстом должно было бы стоять: «Partes Orationis». Ср. прим. 5 к этой странице. ³Чтение предположительно. У Грёнинга «måste «надлежит»». ⁴У Грёнинга «всотеро». ⁵У Грёнинга «en del «части»». Ср. прим. 2 к этой странице. ⁶У Грёнинга соответственно «въ десять разъ, въ тысячу разъ». ⁷Правильнее по смыслу было бы не «соде^ржащїеся», а «соде^ржащїе». У Грёнинга «och alla andra bestående af et särskildt ord «и все прочие состоящие из отдельного слова»». ⁸Первоначально было «въ мѣсто». Буква «в» написана по «въ». Ср. аналогичное исправление ниже (прим. к стр. 123). ⁹Далее граница почерков: кончается второй почерк и начинается (с § 109) первый.

К стр. 123. ¹Первоначально было: «о^дѣля^т». Надстрочное *т* переправлено на *д*. Ср. наши прим. к стр. 16, 19, 26, 68, 72. ²Слово «вмѣстѣ» исправлено из «въмѣстѣ».

³Далее граница почерков: кончается первый почерк и начинается (с § 110) второй.

К стр. 124. ¹Первоначально было: «вось, нись». Эти формы исправлены писавшим на «воз', низ». Ср. прим. к стр. 19. ²Слово «весма» почему-то подчеркнуто в рукописи и повторено на полях против строки. ³Первоначально было «возь». Конечный ер зачеркнут. ⁴На полях помечена дата: «15 Мау 1739». Далее граница почерков: кончается второй почерк и начинается (с § 111) первый, который и продолжается до конца рукописи.

К стр. 125. ¹Описка, вместо «доброжелате⁴ствую». ²Слово «разумѣній» недописано в рукописи, затем зачеркнуто и написано поверх строки полностью. Можно предположить, что данное слово по тем или иным причинам первоначально было пропущено в рукописи, причем для него было оставлено место; однако оставленного места не хватило, слово не уместилось, и писец вынужден был написать его заново.

К стр. 126. ¹Текст, взятый в двойные угловые скобки, помещен писцом на полях рукописи как вставка в основной текст. Место вставки обозначено специальным знаком. У Грëнинга этот текст органически включается в основной текст. ²Далее в рукописи следовал кусок текста, который был затем зачеркнут (вместо него было написано продолжение данной фразы). Приводим этот зачеркнутый текст (за исключением неразобранных первых слов); он начинается на стр. 126 и продолжается на стр. 127 рукописи: «...до какой бы части слова оныя не надлежали какъ на примѣръ о⁷ именъ существите⁷ныхъ о⁷ мѣстоимѣній, о⁷ глаголовъ, о⁷ предлоговъ и проч: такъ въ слѣдующей рѣчи не земля въ центрѣ міра находится но солнце, отрицательная частица не находится пре⁷ существите⁷ныхъ имене⁷ земля а пишется о⁷ онаго оддѣ⁷но, также радѣляются въ писмѣ и слова: не мой, не твой, не говорю, не слышу, не на земли, не въ водѣ, и прочая». У Грëнинга этот текст не отражен. При этом на полях (стр. 127) помечена дата: «22 Мау 1739». Эта дата также зачеркнута, но повторена (без обозначения года) непосредственно ниже на той же странице (ср. наше прим. к стр. 127). ³У Грëнинга сказано несколько точнее: «pär then intet glörf et ord med them <когда не образует с ним одного слова>».

К стр. 127. ¹На полях дата: «22 Мау».

К стр. 128. ¹Это слово вставлено в текст над строкой. ²У Грëнинга: «efter hwilka <после которых>». ³У Грëнинга соответственно: «кто жъ» и «кто же».

К стр. 129. ¹На полях дата: «24 Мау». Следующий далее текст отсутствует у Грëнинга. ²Описка, вместо «оние».

К стр. 130. ¹На полях дата: «26 Мау 1739».

К стр. 132. ¹Слово «раздѣленія» вставлено в текст над зачеркнутым «рад» (или «ради?»). ²Ожидалось бы: «име⁷», ³Вероятно, должно быть: «не по нуждѣ соединяются». Именно в таком виде эта фраза представлена в цитате, приводимой в следующем параграфе (§ 118, стр. 133).

К стр. 134. ¹В конце всего текста на полях дата: «6 Junii».

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Предлагаемый комментарий к воспроизведенному выше тексту соотнесен с п а р а г р а ф а м и грамматики (в отличие от текстологических примечаний, которые относятся к с т р а н и ц а м рукописного текста). Этот комментарий учитывает как русский список, так и шведский перевод соответствующих разделов. Если комментарий относится к параграфу, который представлен лишь в шведском переводе, номер параграфа взят в угловые скобки; в этом случае текст соответствующего параграфа следует искать в разделе текстологических примечаний.

К введению («О Грамматикѣ во обще»)

Наряду с определением грамматики как науки и изъяснением стоящих перед ней задач здесь излагается план грамматики. Разделение грамматики на орфографию, этимологию (т. е. морфологию), синтаксис и просодию продолжает традицию славянских грамматик (см., в частности, грамматику Смотрицкого), которые следуют, в свою очередь, образцу греческих грамматик (см. стр. 73 наст. изд., прим. 122).

Представленный здесь план грамматики не вполне последовательно соблюдается в дальнейшем изложении: некоторые правила, которые скорее должны быть отнесены к последней части грамматики (посвященной «просодии»), вошли в ее первую часть (посвященную «орфографии»), о чем см. специальное замечание в § 102. Вместе с тем сама часть, посвященная «просодии», до нас не дошла; некоторые соображения о содержании данной

части и о тех конкретных наблюдениях, которые должны были быть в ней изложены, см. на стр. 71—74 наст. изд.

Любопытно, что и грамматика Ломоносова по своему начальному плану должна была начинаться с введения озаглавленного точно таким же образом, что и в исследуемой грамматике: «Вступление о грамматикѣ вообще». Черновые материалы к ломоносовской грамматике в изд. Ломоносов, 1952, стр. 611.

К § 3

Ср. аналогичные замечания о произвольном характере произношения в § 61, а также в шведской версии § 1. О близости этих идей рассматриваемой грамматики к соответствующим высказываниям Тредиаковского см. стр. 54—55 наст. изд.

К § 4

О необходимости исключения лишних букв из алфавита см. также у Тредиаковского и у Татищева (см. стр. 53, 80—86 наст. изд.). Ср. обосновываемый ниже (§ 23—24, 61) фонетический принцип письма.

Говоря о «знаке, весьма никакого гласа не значащем», автор имеет в виду букву ъ. См. об этом специально далее, § 15.

Последняя фраза данного параграфа повторяется в § 15 (см. стр. 10 русского списка).

К § 5

Автор указывает для старого алфавита (употребляемого в церковной печати) общее количество в 41 букву. Перечисление этих букв, отсутствующее в русском списке грамматики, дано в шведском переводе Гренинга (стр. 4). В точности такой же перечень букв представлен в кратком очерке Адодурова 1731 г. (стр. 3); довольно близки к нему перечни из 40 букв, приводимые в грамматике Смотрицкого (1619; 1648; 1721) и в грамматике Максимова (1723) ¹.

¹ Перечни букв в обеих грамматиках отличаются от перечня, приводимого в нашем источнике, прежде всего тем, что в последнем фигурируют в качестве разных букв буквы з и у, тогда как у Максимова дается только з, а у Смотрицкого з и у указаны как два варианта одной и той же буквы («з или у»); далее,

Между тем, в «Разговоре об орфографии...» Тредиаковского для этого алфавита перечислены 44 буквы: разница обусловлена тем, что в нашей грамматике не приводятся буквы: ж, а, ѿ².

К перечисляемой здесь азбуке г р а ж д а н с к о й печати (из 35 букв, причем в русском списке реально показаны 34 буквы, что обусловлено пропуском буквы э, представленной, между тем, в тексте шведского перевода, см. стр. 129 наст. изд.) ср. азбуку из 30 букв, приводимую в грамматике Ломоносова (1755, § 87), а также азбуку из 34 букв в черновых материалах к этой последней грамматике (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 621).

Буква г обозначает фриктивный звук [ɣ], а не взрывной [g], что соответствует общепринятой для XVIII в. произносительной норме (см. Успенский, 1968, стр. 40 сл., 67 сл.; 1971, стр. 15—16). Ср. в этой связи § 74 грамматики (дошедший до нас, ввиду лакуны в русском списке, только в шведском переводе), где говорится о том, что г находится в том же отношении к х, как б — к п, д — к т, жс — к ш и т. п.

Рекомендацию использовать букву г в гражданской азбуке для передачи взрывного [g], которая имеется только в шведской версии, можно найти уже в очерке Адодурова 1731 г. (стр. 3—4) ³; позднее эта же рекомендация повто-

на месте буквы э, обозначающей нейотированный звук [e] в рассматриваемой грамматике или в краткой грамматике Адодурова (название этой буквы передается в немецкой или шведской транскрипции как е), у Смотрицкого и Максимова стоит буква е, обозначающая, напротив, йотированный звук (ср. у Смотрицкого 1619, или 1721: «е или ie»). Букве я в нашем источнике соответствует а в грамматике Максимова (ср., однако, у Смотрицкого: «а или а»), наконец, буква ѿ («ѿ или ѿ») в грамматике Смотрицкого показана между а (а) и з, а не между ю и а (я), как в грамматике Максимова и в нашем источнике.

² Последняя буква могла фигурировать в букварях в качестве специальной буквы церковнославянского алфавита, противопоставляемой букве ѿ. См., например, московский букварь 1637 г.

³ Ср., однако, в «Заметке о транскрипции» указание, что русская буква г соответствует польской g — между тем как в рассматриваемой грамматике указывается, напротив, что польской букве g соответствует буква г, а не г. Это объясняется скорее всего тем, что данная заметка предназначалась для вполне конкретной и ограниченной задачи передачи латинскими буквами русских географических названий (см. об этом стр. 35 наст. изд.); между

руется — без ссылки на Адодурова — и в «Разговоре об орфографии...» Тредиаковского (стр. 380—383 изд. 1748 г.; ср. также обсуждение названия для этой буквы на стр. 385—386). См. об этом на стр. 59 наст. изд., ср. также стр. 84 о позиции Татищева в этом отношении.

Буква *г* в качестве обозначения для взрывного согласного [g] заимствована из письменности Юго-Западной Руси, где соответствующая буква встречается с конца XVI в.; она называется «гамма», в отличие от буквы *з*, называемой «глаголь». Великорусским книжникам эта буква могла стать известна из грамматики Смотрицкого, по переписке ее первого издания (Евье, 1619) Федором Поликарповым в Москве в 1721 г. Необходимо отметить, что если в юго-западнорусской письменности буква *г* имеет преимущественно книжный характер, будучи употребляема при передаче иноязычных форм (в том числе и в церковнославянских текстах), то предложение ввести эту букву в русскую гражданскую азбуку обусловлено, напротив, стремлением передавать не книжные — собственно русские — формы, не совпадающие с церковнославянскими и фонетически им противопоставленные (так и у Адодурова, и у Тредиаковского) ⁵.

Рассуждение о лишних буквах в алфавите (см. шведскую версию комментируемого параграфа) ближайшим образом повторяет вообще содержание § 3—4. Мысль о том, что знаки, не обозначающие звуки, не могут считаться буквами в собственном смысле (см. здесь же), служит в дальнейшем основанием для того, чтобы не считать буквой знак *ъ*, и тем самым предвосхищает содержание § 16 (см. наш комментарий к § 16).

тем, последние произносились обычно не по нормам книжной фонетики, т. е. со взрывным [g].

⁴ Из более поздних предложений ввести в гражданский алфавит букву для обозначения взрывного [g] отметим предложение Каржавина (1791), предлагавшего писать в этих случаях маленькую греческую гамму. Шишков (1824, стр. 39) свидетельствует, что в свое время предлагали ставить в соответствующих случаях две точки над буквой *г* (видимо, по аналогии с *ё*, — причем замечательно, что одинаковое обозначение соответствует в обоих случаях звукам не книжной фонетики).

⁵ Ср. между тем отчасти иную ситуацию с буквой *ю*. См. ниже наш комментарий к § 97.

В шведском переводе комментируемого параграфа содержится отсутствующее в русском списке предложение исключить из гражданской азбуки букву *е*, а также буквы *ї*, *ѵ* (оставив букву *и* в качестве общего обозначения). Ср. в этой связи протест против лишних букв в § 4, содержание которого здесь в большей степени повторяется. Предложение исключить букву *е* высказывается далее в § 72 грамматики (см. об этой букве также § 20, 68 и сл.). Между тем, предложение исключить буквы *ї* и *ѵ* (ср. еще о них § 8) находятся в известном противоречии к содержанию § 50—54, где обсуждаются вопросы правописания, связанные с употреблением данных букв.

Предложение исключить букву *е* мы встречаем уже в адодуровском очерке 1731 г. (стр. 3), ср. также о буквах *е* и *ѵ* в «Заметке о транскрипции» (л. 3) ⁶. Однако в очерке 1731 г. предлагается, напротив, исключить букву *и*, оставив букву *ї* в качестве общего обозначения; аналогичное предложение можно встретить затем у Татищева в письме 1736 г. (л. 94—94 об.) и у Тредиаковского в «Разговоре об орфографии...»; оба автора выступают при этом и против ижицы. Тредиаковский исключает еще и фиту, тогда как Татищев ее оставляет ⁷.

К § 7

Представленное здесь определение гласных и согласных соответствует в общем тому определению, которое дается в грамматике Смотрицкого (см., например, изд.: Смотрицкий, 1721, л. 2). Большой интерес представляет другое, физиологическое, определение гласных и согласных, которое имеется, однако, только в тексте шведского перевода (причем сообщается, что данное определение приводится для большей ясности — «til större tydelighet»); следует отметить, что этого определения нет у Тредиаковского, орфографический трактат которого очень близок, вообще говоря, к нашей грамматике (о чем см. стр. 52—64 наст. изд.).

⁶ По указанию Тредиаковского (1748, стр. 360 прим.) буква *ѵ* была исключена орфографическими правилами 1735 г. Затем она, по-видимому, снова была возвращена в гражданскую азбуку.

⁷ См. стр. 82—83 наст. изд., прим. 140.

Если в русском списке перечислены 9 гласных букв (*a, e, u, i, o, y, ы, э, ѳ*), то в шведской версии говорится о 6 гласных, которые соответствуют 6 различным звукам (*a, э, и* или *i, o, y, ы*). Отметим, между тем, что в краткой грамматике Адодурова 1731 г. (стр. 3) говорится о десяти гласных: *a, e, u, i, o, 8* или *y, ы, э, ѳ, и*.

Рассуждение о буквах *e* и *э*, представленное лишь в шведской версии, отчасти соответствует содержанию § 12, 49 и 55. О букве *э* специально будет идти речь далее в § 49.

Замечание о том, что *и* и *i* представляют собой по существу одну букву (это замечание имеется только в шведском переводе данного параграфа), наглядно свидетельствует о том, что речь идет здесь именно о звуках. Ср. замечания об этих буквах в шведском переводе § 55 см. наш комментарий к указанному параграфу.

Имеющееся, опять-таки, только в шведской версии замечание о ненужности букв *8* и *ѳ* соответствует указаниям адодуровского очерка 1731 г. (стр. 3—4); ср. о том же и у Татищева в письме 1736-г. (л. 94—94 об.).

К § 9

Трактовка сочетаний типа *ай* и т. п. как «двогласных» заимствована, видимо, из грамматики Смотрицкого. Ср. такую же трактовку и у Ломоносова (1755, § 27, 91; 1952, стр. 617). Иначе, однако, полагал Тредиаковский (1748, стр. 21—24, ср. также стр. 372—374), по мнению которого «всѣ наши двугласные въ сложеніи своемъ имѣютъ отъ лѣвѣй руки букву (*i*) а потѣмъ ужѣ (*a*), (*i*), (*e*), и проч. но у грековъ буква (*i*) прилагается въ двугласныхъ отъ правѣй руки, какъ наприѣръ (*ai*) (*ei*) (*oi*) и прочая» (стр. 21 прим.).

К § 10

То обстоятельство, что *ѳ* объединяется в категорию «двогласных», вместе с буквами *и* и *ю*, показывает, что речь идет не о дифтонгиальном произношении этой буквы, а прежде всего о предшествующей йотации при произнесении в начале слога (которая усматривается, может быть, и в палатальности согласного при употреблении

соответствующей буквы внутри слога)⁸; см. в этой связи наш комментарий к § 55⁹. Точно так же именуется и буква *e* (в начале слога) в § 8 (см. шведскую версию этого параграфа) и в § 12, 49.

Что буквы *я, ю, ѳ* состоят из соответственно из *i+a, i+y, i+e*, указывается и у Адодурова, 1731, стр. 3, 5.

К § 11

Рассмотрение сочетаний типа *яй, юй* и т. п. как трифтонгов («троегласных») соответствует грамматике Смотрицкого. Так же и у Ломоносова (1755, § 91; 1952, стр. 598), но, однако, не у Тредиаковского (1748, стр. 23—24 прим.). Ср. наш комментарий к § 9.

К § 12

Содержание этого параграфа отчасти соответствует замечаниям о букве *e* в шведской версии § 8. Ср. также § 55.

К § 14

Мысль о том, что буква *ѳ* «имѣетъ силу половину гласныя літеры *i*» (см. также обсуждение этого вопроса и дальше, в § 16 грамматики), была высказана Адодуровым еще в очерке 1731 г. (стр. 5) и в «Заметке о *ѳ* и *ѳ*» 1737 г. (л. 1—1 об.); см. об этом на стр. 36—37 наст. изд. Эту мысль дублирует затем и Тредиаковский (см. стр. 58—59 наст. изд.).

К § 15

Относительно текстуальной близости данного параграфа к «Заметке о *ѳ* и *ѳ*» см. специально на стр. 35—36 наст. изд. С предложением исключить букву *ѳ* выступил

⁸ Ср. в этой связи разделение «двугласных» («двогласных») на «явные» и «тайные» (или «явственные» и «потаянные») у Татищева и затем у Ломоносова. См. подробнее стр. 85 наст. изд., прим. 145.

⁹ Между тем Тредиаковский (1748, стр. 456) может даже считать, что соответствующие буквы «двугласными называются... по начертанію, а не по выговору».

Точно так же и в букваре Поликарпова (1701, л. 4 второй пагинации) буквы *и* или *а, ю, ы, оу* или *ѳ* называются «двогласными», «понеже изъ двѣхъ гласныхъ писменъ слагаются». Ср. такое же объяснение и у Крижанича (1859, стр. 1; 1891, стр. 67).

несколько раньше и Татищев, который, однако, решая данную проблему существенно иначе; см. об этом стр. 83 наст. изд. Этот вопрос обсуждается и в «Разговоре об орфографии...» Тредиаковского, причем Тредиаковский полемизирует, по всей видимости, именно с предложением Адогурова (см. стр. 61—62 наст. изд.).

В рассматриваемой грамматике предлагается вместо разделительного использовать «другой какой-нибудь знак»¹⁰. Тредиаковский (1748, стр. 221) говорит о возможности использовать в этой функции апостроф или дефис: «нѣкоторый родъ французскія апострофі, ілі лучше поперечныя палочки». Оба способа (*под-емлю, под'емлю*) можно найти в шведском тексте во фразе, отсутствующей в русском списке (см. стр. 9 шведского текста).

О разделительном ъ ср. грамматику Ломоносова (1755, § 124): *отъемлю, объявляю*; у Ломоносова можно встретить и намек на возможность разделительного ъ: ср. в подготавливаемых материалах к его грамматике: «Изъявляю. NB. ъ orthographia» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 610). Между тем, мысль о ненужности ъ, не нашедшая отражения в грамматике Ломоносова, встречается в его «Суде российских писмен...» (см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 388: «ъ немой место занял, подобие как пятое колесо»). Та же мысль в дальнейшем будет настойчиво пропагандироваться Барсовым.

Весьма знаменательна апелляция к скорописной практике в комментируемом параграфе нашей грамматики (ср. в этой связи также § 105), см. об этом специально стр. 41—42 наст. изд.

Говоря (в начале § 15), что устранение буквы ъ из азбуки должно облегчить детям обучение чтению и «способ⁵ складава⁷ слова и⁸ наши^х лѣте⁹»¹¹, автор имеет в виду

¹⁰ Заметим, что в публикуемом списке И. Сердюкова в этой функции используется обычно разделительный ъ (см. примечание к стр. 7 грамматики на стр. 132 наст. изд.). Это отчасти санкционируется и самой грамматикой (см. § 66 и наш комментарий к нему).

¹¹ Точно так же и Татищев мотивировал свое предложение об устранении еров тем, что оно должно способствовать «скорейшему научению младенца» (см. письмо Татищева 1736 г., л. 94), а Шлёцер писал в своей грамматике (§ 18), что буква ъ — «es ist eine unnütze Last des Russischen Alphabets, das zu nichts dienet, als den Kindern das Buchstabiren schwer. . . zu machen» (см. изд.: Шлёцер, 1904, стр. 13).

традиционную систему чтения по складам, в которой сохранялось старое слоговое деление, основывающееся на рассмотрении еров как слогообразующих звуков (см. описание этой системы в работе: Успенский, 1970). То же имеется в виду и в конце § 15, где подчеркивается, что ъ, как и ъ, «никакого слога учини⁷ не може⁸»; содержащаяся здесь ссылка на дальнейшее изложение относится к § 81, который дошел до нас вследствие пропуска в русском списке, лишь в шведском переводе (ср. наш комментарий к § 81).

Содержание § 15 отчасти перекликается с содержанием § 4 нашей грамматики.

К § 16

Возражая против определения букв ъ и ъ как «припряжногласных», автор нашей грамматики ссылается на московское (т. е. второе) издание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого 1648 г. и на «Граматику славенскую» Федора Максимова (СПб., 1723). Обе грамматики были, видимо, хорошо известны нашему автору, который в ряде случаев использует те или иные их термины или формулировки. См. наш комментарий к § 9, 11, 17—47 в отношении использования грамматики Смотрицкого и к § 101, 104—105 — в отношении использования грамматики Максимова.

Следует заметить, что ни в адогуровском очерке 1731 г., ни в его заметке о буквах ъ и ъ 1737 г. еще нет протеста против термина «припряжногласные». Ср. Адогуров, 1731 (стр. 3): «ъ und ъ. . . heißen bey den Slavoniern Vocale adjunctae»; или в заметке о буквах ъ и ъ 1737 г. (л. 1 об.): «литера ъ сама собою равно какъ и литера ъ ни какого звону не имѣтъ. . . и потомѡ сїя литера въ старинныхъ славенскихъ грамматикахъ съ довольнымъ основаніемъ за совершенную гласную не положена, но токмо за такую литерѡ почтена, которая нѣкоторымъ образомъ къ гласнымъ причислена быть можетъ, и для того названа *писмянемъ припряжногласнымъ*». Вместе с тем протест против термина «припряжногласные» можно встретить у Тредиаковского (1748, стр. 70), где этот термин именуется «дікімъ і фунтовымъ».

Мнение нашего грамматиста, что ер (ъ) вообще не является буквой в собственном смысле этого слова, повто-

ряется затем у Тредиаковского в «Разговоре об орфографии...» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 47, 112, ср. еще стр. 19—20, 69—70). Как в нашей грамматике, так и в трактате Тредиаковского данная буква довольно последовательно именуется не буквой, а **з н а к о м** (см. § 4, 15 рассматриваемой грамматики). Однако в отличие от Тредиаковского, который в точности так же трактует и букву **ь** (см.: Тредиаковский, там же), наш грамматист считает ерь буквой, определяя ее как «полгласную литеру».

Содержание данного параграфа отчасти повторяет содержание § 14, 15.

К § 17—47

Классификация согласных в грамматике не слишком последовательна, так как здесь смешаны критерии собственно фонетические и морфонологические и, с другой стороны, критерии синхронического и диахронического плана. Эта непоследовательность объясняется, на наш взгляд, стремлением автора сочетать традиционную схему классификации согласных (заимствуемую главным образом из грамматики Смотрицкого) с более новым и оригинальным подходом, направленным на синхроническое описание фонетических явлений.

Согласные разделяются на «простые» и «сложные»; «сложные» в свою очередь могут быть двойными ($\psi = m + s$, $\chi = m + \psi$) и тройными ($\psi\chi = \psi + m + \psi$)¹².

Простые согласные разделяются на «безгласные», «таемые» (под которыми понимаются практически сонорные *л, м, н, р*) и «сиповатые» (т. е. сибиллянты). Как категория безгласных, так и категория таемых согласных заимствована из грамматики Смотрицкого (состав согласных, относимых к той и к другой категории, в точности совпадает с распределением согласных у Смотрицкого). Если под «таемыми» следует понимать сонорные, то категорию «безгласных» согласных содержательно интерпретировать значительно труднее. В шведской версии § 18 «безгласные» согласные определяются как такие, которые сами по себе не производят звука, но это не последовательно, так как выше (в § 7) аналогичным образом определялись вообще все согласные; с другой стороны, среди «безглас-

ных» упомянуты и фрикативные. Правильнее, видимо, было бы определить «безгласные» по отрицательному признаку: это «простые» (т. е. не составные) согласные, которые не являются ни «таемыми» (сонорными), ни «сиповатыми» (сибилянтами)¹³.

Согласные подразделяются также на «умягченные» (под которыми понимаются звонкие) и «жесткие» (т. е. глухие); это — общее деление, а не относящееся исключительно к «безгласным», как можно было бы заключить на основании § 19 (см. в этой связи § 21, 23). Близкую терминологию (подразделение согласных на «мягкие» и «твердые» в соответствующем значении) можно встретить у Тредиаковского¹⁴ (1748, стр. 378—379), причем здесь объясняется и причина такого наименования, а именно большие артикуляторные усилия, связанные с произнесением глухих («мягкіи называются для того, что органъ, которымъ онѣ произносятся, не столько употребляетъ сілъ на выговоръ ихъ; сколько на выговоръ твердыхъ: а сего ради онѣ сімъ іменемъ і названы. Так напри́мѣръ, сілыяе губы къ губѣ прижимаются произнося (на), нежели (ба)»). Та же самая терминология (т. е. противопоставление «мягких» и «твердых») встречается затем у Ломоносова (1755, § 24, 94; 1952, стр. 598, 606), Светова (1773, стр. 4—5), Барсова (см. его рукописную «Российскую грамматику»), Семигиновского (1794, § 12—13), в Букваре 1775 г. (стр. 20) и др. источниках. Ср. еще у Сумарокова (1787, X, стр. 12) противопоставление в том же смысле «мягких» (звонких) и «крепких» (глухих) согласных. Вероятно, это калька с соответствующих западноевропейских терминов, ср. лат. «lenes» и «fortes» или нем. «harte» и «weiche», применительно к различению глухих и звонких согласных звуков (см. словарь Марузо, стр. 273, 264, также Богородицкий, 1939, стр. 21, прим. 1, Булич, 1904, стр. 526, прим. 1).

¹³ «Таемые», «сиповатые» и «сложные», по Адодурову, согласные объединяются в грамматике Смотрицкого в общую категорию «полгласных» согласных. Таким образом, все согласные подразделяются у Смотрицкого на «безгласные» и на «полгласные». Между тем в нашей грамматике термин «полгласная литера» используется в совершенно ином значении: так называется буква **ь** (см. § 14, 16).

¹⁴ При этом как тот, так и другой автор может употреблять термин «умягчать» и в существенно ином значении, связанном с палатализацией согласных. См. специально об этом стр. 63—64 наст. изд.

¹² О букве *щ* см. также специально в § 75.

Наконец, согласные разделяются на «перемѣняющіяся» и «неперемѣняющіяся», причем, вообще говоря, различаются ситуации, обуславливающие изменение согласных: позиционное изменение, изменение, обусловленное словообразованием и, наконец, словоизменением¹⁵. Специально этому вопросу посвящены § 26—47. В целом, однако, позиционные фонетические изменения и морфологизированные звуковые чередования считаются явлениями одного порядка; то же характерно и для Тредиаковского, см. об этом стр. 54 наст. изд. Само понятие «изменяемых» (или в нашем случае: «перемѣняющихся») согласных заимствовано из славянских грамматик (см. прежде всего грамматику Смотрицкого), но распространено в нашей грамматике за счет позиционных альтернатив; тем самым этимологически обусловленные чередования отождествляются с изменениями типа сандхи и т. п.

Кроме того, в грамматике выделяются еще «тяжелые» литеры *ѣ*, *ѐ* и *х* (см. § 19) и отдельно «особливая» литера *ѡ* (см. о ней специально § 23, пункт IV, § 25, ср. § 73 шведского текста). Ср. в этой связи § 28. Категория «тяжелых» согласных также отвечает, видимо, грамматической традиции: ср. наименование соответствующих согласных «наглыми» в фонетических трактатах XVI в. (см. изд. Ягич, 1896, стр. 353, 360, ср. здесь также название «густые» или «частые» для них на стр. 319).

Буква *ѣ* выделяется в особую категорию на том основании, что соответствующий звук не обуславливает регрессивной ассимиляции по звонкости в стыке согласных, т. е. перед [v] может находиться как звонкий, так и глухой согласный; это обстоятельство объединяет звук [v] с сонантами («таемыми литерами») (см. § 25, ср. также § 28 и 73). Данное наблюдение, которое, по-видимому, высказывается в данной грамматике впервые, определенно свидетельствует о фонетической проницательности ее автора.

К § 20

В украинском книжном произношении буква *ѣ* читалась отлично от буквы *ѣ*, обыкновенно как сочетание [ft] (о чем см., например, у Тредиаковского, 1748,

¹⁵ Ср. в этой связи категорию «изменяемых» согласных также у Ломоносова, 1755, § 95.

стр. 62—64, 159—160, 163, 168, в «Правилах о произношении. . .» 1772 г., стр. 13, у Переверзева, 1787, стр. 12; и в целом ряде других источников, ср.: Успенский, 1969, стр. 250—251). Есть основания полагать, что наряду с этим существовала и иная — видимо, сугубо книжная, — манера произношения *ѣ*ты, именно, в виде спранта, более или менее приближающегося к греческому произношению. См. об этой последней манере в грамматике Шлёдера (1904, стр. 5, § 6), который свидетельствует: «Die Ukrainer sprechen noch jetzt das *ѣ* anders als das *ѣ*, und auf eine solche Art aus, die den Uebergang des Lautes *th*, in denjenigen von *f*, begreiflich macht. Auch die neuern Griechen sprechen auf gleiche Weise ihr *ѣ* in *ѣѣѣ* aus». Вероятно, именно это произношение и имеется в виду в нашей грамматике.

О различии в употреблении букв *ѣ* и *ѣ* говорится специально в § 68 и сл.

К § 22

О произношении буквы *ѣ* говорится специально в § 75.

К § 23—24

Автор говорит здесь об ассимиляции согласных по звонкости — глухости. Формулируемое здесь правило русского произношения и, соответственно, правописания, согласно которому перед «умягченными» (т. е. звонкими) согласными полагаются «умягченные» же, а перед «жестокими» (глухими) — «жестokie», повторяется (в очень близких выражениях) у Тредиаковского (1748, стр. 404—405, ср. стр. 54 наст. изд.), а затем у Ломоносова (1755, § 101; 1952, стр. 598)¹⁶.

¹⁶ Ср., однако, возражение против подобных написаний (и, в частности, против формы *вотка*, фигурирующей в качестве примера в § 24 нашей грамматики) у Сумарокова, 1787, X, стр. 30, 50, 57. Сумароков, однако, допускает отражение ассимиляции в случае сочетания с приставками.

В своих пародиях на Тредиаковского Сумароков высмеивает правописание типа *сласткий* (ср. специальное рассуждение об этом слове у Тредиаковского, 1748, стр. 94). Ср.: «О мой *сластенький* дружок» в пародийной песне «О приятное приятство. . .»; ту же форму (*сластенька*) встречаем в песне Тресотиннуса (под которым выведен Тредиаковский) в одноименной комедии Сума-

Об ассимиляции $з > ж$, $с > ш$ (см. § 23, пункт VI стр. 14—15 русского списка грамматики) ср. у Тредиаковского (1748, стр. 410) и особенно у Ломоносова (1755, § 103; 1952, стр. 597, 604, 605, 606, 609, 614, 623) (в последнем случае это явление считается специфическим признаком «простого» произношения, противопоставленного «ораторскому», т. е. книжному).

Провозглашаемый здесь и далее (см. § 61) фонетический принцип письма в общем соответствует тому, что пишет в своем орфографическом трактате 1748 г. Тредиаковский (см. специально об этом стр. 53 наст. изд.). Наш автор, однако, менее радикален в своих предложениях; в отличие от Тредиаковского, он рассматривает фонетический принцип скорее как идеал, которому надлежало бы следовать, но признает, что «общее употребление того во всёх случаях еще не подтверждает» (§ 23, пункт VI, стр. 15) и что многие слова «обыкновенны образ» весьма иначе пишутся нежели как они выговариваются (§ 24, стр. 16).

рокова. См. изд.: Пародия, стр. 95, 92. Тем не менее, в комедии Н. П. Николаева «Самолюбивый стихотворец» (1781 г.) Сумароков, выведенный под именем Надмена, требует правописания *узки* вместо *узки* (акт II, явл. 7):

Надмен
(читает)

Пределы смертных... узки...

(Наборщику)

Опять!.. На что земля?.. Тут надо слово...

Наборщик
Слово?..

Ну, ну!.. Вперед, отец!.. Оно тебе готово...

Против формы *слатка* выступает и Ломоносов в своей грамматике 1755 г. (§ 128). Однако именно такое правописание наблюдается в его ранних произведениях, относящихся к тому же времени, что и грамматика Адодурова: ср. формы *слатко*, *слаткой* и т. п. в его переводе оды Фенелона 1738 г. (см. публикацию с точным соблюдением правописания подлинного текста: Куник, 1865, II, стр. 415, 417); характерно при этом, что в конце 30-х годов языковая позиция Ломоносова по отношению к литературному языку характеризуется решительной ориентацией на русскую языковую стихию и очень напоминает вообще позицию Адодурова.

Отметим еще протест Татищева в письме Тредиаковскому 1736 г. против тех, кто «предлогъ воз: пишутъ вос» (л. 96 об.). Это место неверно прочтено у Обнорского и Бархударова (1948, стр. 92).

Отступления от фонетического принципа в некоторых случаях специально обосновываются (см. ниже наш комментарий к § 37—38, 73, а также к § 56, 61).

С замечанием, что мы выговариваем *оптираю*, *потписываю*, *потписка* и т. п., но пишем *обтираю*, *пописываю*, *пописка* и т. д. (см. § 24, стр. 17; ср. также § 29, 37, 38), можно сопоставить замечание Ломоносова (1755, § 126), что «должно писать: ... *обхожу*, *подтираю*, *отдыхаю*; а не такъ, какъ выговариваются, и какъ для того некоторые въ правописаніи требуютъ: ... *опхожу*, *потпираю*, *оддыхаю*» (ср. еще Ломоносов, 1952, стр. 633) ¹⁷. (Если Ломоносов выступает вообще противником фонетического принципа, то он делает уступку этому принципу в случае сочетаний с приставками, оканчивающимися на *з* или *с*; см.: Ломоносов, 1755, § 127 ¹⁸).

Следует заметить, что автор рассматриваемой грамматики — Адодуров — в известной степени мог следовать

¹⁷ Ломоносов скорее всего имеет в виду в данном случае Тредиаковского, хотя у самого Тредиаковского эта тенденция проведена не вполне последовательно (см. примеры у Винокура, 1959, стр. 478). Подобную непоследовательность с вероятностью можно объяснить тем, что прокламируемые Тредиаковским орфографические принципы отнюдь не соответствовали его собственным орфографическим навыкам: он искусственно перестраивал свое письмо исходя из общих теоретических положений. Сопоставление рукописного оригинала «Разговора об орфографии...» с изданным текстом позволяет убедиться, что в ряде случаев Тредиаковский замечал подобные расхождения теории с практикой, и в этих случаях исправлял соответствующие формы (непосредственно в рукописи или уже в наборе), приводя их в соответствие с принципом фонетического письма. Ср. здесь исправления: *безхитросныхъ* на *безхитросныхъ* (bis!), *непосредственно* на *непосретственно*, *родство* на *ротство* (на страницах, соответствующих стр. 14, 15, 280 печатного изд. 1748 г.; замечательно при этом, что в печатном тексте восстановлена форма *родство*). (Точно так же Тредиаковский пишет в той же рукописи, например, *живые*, но правит эту форму на *живы* в соответствии с проводимой им нормой правописания прилагательных, ср. стр. 348 изд. 1748 г.)

¹⁸ Орфография самого Ломоносова с годами менялась в этом отношении. См. примечание комментаторов в изд.: Ломоносов, 1952, стр. 873. Ср. свидетельство Сумарокова (1787, X, стр. 58): «г. Ломоносовъ писывалъ: *рассужденіе* вмѣсто *разсужденіе*» (ср. еще об этом там же, стр. 13). Действительно, в экземпляре ломоносовской риторик 1748 г. с авторскими корректурными пометами форма *бесславіе* исправлена Ломоносовым на *бесславіе* (см. изд.: Ломоносов, 1895, стр. 130 второй пагинации примечаний).

провозглашенному им фонетическому принципу письма в своей орфографической практике: см., например, форму *поряку* в автографе его отзыва на лексикон Егера 1742 г. (беловой список; см. Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 63, л. 238 об.)¹⁹. О соответствующих особенностях правописания исследуемого списка нашей грамматики см. наши текстологические примечания к данной рукописи.

К § 25

Говоря о букве *е*, автор ссылается на предшествующее изложение: см. § 23, пункт IV.

К § 28

Замечание о том, что буквы *ѣ* и *е* не употребляются в природно-русских словах, служит в дальнейшем автору для обоснования невозможности отражения на письме оглушения согласного, обозначаемого буквой *е* (см. § 73 и наш комментарий). Ср. в этой связи упоминание об особых свойствах буквы *е* в § 23 (пункт IV) и др.

К § 29

О том, что произносится *оддыхаю*, но пишется *отдыхаю*, см. также у Ломоносова (1755, § 126, ср. Ломоносов, 1952, стр. 633). Ср. § 24 исследуемой грамматики и наш комментарий к § 23—24.

К § 34

Ссылка на дальнейшее изложение относится ко второй части грамматики (см. изд.: Грөнинг, 1750, стр. 84, 89 и др.).

К § 37—38

Любопытна констатация отступлений от принципа фонетического письма. Ср. наш комментарий к § 23—24, 56, 61, 73.

¹⁹ Ср. точно такое же написание данного слова и в нашей рукописи (стр. 34, 131, 132); ср., однако, *поряку* на стр. 114. — Так же и Татищев писал, например, *труппа* (см. изд.: Обнорский и Бархударов, 1948, стр. 95) и т. п.

К § 49

Содержание данного параграфа отчасти повторяет содержание § 8 (см. шведский перевод) и § 12. В связи с обсуждаемым далее (§ 55—56) различием в произношении букв *е* и *ѣ* важно указание, что в позиции после согласного *е* произносится так же, как *э*, т. е. без палатальности предшествующего согласного звука; это соответствует норме книжного произношения, принятого как в церковном чтении, так и в светской речи высокого слога (см. об этом специально: Успенский, 1968, стр. 29 сл., 54 сл.; 1971, стр. 13—15, где представлены ссылки на другие грамматические сочинения; о соответствующих показаниях в других сочинениях Адодурова см. стр. 39 наст. изд.).

Рассуждению о двоякой функции буквы *е*, которая выступает в одних случаях как «гласная», а в других — как «двоегласная», достаточно близко соответствуют позднейшие указания ломоносовской грамматики (1755 г.): «*Е въ единъ* произносится, какъ у Нѣмцевъ *je* въ *jeder*. . . и имѣють силу совершенныхъ двоегласныхъ. Напротивъ того, *Е въ небо*, какъ *е въ Nebel*, . . . суть чистыя самогласныя буквы» (§ 92).

Что касается буквы *э* оборотной, то, по указанию Тредиаковского (1748, стр. 360 прим.), эта буква введена в гражданский алфавит правилами 1735 г. В славянской кириллице она употреблялась и до этого, именно в книгах Юго-Западной Руси, откуда проникает (с середины XVII в.) и в великорусские издания. В связи с тем, что было только что сказано о книжном чтении буквы *е*, характерно, что Тредиаковский (1748, стр. 53—54) мотивирует введение буквы *э* в гражданскую печать тем, что букву *е* стали по незнанию произносить как *іе* — так же, как *ѣ*, — т. е., иначе говоря, эта буква стала смягчать предшествующий согласный. Речь идет при этом не о фонетической эволюции в собственном смысле, а об эволюции стилей, связанной с распространением некнижного произношения.

Любопытно, что, в отличие от Тредиаковского (1748, стр. 53—54, 134—136), Ломоносова (1755, § 88), Сумарокова (1787, X, стр. 44), которые единодушно выступают против буквы *э* (ср.: Грот, 1899, стр. 740), автор нашей грамматики ничего не имеет против данной буквы.

Для исследователя исторической орфоэпии представляют известный интерес указания автора относительно слов, произносимых с начальным нейотированным [e]

В отношении слова «этимология» см. указания рукописной «Технологии...» 1725 г.: «пишется *этѣмолѳгіа*, а произносится *этѣмолѳгіа*» (стр. 18). Данное слово впервые (в великорусских изданиях) встречается в написании через *э* в московском издании грамматики Смотрицкого (1648, л. 76)²⁰, что было отмечено в свое время Тредиаковским (1748, стр. 360 прим.), а затем Каржавиным (1794).

В отношении слова «Европа» см. специальную рекомендацию Барсова в его «Российской грамматике» (стр. 19) писать и читать не *Европа*, а *Эвропа*. Сумароков, однако, произносил это слово с начальной йотацией, как произносят теперь (см. Сумароков, 1787, VI, стр. 314; X, стр. 644). Между тем, Тредиаковский и Кантемир писали данное слово (или производные от него) через *э*, ср. *Эвропѣ*, *Эвропска*, *Эвропскую* у Тредиаковского в «Речи... к членам Российского собрания» 1735 г., в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» 1735 г. или в «О Елисавете [sic!] Петровне» 1742 г. (ср. изд.: Тредиаковский, 1935, стр. 175, 177, 330, 351), *Эвропы*, *Эвропоу* в кантемировском переводе Фонтенеля 1730 г. (см. изд.: Кантемир, 1740, стр. 106—107). Ср. еще ту же форму (*Эвропѣ*) в письме акад. Делиля к Ивану Кириллову от 24 марта 1729 г. (Материалы АН, I, стр. 479) и на титульном листе описания Ледяного дома, составленного Г. В. Крафтом (1741). Написание *Эвропа* можно встретить еще в письмах Пушкина (см. Малаховский, 1937, стр. 11).

Ср. еще формы *Эвропа*, *Эвгеній* в § 54 исследуемой грамматики.

Особый интерес представляют замечания автора о соотношении местоимений «этот» и «сей», которые знаменуют определенную легитимацию слова «этот» в русском лите-

ратурном языке²¹; характерно, что во второй части рассматриваемой грамматики парадигмы местоимений «этот», «тот», «сей» приведены параллельно (см. изд.: Гренинг, 1750, стр. 121—122). Ср. в этой связи также в рукописном лексиконе первой пол. XVIII в., составленном, по-видимому, Татищевым, противопоставление форм: *это* — *сие*, *этого* — *сего*, *этому* — *сему* (см. изд.: Аверьянова, 1964, стр. 102).

Сообщение автора грамматики, что слово «этот» «естъ природно русское», любопытно сопоставить с мнением Татищева, который полагал, напротив, что данное слово иноязычного («сарматского») происхождения. См. письмо Татищева к Тредиаковскому 1736 г., л. 94 об.

По свидетельству нашего грамматиста, «въ обыкновенныхъ разговорахъ... мѣстоимѣніе *сей*... уже весьма неупотребительно», и здесь никак невозможно обойтись без «природно-русского» местоимения «этот». Более точные указания на этот счет можно найти в подготовительных материалах к грамматике Ломоносова, который специально оговаривает те случаи, когда местоимение «сей» «употребляется въ простыхъ разговорахъ»²²; ср. в то же время упоминание о местоимении *этотъ* в грамматике Ломоносова (1755, § 88)²³.

²¹ Первым на различие в употреблении местоимений «сей» и «этот» указал иностранец Лудольф (1696, стр. 23—24), который, приводя местоимение «сей», писал: «Communiis tamen in vulgari dialectu adhibent *etoui*» (ср. Ларин, 1937, стр. 26). Древнейшие случаи употребления местоимения «этот» (восходящие к концу XVI в.), указаны у Унбегауна (1955); см. еще материал, представленный у Кокрона (1962, стр. 161—164), Сёренсена (1962, стр. 88—89, см. также указатель), Черныха 1949, стр. 56—57).

²² По указанию Ломоносова, данное местоимение употребляется здесь «въ косвенныхъ падежахъ въ знаменованіи только времени и мѣста: на *суть днѣхъ*, на *семъ мѣстѣ*», см. изд.: Ломоносов, 1952, стр. 608. Любопытно указание Ломоносова, что в подобных случаях следует говорить *сѣмъ* (см. там же), т. е. придерживаться норм разговорной фонетики.

²³ Ср. наблюдение Чумаковой (1969, стр. 215) о единичных случаях употребления местоимения «этот» в одах Ломоносова (причем один из этих случаев объясняется введением разговорного стиля в прямую речь). Показательно, что оба отмечаемых случая приносятся на самое начало филологических занятий Ломоносова (1738 и 1741 гг.); в этот период Ломоносов более решителен вообще в своей ориентации на разговорную стихию, насколько об этом можно судить по его пометкам 1736—1738 гг. на книге Тредиаковского (см.: Берков, 1936).

²⁰ Это тем более любопытно, что в соответствующем месте первого — юго-западнорусского — издания данной грамматики стоит *етѣмолѳгіа* (см. Смотрицкий, 1619, л. 1 тетради «В»). — Ср. между тем форму *этимологіа* (наряду с *етимологіа*) в сочинении «О еже како просодѣа достойт писати і глати», опубликованном Ягичем (1896, стр. 459—460) по рукописи Румянцевского музея № 1 XVII в. Есть основания полагать, что это великорусский список с юго-западнорусского оригинала (ср. там же, стр. 457).

Если наш грамматист свидетельствует, что местоимение «сей» употребляется главным образом в устной (разговорной) речи, а на письме «еще не очень часто случается», то уже Сумароков может указывать — имея в виду при этом не «обыкновенные разговоры», а непосредственно литературные тексты! — что слово «этот» в некоторых случаях предпочтительнее, чем «сей». «*Этотъ, эта, это, сей, сия, сие*», — сообщает Сумароков (1787, X, стр. 97-98), — «имѣю я за вольность, что въ Одѣ положить нельзя въ Трагедіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова на чужестранныя и не простонародныя. Я люблю сего, а ты любишь другаго, есть правильно; грубо. Я люблю етова, а ты другаго — . . . пріятнее». Итак, во второй пол. XVIII в. слово «этот» проникает в художественную литературу; ср. данные о соотношении местоимений «этот» и «сей» у Левина, 1964, стр. 86—87, 222. Начало этой экспансии русской разговорной стилистики и зарегистрировано документально в нашей грамматике. Замечательно при этом, что наш автор предвидит данный процесс: как это можно усмотреть из приведенных цитат (ср. особенно употребление в них слов «уже» и «еще»), он абсолютно уверен в последующей демократизации русского литературного языка²⁵.

К § 50—54

Излагаемые в данных параграфах правила употребления букв *и*, *і*, *ѵ* не вполне согласуются с развиваемыми далее идеями о самостоятельности русской орфографии (см. § 72 и в особенности § 77). Ср., с другой стороны, предложение исключить буквы *і* и *ѵ* из алфавита, оставив

²⁴ Сумароков отвечает здесь на критику Тредиаковского, который писал, что «худо он [Сумароков] умеет слова выбирать: ибо пишет в трагедиях *опять за наки, этот за сей, эта за сия, это за сие*» (см. изд.: Куник, 1865, II, стр. 476).

С эпитетом «грубый» применительно к местоимению «сей» целесообразно сопоставить определение церковнославянской речи как «жесткой» у Тредиаковского и Адодурова (о чем см. стр. 65—67 наст. изд.). И, напротив, эпитет «приятный» в отношении местоимения «сей» соответствует характеристике специфических русских форм как «нежных» (см. там же). В дальнейшем противопоставление «грубого» церковнославянского — «приятному» русскому языку будет канонизировано карамзинистами.

²⁵ Ср. в этой связи наш комментарий к § 97.

лишь *и* в качестве общего обозначения, в шведской версии § 5 (см. наш комментарий к § 5). По-видимому, автор говорит в данном случае о действующих правилах русской гражданской орфографии²⁶.

Согласно справке Тредиаковского (1748, стр. 360—361 прим.) об изменениях в русской гражданской орфографии в первой пол. XVIII в., излагаемые в § 50—52 правила употребления букв *и* и *і* соответствуют нормам правописания, принятым до орфографической реформы 1738 г., когда была произведена унификация написания заимствованных и исконно славянских слов в этом отношении. См. о том же еще в статье Тредиаковского о правописании 1755 г. (см. изд.: Пекарский, 1865, стр. 112—113); при этом Тредиаковский протестует здесь против этой унификации, настаивая именно на таком правописании иностранных слов, которое описывается в § 51—52 нашей грамматики.

В § 54 любопытна критика написания ижицы в латинских словах (куда попало, между прочим, и *Evpinidъ*).

Прямо противоположные позиции занимает, между прочим, Сумароков, который, с одной стороны протестует против употребления *і* в заимствованных словах (см. изд.: Сумароков, 1787, X, стр. 27), а с другой стороны, считает необходимым писать *ѵ* в таких словах, как *Аврора*, *Авгсбургъ* (см. там же, стр. 9, 39, 44).

К § 55—56

Здесь формулируется произносительное различие букв *е* и *ѣ*; ссылка на предшествующее изложение относится к § 8 (см. особенно шведскую версию этого параграфа), § 10 и § 12. Буква *ѣ*, как об этом говорилось уже и раньше, определяется как «писмя двоегласное», поскольку соединяет два гласа: *і+е*. Здесь не имеется в виду дифтонгальное произношение (как думает Унбегаун, 1969, стр. XIII), поскольку двоегласными именуются и буквы *я*

²⁶ Любопытно, что немецкой букве *й* соответствует в русской транслитерации немецких географических названий буква *и*, ср.: «Мюнхень» — München, «вофенбюльтъ» — Wolfenbüttel (аналогичные формы представлены и в шведском переводе). Ср., напротив, форму «Шлюссельбургъ» у Гренинга (стр. 50) в параграфе (§ 90), который не дошел до нас в русском оригинале (ср. в этой связи просторечное название Шлиссельбурга: «Шлюшин»).

и ю и указывается, что они состоят, соответственно, из $i+a$, $i+y$ (см. § 10 и наш комментарий к нему). Речь идет о том, что перед буквой ѣ имеет место палатализация согласного, тогда как перед буквой e , в соответствии с нормой книжного произношения, согласный читается твердо (о чем говорится специально в § 49, ср. наш комментарий).

Вместе с тем в начале слога произношение буквы e отличается от произношения буквы ѣ в том смысле, что обе буквы произносятся как гласный [e] с предшествующей йотацией.

Указание в § 55, что различие между e и ѣ представляет затруднение не только для иностранцев, но и для самих русских, следует понимать в связи с искусственным книжным характером данной произносительной нормы: это различие не было свойственно языку «обыкновенных разговоров» (где палатальный согласный мог в равной степени звучать как перед рефлексом этимологического [e], так и перед рефлексом [ĕ]), а именно книжной речи соответственно и усваивалось оно не естественным, а искусственным путем — при обучении грамоте.

Ссылка на высказывавшееся в свое время предложение упразднить букву ѣ в § 55, а также в § 57 грамматики, по всей вероятности, относится к Татищеву (см. об этом стр. 81 наст. изд.). Об этом предложении свидетельствуют также Тредиаковский и Ломоносов (см. там же).

В § 56 автор очень четко формулирует основные критерии, необходимые для правильного употребления на письме буквы ѣ . Это следующие критерии:

а) Фонетический критерий: автор рекомендует «прилѣжно примѣча⁷ какъ которое слово выговаривает⁸ся», однако он вполне отдает себе отчет в том, что этот критерий недостаточен (он годится преимущественно для различения гласных под ударением) и что в некоторых случаях «о⁷ недоста⁷ка въ ясности слуха» может слышаться глас э на месте буквы ѣ .

б) Позиционный критерий: буква ѣ не встречается в начале слова за исключением двух глаголов и производных от них слов.

в) Этимологический критерий (автору кажется при этом непоследовательным, что слова *прилѣжный*, *надлежать* пишутся по-разному, так как он объединяет их по этимологии).

г) Собственно орфографический критерий: после некоторых букв употребляется исключительно буква e , но не ѣ .

д) Морфологический критерий: ѣ употребляется в окончании предложного падежа. (В этой связи автор ссылается на вторую часть грамматики, дошедшую до нас только в шведском переводе Грëнинга)²⁷.

В § 56 говорится, что многие пишут слова *есть* и *есть* и производные от них через e , а не через ѣ (стр. 44 рукописи). Так, действительно, обычно писал Ломоносов — вплоть до первой пол. 1750-х годов, — хотя в последние годы жизни он стал последовательно писать в этих случаях букву ѣ . Любопытно, что если в первом издании грамматики Ломоносова (1755 г.) соответствующие глаголы набраны через e , то во втором издании (1765 г.) они набраны через ѣ ; комментаторы академического издания Ломоносова полагают, что это исправление было сделано по указанию самого автора. См. комментарий к ломоносовской грамматике в изд.: Ломоносов, 1952, стр. 858.

К § 57

О попытке упразднить букву ѣ уже говорилось выше, в § 55. См. наш комментарий к этому параграфу.

К § 58—63

Излагаемые здесь правила правописания буквы ѣ основываются на тех же критериях, которые были изложены выше (§ 56, ср. наш комментарий) в отношении правописания буквы ѣ . Это фонетический критерий (о нем говорится в § 58, 61), позиционный (неупотребительность в начале слова, см. § 59, 60²⁸), этимологический (§ 61), собственно орфографический (§ 62, ср. отчасти § 60), морфологический (§ 63).

К § 58

Указание ѣ своеобразии русского звука, обозначаемого буквой ѣ , о близости его к звукам [u] и [i], наконец,

²⁷ Более подробно об этом критерии говорится у Ломоносова (1755, § 117).

²⁸ Эта особенность буквы ѣ отмечается, между прочим, и в грамматике Смотрицкого.

о той трудности, которую представляет данный звук для иностранцев, находится в близком отношении к очерку Адогурова 1731 г. и к «Заметке о транскрипции»; см. стр. 37 наст. изд. Аналогичные сведения даются и в «Разговоре об орфографии. . .» Тредиаковского; см. стр. 59—60 наст. изд.

К § 60

Определение буквы *ь* как «полгласной» дается в § 14. Ср. наш комментарий к указанному параграфу.

К § 61

К замечанию об условном характере произношения ср. аналогичное замечание, относящееся к орфографии в § 3 нашей грамматики (ср. также наш комментарий к § 3). О близких высказываниях Тредиаковского см. стр. 54—55 наст. изд.

Фонетический принцип орфографии был постулирован выше (см. § 4, 23—24, а также наш комментарий). Вместе с тем, здесь учитывается и этимологический принцип (подобно тому как он учитывался в отношении правописания буквы *ѣ*, см. § 56).

Любопытно отождествление глагольных форм с приставкой *из-* и соответствующих форм с приставкой *вы-*. Указание, что в определенных случаях соответствующие глаголы «переменяют» приставку *из-* на приставку *вы-*. Указанное отождествление имеет определенно стилистический характер в связи с противопоставлением церковнославянской и русской языковой стихии (см. об этом стр. 18 наст. изд.). Ср. аналогичное сообщение в лексиконе первой пол. XVIII в., составленном, по предположению, В. Н. Татищевым: «*вы-* предлог; в русском вместо словенского *из-* часто полагаемый», сопровождаемое примерами типа *выбירה* — сл[овенское] *избирание*, *выкупити* — сл[овенское] *искупити* и т. п. (см. изд.: Аверьянова, 1964, стр. 68 и сл.).

К § 63

Ссылка на дальнейшее изложение относится ко второй части грамматики. См. изд.: Гренинг, 1750, стр. 84 и сл.

К § 64

Сравни аналогичное наблюдение у Тредиаковского (1748, стр. 408—409): «Буквы (ж) (ч) (ш) великое имѣють сопротивленіе соединяться съ двугласными, также і съ знакомъ отонченія (ь). Примѣр. . . *чудо*, а не *чюдо*» (приведены и другие аналогичные примеры). Ср. также Ломоносов (1755, § 122): «не правильно пишутъ, *хочю*, *лѣчю*, вмѣсто *хочу*, *лѣчу*». Ср. выше, стр. 63.

К § 65

Надо полагать, что возражение автора нашей грамматики — Адогурова — против формы *очюнь* полемически направлено против Тредиаковского, для которого эта форма чрезвычайно характерна (см., например, «Езду в остров любви» и др. его сочинения). Сумароков (1787, V, стр. 301) в комедии «Тресотиниус» передразнивает эту манеру Тредиаковского, которого он выводит под именем Тресотиниуса. Ср. здесь:

«Тресотиниусъ. Однакожь, не поскучитель послушать, а пѣсенка сочинена *бчюнь*, *очюнь*, подлинно говорю, что *очюнь* хорошо. . .

Клариса. *Очень* сударь хорошо; я вамъ вѣрю, что эта пѣсня хороша».

Правда, аналогичная форма иногда встречается в XVIII в. и у других авторов. Она наблюдается, между прочим, у Татищева, ср. *очюнь* в письме Татищева к Тредиаковскому 1736 г. (л. 94 об.), причем Татищев считает, что данное слово не исконно русское, а заимствованное («сарматское»); ср. также в рукописном лексиконе первой пол. XVIII в., предположительно составленном Татищевым: «*кочунь* — *очень*, сл[овенское] *весма*» (см. изд.: Аверьянова, 1964, стр. 262); ср., наконец, соответствующую форму в великоустюжском словаре 1757 г. (см. изд.: Симони, 1898, стр. 446), так же как и в ряде других источников (см. Колесов, 1974, стр. 135). Тем не менее, близкая связь Адогурова и Тредиаковского (о которой см. стр. 64 сл. наст. изд.) делает весьма вероятным предположение о персональной направленности данного замечания в адрес последнего ²⁹.

²⁹ Любопытно отметить, что в «Разговоре об орфографии. . .» 1748 г. Тредиаковский пишет уже *очень* (см., например, рукописный

Произношение *очунь* является, по-видимому, более архаичным (относительно этимологии данного слова см. Трубачев, 1973). О сохранении подобной формы в говорах, в том числе и московских, см. Селищев, 1968, стр. 371.

К § 66

Определение буквы *ь* как «полгласной» см. выше, в § 14. В данном случае любопытно признание за данной буквой права разделительного знака (см. в этой связи § 15 и наш комментарий к нему).

Представляет определенный интерес заявление автора о стилистической функции местоименной формы *ю* в соотношении с формой *ея*. См. в этой связи стр. 17—18 наст. изд. Если наш автор противопоставляет формы *ю* — *ея*, указывая, что первая форма «особливо въ простой рѣчи... уже весьма не принимается», то у Ломоносова (1755, § 436) противопоставляются формы *ея* и *ее*: «Ее, въ просторечіи, Ея въ штиль употребляютъ пристойнѣе».

Замечание, что местоименная форма *ю* «употребляется... о нѣкоторыя еще и по нѣмъ при сложеніи стихо», может относиться к Тредиаковскому. Можно предположить, например, что имеется в виду следующее место из «Езды в остров любви» (см.: Тредиаковский, 1730, стр. 86): «В жарѣ любовномъ цѣловаль ю-присно». Фраза о том, что так не поступают те, «которые чистоту языка храни стараются», вполне соответствует полемическому выпаду против Тредиаковского в предыдущем параграфе.

Ссылка на дальнейшее изложение относится ко второй части грамматики, см. изд.: Грѣнинг, 1750, стр. 84 и сл.; о косвенных падежах см. там же, стр. 82.

К § 67

Характерно, что наш автор более или менее регулярно обращает внимание на те трудности, которые встают перед иностранцами, обучающимися русскому произношению (ср. в этой связи также выше, § 55, 58 и др.). Эта черта станет вполне понятной, если принять во внимание, что рассматриваемое сочинение является первым опытом изложения грамматики на родном языке, которому предшество-

оригинал «Разговора...», стр. 411) — не под влиянием ли критики Адогурова?

вал ряд иноязычных грамматик русского языка, учитывая интерес иностранного читателя, и что, наконец, в основу данной грамматики легла краткая грамматика Адогурова 1731 г., написанная по-немецки.

Ср. в этой связи приводимое на стр. 88 наст. изд. мнение автора нашей грамматики о значении иностранных языков в деле исправления родного языка.

К § 69

О том, что *ѣ* и *е* не различаются в великорусской произносительной норме, сообщалось в § 20.

Указание автора нашей грамматики о том, что греческие слова начинают произноситься с *т* на месте *ѣ*, любопытно как свидетельство начавшегося расхождения между светским и церковным произношением заимствованных слов³⁰ и тем самым становления специального светского книжного произношения. См. подробнее стр. 60—61 наст. изд.; там же — о созвучных высказываниях Тредиаковского. Точно так же и Сумароков (1787, X, стр. 45) констатирует, что «*Математика* слыветъ у насъ *Математика*»³¹.

Что касается приводимых в грамматике примеров с *т* на месте греч. *ѣ*, то, по данным картотеки академического словаря XVIII в., форма *трон* впервые зафиксирована в 1711 г. (см. Биржакова, Войнова, Кутина, 1972, стр. 129), *театр* отмечается в 1698 г. (там же, стр. 396), *катедр* — в 1703 г. (там же, стр. 368).

Следует отметить, между тем, что Ломоносов в переводе оды Г. Ф. Юнкера на коронацию Елисаветы Петровны (1742 г.) употребляет форму *тронъ* даже в сочетании «Божий трон» (строфа 9, стих 69: «священство въ ревности предъ божій станеть тронъ...»³²).

³⁰ Показательно в этой связи, что данная тенденция не распространяется на собственные имена; это объясняется тем, что канонические имена представляют собой лексический пласт, непосредственно связанный с церковнославянским языком (см.: Успенский, 1969).

³¹ Ср. в этой связи также типичную для Тредиаковского форму *ортография*. Любопытно, что подобную форму употребляет и Тащев в письме к Тредиаковскому 1736 г. (л. 94).

³² В немецком оригинале стоит: «So tritt die Priesterschaft in Andachts-voller Gluth/Vor den Altar des Herrn, mit Reinigkeit und Muth» (цит. по изд.: Ломоносов, 1891, стр. 68).

Предложение исключить фиту из гражданской азбуки было впервые высказано Адодуровым в очерке 1731 г. (стр. 3). Об этом говорится также в § 5 шведского перевода настоящей грамматики (см. наш комментарий к § 5). Эта же мысль позднее горячо пропагандируется Тредиаковским (1748, стр. 158—168, 183—190, 61—63), см. стр. 61 наст. изд. Сторонником исключения фиты был, как известно, и Ломоносов³³.

В то же время в комментируемом параграфе автор, склоняясь к исключению фиты, в принципе допускает возможность и исключения буквы *ѳ* (с оставлением фиты в качестве общего обозначения) или, по крайней мере, безразличного употребления обеих букв³⁴.

Рассуждая об этимологии форм «Теодор» и «Феодор», автор полемизирует с трехязычным букварем Федора Поликарпова, где читаем: «Вмѣсто *ѳ* не глаголи *ѳ*, ниже *т*, ꙗкоу *ѳебдѣръ*, а не *Фебдѣръ*... Противно бо разѹмъ бо произведѣнїю речѣнїа, занѣ чре^ѳ *ѳ*: *ѳебдѣръ*, бгѣдѣръ, чрѣз *ѳ*, *Фебдѣръ*, смїодѣръ» (Поликарпов, 1701, л. 7). Автор нашей грамматики опровергает это утверждение. Почти дословное повторение этого опровержения можно встретить у Тредиаковского (1748, стр. 186—187, ср. здесь вообще обсуждение приведенной цитаты из

³³ Между тем Татищев, мысли которого о правописании заимствованных слов очень созвучны идеям как нашего автора, так и Тредиаковского (см. стр. 82 наст. изд., а также наш комментарий к § 77), считает необходимым оставить фиту в алфавите. Защитниками этой буквы выступали затем Сумароков (1787, X, стр. 10, 30, 48) и Каржавин (1791). Все эти авторы, по-видимому, различали *ѳ* и *ѳ* в книжном произношении (очевидно, под влиянием украинского книжного произношения). Ср. выше наш комментарий к § 20 рассматриваемой грамматики. Специально о Татищеве см. в этой связи прим. 140 на стр. 82—83 наст. изд.

³⁴ Ср. обсуждение вопроса у Тредиаковского (1748, стр. 158 сл.), а также следующее любопытное свидетельство Сумарокова (1787, X, стр. 10—11): «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ *Ф*, а не *ѳ*, оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Ета де литера стоить подпершися; и слѣдовательно бодрѣе*. [Близкое высказывание можно найти, между прочим, в «Разговоре об орфографии...», где Чужестранный человек говорит Российскому: «я думаю, что вамъ буква (*ѳ*), для того лучше нравѣтся, что она скосыреватѣе буквы (*ѳ*)» (см. Тредиаковский, 1748, стр. 165); не исключено, что реплика Ломоносова восходит именно к цитированному сочинению Тредиаковского].

Ф. Поликарпова на стр. 163—164, 183—190); см. специально об этом стр. 61 наст. изд.

Мысль об отсутствии необходимости следовать при написании заимствованных слов орфографии языка-источника (как это, вообще говоря, принято в церковнославянской орфографии) в более общей форме высказывается ниже, в § 77, ср. также наш к нему комментарий.

Ссылка на предшествующее изложение в комментируемом параграфе («показали мы выше: сегѡ что многїа и^ѳ гречески^ѳ словъ въ наше^ѳ языкѣ вмѣсто *ѳ* принимаютъ и литеру *т*...») относится к § 69 грамматики.

К тому, что здесь говорится о произношении буквы *ѳ*, ср. § 23, пункт IV, § 25, § 28. Автор рассматриваемой грамматики очень остроумно обосновывает невозможность отражения на письме позиционного оглушения согласного, соответствующего букве *ѳ*, ссылаясь на то обстоятельство, что буквы *ѳ* и *ѳ* не употребляются в исконных русских словах (о чем специально говорилось в § 28, ср. наш комментарий). Таким образом, различие между исконно русскими и заимствованными формами оказывается более сильным принципом, чем принцип фонетического письма.

Ср. в этой связи замечание Ломоносова (1755, § 126) о том, что следует писать *втекаю*, хотя и произносится *ѳтекаю*³⁵; Ломоносов здесь же сообщает, что некоторые требовали в этом случае фонетического правописания (имеется в виду, может быть, Тредиаковский: ср. у Тредиаковского, 1748, стр. 406: «*оѳца* лучше, нежели *овца*»³⁶).

³⁵ Ср. в отзыве б перевода С. С. Волчкова, подписанном В. Тредиаковским, М. Ломоносовым, С. Крашенинниковым, Н. Поповым (1750 г.): «Господина асессора очень странна и ортография., ибо он вездѣ на концѣ речей, в срединѣ и в началѣ вместо литеры *ѳ* пишет *ѳ*, когда оное *ѳ* не с гласною, но с согласною твердую совокупно находится, как-то: вмѣсто *все*, у него *ѳсе*» (см. изд.: Ломоносов, 1955, стр. 629).

³⁶ Предлагая подобные написания, Тредиаковский, однако, практически их не употребляет в своей собственной орфографии. По указанию Винокура (1959, стр. 478), на протяжении всего своего «Разговора об орфографии...» Тредиаковский «ни разу не пишет *ѳ* вмѣсто *ѳ* в положении перед глухими».

(Ср., между прочим, у Ломоносова, 1952, стр. 635, транскрипцию произношения слова *владѣть* как *vladéti* ³⁷).

Любопытно отметить, что на общем фоне письменного отражения оглушения конечных согласных оглушение [v] выступает в памятниках как относительно поздний процесс. Так, если оглушение конечных согласных вообще наблюдается в памятниках с XVI в., то оглушение конечного [v] отмечается только с XVIII в. См.: Орлова, 1950, стр. 178, причем исследователь объясняет это явление именно неисконностью звука [f] в русском языке. Между прочим, довольно показательна в этом смысле гиперкорректная форма *филосовъ* ~ *филосовъ*, которая неоднократно встречается в XVIII—нач. XIX вв.: см. эту форму, например, в рукописном списке «Лексикона Российского исторического, географического и политического» В. Н. Татищева (рукопись библиотеки Академии наук, 15.46; цит. по изд.: Обнорский и Бархударов, 1948, стр. 94) или в так называемом «Казанском сборнике» 80-х годов XVIII в. (рукопись библиотеки Казанского университета, 4542, IV/1; цит. по изд.: Ломоносов, 1959, стр. 615), наконец, в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» А. С. Шишкова (СПб., 1818, стр. 347); ср. в этой связи специальный протест против написания «*Филосовскій* вмѣсто *Философскій*» у Подшивалова (1796, стр. 15). Написания такого рода косвенно свидетельствуют именно о недопустимости оглушения конечного [v].

Об оглушении звонкого согласного в абсолютном исходе слова подробнее говорится в следующем параграфе (§ 74).

«К § 74»

К тому, что говорится здесь об оглушении конечных звонких согласных, ср. замечания Тредиаковского (1748, стр. 280—281, 404—405) ³⁸, Ломоносова (1755, § 101, см. также черновые материалы к грамматике в изд.: Ломоносов, 1952, стр. 634, 635, 690).

³⁷ Ср. в этой связи рекомендации Тредиаковского (1748, стр. 405) относительно правописания: «*влагаю* лучше, нежели *влагаю*; *врагъ* лучше, нежели *фрагъ*».

³⁸ Предлагая отражать на письме оглушение конечных звонких, сам Тредиаковский не следует этому принципу в своей орфографической практике. См.: Винокур, 1959, стр. 478.

Букве *г* закономерно соответствует при этом *х* ввиду нормативного фрикативного произношения *г*; ср. выше наш комментарий к § 5.

«К § 75»

Предупреждение не писать *сч* вместо *щ* и наоборот довольно часто встречается в грамматической литературе XVII—XVIII вв.: см., например, грамматику Смотрицкого, букварь, приписываемый Лихудам (л. 68), или «Технологию...» 1725 г. (стр. 25). Вместе с тем нарочитое предложение устранить букву *щ* из гражданского алфавита и писать вместо этой буквы *сч*, на которое ссылается автор нашей грамматики, принадлежит, надо полагать, Татищеву. Аналогичный протест против данного предложения можно найти у Тредиаковского (1748, стр. 44—46, 208—209, 407—408, 455—456). См. специально об этом стр. 80—81 наст. изд.

О том, что буква *щ* представляет собой сочетание *ш+т+ш* (или *ш+ч*), уже говорилось выше, в § 22. Тем не менее, наш автор (в отличие от Тредиаковского и, позднее, Барсова) не считает данную букву избыточной в русском письме.

Необходимо подчеркнуть, что произношение *щ* как *шч* было нормировано в русском языке XVIII—первой пол. XIX в., т. е. соответствовало обязательной норме книжного (как церковного, так и светского) произношения. Характерно, что Ломоносов (1755, § 88) и Шлёцер (1904, § 4) произношение *щ* как *шш* (т. е. в виде спيرانта) считают провинциальным. Точно так же и по позднейшему свидетельству Каткова (1845, стр. 98) произношение *шч* как *шч* в устах образованных людей может противостоять народному произношению этой буквы в виде мягкого «усиленного» звука *щ* (сам Катков москвич, и, следовательно, в живом произношении у него, несомненно, звучал чистый спирент). Ср. в этой связи слова Тредиаковского (1748, стр. 207): «Я не знаю, отъ кого мы сперва научились произносить *вѣ* [букву *щ*] *са шч*, развѣ токмо отъ малороссіанъ»; весьма показательно, при этом, что иллюстрацией подобного произношения служат Тредиаковскому церковные слова (*причащеніе*, *благовѣщеніе*).

Итак, данное произношение могло быть противопоставлено произношению живой речи и даже восприни-

маться как искусственно усвоенное: всё это свидетельствует о его нормативно-книжном характере.

«К § 76»

Любопытно, что автор нашей грамматики, протестуя вообще против попыток избежать повторения согласных букв, считает, тем не менее, невозможным писать *русский* вместо *русый*. Форма *русский* представляется ему определенно неправильной. Написание этого слова с одним *с* наблюдается и у Тредиаковского.

«К § 77»

Здесь провозглашается принцип, который Тредиаковский объявит позднее (в «Разговоре об орфографии...») одним из основных принципов специального гражданского правописания, противопоставляемого орфографии церковных книг (см. об этом также и раньше, § 72; ср. однако, иную трактовку в § 51—53). Тредиаковский (1748, стр. 118) формулирует этот принцип следующим образом: «Россійская ортографія, ні самая малая нужда не имѣть, быть подобна всякой чужой». Это правило противопоставляется следующему правилу грамматики Мелетия Смотрицкого: «Опаснѣ прочее блюдомо боудитъ греческихъ реченіихъ, ортографіи греческой, в' латинскихъ латінстѣй хранимѣй быти, и во еврейскихъ, еврейстѣй» (см.: Смотрицкий, 1648, л. 58 об., или 1619, л. 2 тетради «Б»; ср. также грамматику Федора Максимова, 1723, стр. 3; правило это достаточно часто цитируется в сочинениях о церковнославянском языке). Тредиаковский ополчается на данное правило и на тех, кто ему следует, называя их «гречествующими по славенски или славенствующими по гречески» (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 69, ср. еще стр. 99, 124 сл., 342—353). Как и наш автор, он предлагает оставить это правило церковнославянской орфографии, но не следовать ему в правописании гражданского; соответственно образуется принципиальное различие между церковнославянской и русской орфографией³⁹. С известным огрублением можно сказать, что

³⁹ Ср. в этой связи § 69 рассматриваемой грамматики (и наш комментарий) о появлении различия между церковным и светским нормативным произношением заимствованных слов.

церковнославянская орфография ориентируется в этих случаях на транслитерацию, а противостоящая ей русская гражданская орфография — на транскрипцию.

При этом в некоторых случаях Тредиаковский текстуально очень близок к комментируемому параграфу нашей грамматики, что дает основание предполагать здесь прямое влияние одного автора на другого. См. специально об этом стр. 57—58, 61 наст. изд.

Очень сходные мысли высказывал несколько раньше и Татищев (см. стр. 82 наст. изд.). Поскольку наш автор, как и Тредиаковский, вообще обнаруживает знакомство с орфографическими идеями Татищева, не исключено, что в данном случае он — прямо или косвенно — испытал его влияние. См. в этой связи стр. 76—86 наст. изд.

Указанный принцип и связанное с ним противопоставление русской и церковнославянской орфографии прочно вошли в дальнейшем в орфографическую практику. Ср. у Сумарокова (1787, X, стр. 27): «должно ли Россіянъ ради Россійскаго Правописанія непременно учиться по Еллински и по Латински?», а также протест Ломоносова (1755, § 88) против специальных букв, предназначенных для написания заимствованных слов: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы; то будетъ наша азбука съ Китайскую».

«К § 78—89»

Мы имеем здесь едва ли не первый опыт изложения специального гражданского слогоделения, противопоставленного слогоделению церковных книг. См. это противопоставление позднее в «Российской грамматике» А. А. Барсова (стр. 72 сл.), где речь идет именно о двух различных способах деления на слоги — одном, «употребляемом особливо в церковной печати», и другом, «художественном», употребляемом в гражданском письме. Следует отметить, что на практике это различие проявлялось на письме при переносе со строки на строку⁴⁰ и в процессе обучения грамоте — при чтении по складам (ср. соответствующую разницу складов в букварях церковной и

⁴⁰ Вполне закономерно поэтому, что вслед за изложением правил слогоделения в нашей грамматике речь идет о переносе (§ 90).

гражданской печати, а также разницу переноса слов в церковнославянских и русских гражданских книгах). См. специально об этом: Успенский, 1970.

Противопоставление гражданского и церковного слога деления может быть сопоставлено с противопоставлением в рассматриваемой грамматике гражданской и церковной орфографии (см., например, § 77, *passim*), гражданского и церковного произношения заимствованных слов (см. § 69).

Различие между указанными способами слога деления заключалось главным образом в следующем⁴¹:

а) в церковнославянском слога делении все слоги открытые; по свидетельству А. А. Барсова, «въ церковной печати... никакой слог не кончится на согласную, но сколько бы согласных ни было, всё онъ замыкаются всегда гласною; не смотря ни на что другое» («Российская грамматика», стр. 72). В гражданском слога делении это правило не выступает как непереносное, хотя его можно придерживаться при прочих равных условиях. См. подробнее: Успенский, 1970, стр. 88—90;

б) в церковнославянском слога делении сочетания согласных с ѣ или ѣ (бѣ, бѣ, брѣ, брѣ и т. п.) трактовались как слог; см. подробнее: Успенский, 1970, стр. 91—92. Отсюда объясняется резкое возражение против подобной слога деления, представленного в азбуках в виде складов, в § 81 нашей грамматики (ср. также § 80, 82). Ср. в этой связи также замечание в § 15 о том, что если изъять из азбуки букву ѣ, то детям будет легче складывать слова (ср. наш комментарий к § 15). Характерно, что когда в 1783 г. было предписано во вновь открываемых народных училищах обучение «начинать всегда съ печати гражданской» (а не с церковнославянских текстов), это мотивировалось, в частности, тем, что «печать гражданская имѣетъ предъ церковною то преимущество, что она... въ чтеніи и складахъ легче» (см. «Руководство...» 1783 г., стр. 29).

К замечаниям нашего грамматиста, высказанным в § 81, очень близко следующее замечание в более поздней грамматике Шлёцера, § 33, где обсуждается, между прочим,

тот же самый пример: «Im gemeinen Buchstabiren rechnet man die Consonanten, die auf ein *Jer* ausgehen, für eigene Sylben, und einige teilen auch wirklich im Schreiben so ab; z. Ex. гро-мъ der Donner. Eine widersinnige Regell Ъ bedeutet nichts.; wer wird nun aus *gro-m* zwei Sylben machen!» (см. изд.: Шлёцер, 1904, стр. 21). Близость обеих грамматик может быть и не случайна; грамматика Гренинга была известна Шлёцеру, хотя познакомился он с ней не сразу (см.: Шлёцер, 1875, стр. 34).

Точно так же и Паус отмечал в своем отчете 1732 г., что слога деление, излагаемое в русских азбуках, содержит такие слоги, которые никто, а тем более дети и обучающиеся русскому языку, произнести не могут («Syllabisation... in welcher viele Silben gesetzt, die niemand, viel weniger Kinder und Lehrlinge, aussprechen können, da doch die Art der ordentlichen Zusammensetzung und Aussprache sich überaus leicht, natürlich und artig gibe», см. изд.: Винтер, 1958, стр. 755). Конечно, при этом имеются в виду именно сочетания согласных с ѣ и ѣ.

Описываемый в нашей грамматике способ деления на слоги весьма близок к правилам слога деления, излагаемым у Тредиаковского (1748, стр. 422—427), см. стр. 62—63 наст. изд.; ср. также сходные правила у Сумарокова (1787, X, стр. 41, 50). Основное различие между Адодуровым и Тредиаковским заключается в том, что Адодуров допускает в известных условиях произвольное разбиение сочетания согласных, тогда как Тредиаковский в аналогичных случаях рекомендует относить сочетание согласных к последующему слогу, как это и принято в церковнославянском слога делении; тем самым различие русского гражданского и церковнославянского слога деления проявляется у Адодурова в несколько большей степени.

Замечание, что следует делить: *у-казъ*, а не *ук-азъ*, *о-тецъ*, а не *от-ецъ*, *у-злы*, а не *уз-лы* (см. § 83, 86), следует понимать как реликт традиционного слога деления. Ср. у Сумарокова (1787, X, стр. 41): «Разбиваютъ при окончаніи строкъ литеры съ примеру чужихъ языковъ на прим. *Од-нако*: по нашему *О-днако*...».

Излагаемое в нашей грамматике правило, согласно которому группа согласных в начале слога может быть только в том случае, если эта группа возможна в начале слова в данном языке, представляет собой один из кар-

⁴¹ Говоря о специфическом церковнославянском слога делении, мы имеем в виду в дальнейшем великорусскую редакцию церковнославянского языка. В Юго-Западной Руси традиция деления на слоги была иной; в ряде отношений она оказывается достаточно близкой к гражданскому слога делению. См.: Успенский, 1970.

динальных принципов научного слога деления. Это правило повторяется затем у Тредиаковского (1748, стр. 425—426).

«К § 90—91»

Описываемый в § 90 знак переноса в виде двух косо положенных палочек известен был и в церковнославянской письменности (вопреки тому, что утверждается в § 91). Так, в сочинении о «расстоятельной азбуке», опубликованном у Ягича (1896, стр. 407), читаем: «Сѣ кен'дема единаственнаа строчнаа ..... а ставится в' бжтвены^х писаніа^х в' срединѣ речеіи или в' глнїи гдѣ прилоучится на двое дѣлима рѣ^х, полъ еа в' мимошедше^х времени ѣ полъ в' пребѣдѣщо^х і в' предидѣще^х, ѣ в' тои срединѣ сиа ставится кен'дема .....».

В конце § 90 затрагивается вопрос о раздельном и слитном (в данном случае — через дефис) написании слов, который обсуждается также в § 107—114.

«К § 92»

Любопытно — и до некоторой степени неожиданно — указание автора о различном изображении «облеченной» просодии (шведск.: *circumflexus*) в новой (гражданской) и в старой (церковной) печати: в старой печати ^, в новой — ^̂. Между тем, такое же графическое противопоставление в неявном виде содержится и у Тредиаковского в «Разговоре об орфографии...». Если, говоря о старой — церковной — азбуке (передаваемой вообще в книге Тредиаковского средствами гражданского алфавита), Тредиаковский (1748, стр. 80) передает «облеченную» знаком ^: *челѣвѣкъ*, *человѣки* и т. п., — то, рассуждая о букве *іо*, он сообщает, что над этой буквой «въ гражданской печати нынѣ... пишуть, для изъявленія слітнаго ея гóлоса, облеченную» (см. там же, стр. 373). Итак, считается, что над буквой *іо* стоит тот же знак, что и «облеченная» («камора») церковнославянской кириллицы. Это, кажется, единственный случай использования соответствующего значка в гражданской письменности; именно данный случай и имеется в виду в комментируемом параграфе, ср. затем сообщение в § 97, что «облеченная»

(*circumflexus*) теперь почти никогда не употребляется — ни в гражданской печати, ни в письме, — но что она используется, однако, при изображении диграфа *іо*. Итак, хотя в комментируемом сейчас параграфе речь идет о знаках ударения, наш автор, говоря об употреблении соответствующего знака, имеет в виду действительно акцентный знак в случае старой (церковной) печати, но компонент диграфа *іо* — в случае новой (гражданской) печати. О диграфе *іо* см. вообще § 97 и наш комментарий.

«К § 94—96»

Любопытно, что наш автор связывает ударение с продолжительностью звучания (ср. еще об этом и в § 92). Между тем, Тредиаковский (1748, стр. 115—116) связывает его с высотой звучания. Ассоциация ударения и длины звучания довольно типична вообще для филологических представлений XVII—XVIII вв. Ср. в стихах В. Г. Рубана (цит. по изд.: Гинзбург, 1935, стр. 430):

Кричал за нею вслед ура, ура, ура,

С протяжкой повторял потом и ура

От слова же сего недалеко и дура.

Ставить акцентные знаки над различающимися по ударению словами-омографами (в гражданской письменности) было определено орфографическими правилами 1735 г. (см.: Тредиаковский, 1748, стр. 360, прим., а также стр. 233—234; надо сказать, что здесь фигурирует тот же пример — противопоставление *рукі*—*рукі*, который приводится и в нашей грамматике)⁴². При этом в подобных случаях сохраняются правила постановки акута (оксии)

⁴² Против этого выступает впоследствии Сумароков (1787, X, стр. 33—34, 45—46), причем обсуждает тот же пример (*пóтомъ* — *потомъ*), который фигурирует и в нашей грамматике.

Следует отметить, что соответствующая функция акцентных знаков отмечается уже в старых церковнославянских букварях (см., например, букварь Ивана Федорова и др.), где можно найти длинные перечни противопоставлений такого рода; так что можно сказать, что наблюдения, подобные тем, какие находим у Адодурова и Тредиаковского, продолжают в общем церковнославянскую грамматическую традицию. Однако в русской гражданской письменности, в отличие от церковнославянской, эта функция акцентных знаков выступает на первый план.

и грависа (варии), оставшиеся как наследие церковно-славянской орфографии.

Среди перечисляемых омографов представляет интерес свидетельство о семантическом противопоставлении различающихся по ударению слов *свѣѣство* и *своѣствѣ*⁴³.

Сообщаемое в § 95 правило о том, что в словах с исходом на согласный на последнем слоге ставится акут, а не гравис, обусловлено отражением традиционного церковно-славянского слогоделения: как уже говорилось, в церковнославянском слогоделении сочетание буквы согласного с ѣ или ѣ рассматривается как особый слог, против чего резко выступает наш автор (см. стр. 204 наст. изд.), таким образом, ударный слог в слове с исходом на согласный, будучи последним в соответствии с русским (гражданским) делением на слоги, окажется предпоследним в соответствии с церковнославянским слогоделением, отсюда, по нормам церковнославянской орфографии, на нем закономерно ставится именно акут, а не гравис. В § 96 сочувственно сообщается о практике использования в подобных случаях грависа, а не акута, что и более последовательно в русских гражданских текстах, поскольку отвечает именно нормам русского слогоделения. Вместе с тем гравис сохраняется — в соответствии с нормами церковнославянской орфографии — в том случае, когда его использование не вступает в конфликт с новым слогоделением, т. е. он ставится на последнем слоге в словах с исходом на гласный. Ср., между тем, протест Тредиаковского (1748, стр. 115—116, 234—235) вообще против использования разных знаков для обозначения ударения в гражданском письме (т. е. акута и грависа).

«К § 97»

Сочетание *io* определяется как буква, притом *двогласная* (шведск.: «en tweljudande bokstaf») ⁴⁴. При этом специально подчеркивается, что буквы *i* и *o* объеди-

⁴³ Этот же пример (противопоставление акцентных форм *свѣѣство* и *своѣствѣ*, различающихся по значению) фигурирует, между прочим, позднее у Тредиаковского в «Предувѣдомленіи» к переводу I тома «Римской истории» (см.: Тредиаковский, 1761, стр. 28).

⁴⁴ Ср. между тем у Ломоносова (1755, § 88): «Букву *io* почитать должно за двуписменное начертаніе, изъ *i* и *o*: и для того въ азбукѣ на ряду ставить не должно...».

няются в *двогласную* букву для того, чтобы показать отличие данной буквы от сочетания соответствующих гласных букв *i* и *o*. Точно так же и Тредиаковский (1748, стр. 373) затем указывает, что соответствующая диакритика ставится над «двогласною» *io* для «іъъявленія слітнаго ея гблоса», и настаивает вообще (полемизируя с Татищевым, ср. стр. 85 наст. изд.), что наши «двогласные буквы» *я, ю, io* и т. д. произносятся существенно иначе, чем соответствующие сочетания: *ia, iу, io* и т. п. (см. еще об этой букве у Тредиаковского на стр. 356, 369—373 цит. изд.).

Относительно того, что знак *^* в указанной букве отождествляется со знаком «каморы» («облеченной») см. наш комментарий к § 92 ⁴⁵.

⁴⁵ Тредиаковский (1748, стр. 373) предлагал для данной буквы начертание не *io*, а *io*, но не настаивал на этом предложении. Вместе с тем сам он осуществлял его на практике: так, в рукописном оригинале «Разговора об орфографии...» Тредиаковский может писать эту букву то как *io*, то как *io* — притом, что в печатном издании обоим обозначениям соответствует начертание *io*. Ср. также рапорт корректора академической типографии Алексея Барсова (Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 108, л. 282) о том, что для набора «Разговора об орфографии...» необходимо изготовить матрицы литер: прописных *e, S*, строчных *e, i, io* (соответствующее разрешение датируется 23 июня 1747 г.), последнее обозначение и соответствует букве *io* набранного текста.

Ср. между тем полемические возражения Сумарокова (1787, X, стр. 8) против соответствующей буквы: «Не имѣемъ мы литеры *IO*, которая намъ и не надобна; ибо мы превращаемъ только просторѣіемъ литеру *E* не сліянную въ *IO*: а ежели когда она не обходима; такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона, Семьонъ* и проч: а слова какъ напримѣръ. *Ежъ*, можемъ мы писати *Йожъ, Йокаста, Йокаста*: и кто *Йокасту* такъ напишетъ, тотъ ни какой благоразсудной критикъ не подвержется... И такъ кажется мнѣ, что для изображенія чужова слова, не только можно, но и должно иногда *IO* употреблять. На прим. *Майоръ* и проч:» (ср. еще аналогичное замечание и на стр. 19).

Сумароков, вне всякого сомнения, имеет в виду букву *io*, которую он передает согласно звучанию — *йо* в начале слога, *ьо* — после согласного. Ср. еще яснее об этом в другой его работе: «коли *IO* потребно; такъ писать надобно такъ: *Альона*. А для чево писать *ioжъ* а не *йожъ*, етова я и не постигаю: *Майоръ* не *Майоръ*» (Сумароков, 1787, X, стр. 44).

211

ѣ воспринимается как специфически русская буква, связанная со специфическим русским произношением⁴⁸.

Сопоставление письма Татищева, где о соответствующей букве говорится как о необходимой, но отсутствующей в русской азбуке, и рассматриваемой грамматики Адодурова, где о ней говорится как о вошедшей уже отчасти в употребление, позволяет отнести изобретение буквы *io* к отрезку времени приблизительно от 1735—1736 до 1738 гг. Показательно вместе с тем, что соответствующее начертание достаточно последовательно употребляется Ломоносов в своем переводе оды Фенелона 1738 г., ср. здесь: *ростіотъ, стріожъ, лотъ, проліотъ, допрядіотъ* (см. публикацию с точным соблюдением ломоносовского правописания в изд.: Куник, 1865, II, стр. 408—417)⁴⁹. Ломоносов при этом находился за границей и соответственно можно думать, что данная графическая манера была ему известна еще до отъезда; если это так, то появление рассматриваемого диграфа следует датировать 1735—1736 гг. С другой стороны, в несколько более позднем письме акад. Гришова к Ла-Кондаминю (1754 г.), где содержатся сведения о русской азбуке (сообщаемые со слов Ломоносова), указывается, что эта буква была изобретена при Академии наук: «у них [русских] есть звук французской доегласной *oe*, но прежде у них не было буквы для обозначения его, почему недавно в Академии изобрели новую букву, которая должна выражать звук *oe*» (см. изд.: Пекарский, 1865, стр. 61). Совокупность изложенных фактов позволяет связывать данное новшество с орфографической реформой 1735 г., санкционированной, по всей видимости, Российским собранием при Академии наук (см. об этой реформе у Тредиаковского, 1748, стр. 360, прим., и у Пекарского, I, стр. 639).

⁴⁸ И в настоящее время буква *ѣ* пишется всего в двух иностранных словах: *курѣзанный* и *серѣзанный* (см.: Виноградов, 1965, стр. 407).

⁴⁹ Подобное правописание применяет Ломоносов и в «Письме о правилах российского стихотворства» 1739—1740 гг., ср. здесь в примерах ямбических триметров: *Весна тепло ведіотъ, Въ моемъ лишь сердцѣ люді, Грусть прочъ забава біотъ*. Однако автограф этого произведения (в отличие от перевода оды Фенелона) до нас не дошел и мы можем судить о правописании лишь по посмертной публикации в собрании сочинений Ломоносова 1778 г.

Замечание об использовании разных акцентных знаков для графического различения грамматических омонимов в церковнославянской орфографии соответствует указаниям Смотрицкого.

Любопытно, что автор говорит о букве *й* как об относительно новом явлении. По Тредиаковскому (1748, стр. 360 прим.) «знакъ сокращенія (*й*) введенъ въ несказанную исправность выговору» в гражданской печати только орфографическими правилами 1735 г. Кстати, как Адодуров, так и Тредиаковский не считают букву *й* буквой в собственном смысле (относительно Тредиаковского см. Винокур, 1959, стр. 475), что соответствует, впрочем, и грамматической традиции⁵⁰.

Отметим в этой связи, что в первой пол. XVIII в. были дублетные издания одной и той же книги, отличающиеся между собой только тем, что в одном издании употреблялась буква *й*, тогда как в другом (во всех остальных отношениях полностью совпадавшем с первым) на соответствующих местах фигурировала буква *и* (см., например, два варианта изд.: «Апофеегмата», СПб., 1745, ср. Сводный каталог, I, стр. 130).

Соответствующие колебания в написании могут быть отчасти объяснены тем обстоятельством, что в традиционном великорусском книжном произношении в целом ряде случаев читался слогообразующий гласный [i] там, где в живой речи звучал неслоговой звук [j].⁵¹ — так, в частности, в окончаниях членной формы ед. числа муж. рода и в некоторых других случаях (см.: Успенский,

⁵⁰ Татищев предлагал изображать букву *и* как *і* без точки, тогда как букве *й* соответствует у него *і* с точкой. См. об этом у Тредиаковского (1748, стр. 226); Тредиаковский не называет Татищева по имени, но указывает, что это предложение исходит от тех же самых особ, «которые совѣтуютъ вмѣсто (*ь*) не класть наверхъ Еріка, а класть оный вмѣсто (*ь*)»; что последнее предложение принадлежит именно Татищеву — доказывается на стр. 83 наст. изд.

⁵¹ Это явление могло отчасти быть обусловлено осознанным стремлением противопоставить церковное чтение (и вообще книжное произношение) процессам контракции [i] в [j], характерным вообще для живой русской речи.

1971, стр. 19); ср. еще старое книжное произношение (не тайн!) в выражении «приобщаться святых тайн» (см.: Чернышев, 1914, I, стр. 26). Поскольку гражданская орфография в большой степени ориентировалась именно на произношение — и притом на произношение к н и н о е, — постольку можно считать, что введение буквы «и с краткой» в гражданскую письменность знаменовало определенное приближение к живому произношению.

Может быть не случайно поэтому в § 95 шведского издания (см.: Грёнинг, 1750, стр. 53)⁵² формы *svbist* и *свойств* фактически противопоставлены не только по ударению, но и по написанию через *и* или *й*: первое слово — книжное, второе — разговорное. Ср. в этой связи замечание в одном из орфографических трактатов XVI в., что «великаа Росіа Москѡвскіа рѣчи не полагається краткаа» в слове *свойство* и в целом ряде других слов (см. изд.: Ягич, 1896, стр. 457).

Обсуждаемые в комментируемом параграфе примеры грамматического противопоставления местоименных форм *с и* и *с й* повторяются у Тредиаковского (1748, стр. 73).

〈К § 100〉

Трудно сказать на основании описательных выражений «*abbrevieradt ъ*» («сокращенное ъ») и «*abbrevieradt ъ*» («сокращенное ъ»), употребленных в шведском переводе, какие термины стояли в недошедшем до нас русском оригинале. В старых славянских азбуках и грамматиках могли противопоставляться названия «эрик», «ерок» и некоторые другие при обозначении надстрочного значка, заменяющего букву ер⁵³, терминам «пѣерк», «пѣерик» и т. п., обозначающим значок, заменяющий букву ерь (см.: Успенский, 1970, стр. 100, прим. 97). В аналогичном смысле могли в свое время противопоставляться названия «ерец» и «ертица» (см. изд.: Ягич, 1896, стр. 453—454; 497) или, с другой стороны, «ертица» и «кендема» (см. там же, стр. 458—459).

Однако вопреки тому, что говорится в комментируемом параграфе, различные названия обычно соответствовали

⁵² Русский текст данного параграфа до нас не дошел.

⁵³ Слово «эрик» в этом значении и, соответственно, противопоставление «эрик» — «пѣерк» было характерно преимущественно для Юго-Западной Руси.

знакам разных начертаний, а не различному употреблению одного и того же знака; в тех же случаях, когда один знак выступал в разных функциях, он и имел обыкновенно одно наименование (ср., например, термин «паирчик» у Ягича, 1896, стр. 429).

Любопытно название «мягкий знак» («*weka teknet*»), едва ли не впервые встречающийся в известной нам грамматической литературе (это название, однако, относится здесь не к букве ъ, а к надстрочному значку, выступающему в качестве его субститута).

〈К § 101〉

Любопытно утверждение автора, что в старой (церковнославянской) орфографии при написании слов греческого происхождения соблюдалось графическое различие между тонким и густым придыханием. Тредиаковский, напротив, писал: «мнѣ удивительно, какъ наши мудрецы, нашедъ мѣсто надъ буквами *тонкой* [имеется в виду диакритический знак], не нашли также *густой* оной» (1748, стр. 76) и далее: «Ежели онѣ выразумѣли, что густыя у насъ не надобно; то какъ не можно бы имъ было догадаться, что равнымъ образомъ не надобно и тонкія?» (стр. 231). Описание диакритических значков, обозначающих тонкое и густое придыхание, у Тредиаковского (1748, стр. 230—231) довольно близко соответствует описанию их в нашей грамматике.

Следует отметить, далее, что замечания об употреблении «апострофа» (знака ") в данном параграфе буквально повторяют соответствующие замечания в грамматике Ф. Максимова 1723 г. (ср. в этой связи ссылку на грамматику Максимова в § 16 и на полях против § 104 нашей грамматики; см. наш комментарий к указанным параграфам). Ср.:

Наша грамматика (§ 101, стр. 56 шведского изд.)

Грамматика Ф. Максимова (стр. 175)

... brukas Apostrophus öfwer Pronomina., til Exempel: спаси ѱ, i stället för спаси его, fräls honom; сохрани ю, i stället för сохрани оя, bewara henne...

Апострофъ... иногда... полагается надъ вмѣстоименными сими письмены единственнаго числа, ѱкк: измѡ ѱ, вмѣсто егѡ. сохрани ѱ. вмѣсто егѡ.

Говоря о том, что правила чтения составляют особую часть грамматики, автор, по-видимому, имеет в виду не дошедшую до нас, а может быть и вовсе не написанную часть, посвященную «просодии». Эта часть фигурирует в том плане грамматики, который изложен во Введении (см. наш комментарий ко Введению). О понимании термина «просодия» у нашего автора см. специально стр. 72—74 наст. изд.

То обстоятельство, что правила подтительного сокращения слов должны (по мнению нашего автора) относиться, вообще говоря, к правилам чтения, а не к правилам правописания, — объясняется, видимо, тем, что соответствующие аббревиатуры сохранялись исключительно в «старой» (церковной) печати, но не были приняты в печати «новой» (гражданской). Поскольку, между тем, данная грамматика ориентирована на собственно русский язык и на гражданскую письменность (госр.: гражданскую азбуку, гражданскую орфографию, гражданское слоговое деление и т. п.), постольку она не учитывает активного употребления соответствующих форм, т. е. их написанию.

К § 104—105

Эти параграфы написаны под явным влиянием грамматики Ф. Максимова 1723 г. (ср. в этой связи отсылку к этой грамматике в записи на полях в конце § 104). Перечисляемые в § 104 примеры сокращений повторяют в том же порядке аналогичные примеры, сообщаемые у Максимова (1723, стр. 179); здесь, однако, выпущены три формы: *вѣдѣ*, *прѣрокѣ*, *евѣлиста*, которые даются у Максимова перед формами *црѣдѣ*, *црѣца*.

Ссылка на то, что в скорописи аббревиатуры не означают почтения, но употребляются именно как «простые знаки сокращения», видимо, восходит к следующему указанию грамматики Максимова (1723, стр. 180): «А еже полагается покрытіе или взметъ надъ многими реченіями, такоже и тѣла, ничто ино знаменуетъ, но точію исполняется обычай скорописцевъ, ибо они оупотребляютъ сокращеніа ради. И сичевый обычай зрится не токмо оу славянь, но оу грековъ и оу латинъ...».

В связи с тем, что говорится в грамматике о гонорифической функции подтительного написания, очень показательно свидетельство Тредиаковского (1748, стр. 247), который констатировал, что «почитай всякъ у насъ въ досаду себѣ приметь, читая начальный і обыкновенный титулъ въ писмѣхъ напрімѣръ, написанный всѣми складами такъ, *Государь мой*» (вместо *Гдѣрь мой*). Тем более интересно мнение автора комментируемой грамматики, что «слова Бгѣ, Гдѣрь, Кнѣзь и проч: пишу́тся нѣ́ иногда подъ тѣ́лами... а иногда просто что все за ровню почитается...» (речь идет у обоих авторов о практике письма, т. е. о рукописных, а не печатных текстах).

В списке приводимых в § 105 подтительных сокращений даются некоторые специфические скорописные сокращения (например, «два — девка, мѣ — мѣсець», причем в отношении последнего сокращения делается специальное примечание: «не значи́ почтенія»), о которых см. специально на стр. 41 наст. изд. Ср. в этой связи ссылку на скоропись в начале данного параграфа.

Любопытно, что к сокращению *Иисъ* дополнительно внесена дониконовская (и старообрядческая) форма *Гѣъ*; это дополнение не отражено, между тем, в издании Гренинга.

К § 107—114

К тому, что говорится здесь о слитном и раздельном написании⁶⁴, ср. замечания Ломоносова (1755, § 129; ср. также черновые материалы в изд.: Ломоносов, 1952, стр. 610—611, 633). Оба грамматиста противопоставляют раздельные написания предложного сочетания слитному написанию наречия.

Замечания о слитном и раздельном правописании *не* и *ни* (§ 112—113) в общем вошли в орфографическую практику. Ср. затем некоторые уточнения на этот счет у Сумарокова (1787, X, стр. 31).

В § 110 любопытно противопоставление церковнославянских глагольных форм с приставками *воз-*, *пре-* и соот-

⁶⁴ Проблема раздельного написания обсуждается также в § 90, где раздельное написание слов противопоставляется написанию через дефис.

ветствующих русских форм с *вз-, пере-*, причем первые формы признаются архаичными⁵⁶. Ср. в этой связи запись Ломоносова на книге Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», относящуюся к 1736—1739 гг.: «Новымъ словамъ ненадобно старыхъ окончаніевъ давать, которые не употребительны н[а] п[ри]мер[е] *пробуждена* in accusativo вмѣсто: *пробуженово*», лучше сказать *возбужденна*» (см.: Ломоносов, 1895, стр. 11 второй пагинации; Берков, 1936, стр. 56, а также факсимильное воспроизведение на стр. 55⁵⁶). Итак, славянская форма *возбужденна* противопоставляется русской форме *пробуженово*: приставка *воз-*, наряду с сочетанием *-жд-*, ударением⁵⁷ и соответствующим окончанием однозначно указывает, таким образом, на принадлежность данной формы именно церковнославянской стихии.

К § 115

Своеобразны названия знаков препинания: точка с запятой называется «запятая точка», знак вопроса называется «точка вопросительная» (или просто: «вопросная»), знак восклицания — «точка удивленія» (ср. также другие названия для этого знака: «удивительная», «удивная»). Нетрудно усмотреть здесь следы понимания слова «точка» в общем терминологическом значении знака препинания. Подобное словоупотребление, между тем, восходит к определенной традиции. В грамматических сочинениях XVI в. учение о знаках препинания может называться учением о «силе точек» или о «точечном разуме» (см. у Ягича,

⁵⁶ Иная перспектива в подходе к этому вопросу, между тем, у Тредиаковского, который указывает, напротив, в своем «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» 1735 г., что «реченія, которыя сложены въ самомъ началѣ изъ частицъ... *воз, вос.*... могутъ, для нужды въ стихѣхъ, выкидывать писмя о» (см. изд.: Тредиаковский, 1735, стр. 18).

⁵⁸ Эта запись неверно цитируется в академическом издании Ломоносова (см.: Ломоносов, 1952, стр. 898), а также у Беркова, 1937, стр. 208.

⁵⁷ Ср. в этой связи анализ ударения форм страдательных причастий в поэзии Ломоносова в работе: Еселевич, 1969. Характерно, что среди тех же ломоносовских записей на книге Тредиаковского можно встретить соответствующие исправления ударения: формы *расширенна, подаренна, украшенна* Ломоносов исправляет на *расширенна, подаренна, украшенна* (см.: Берков, 1936, стр. 56).

1896, стр. 455, 502). В грамматике Лаврентия Зизания (1596) соответствующий раздел называется: «О точках», притом в числе «точек» упоминается и «соединительная» черта (-), т. е. знак переноса⁵⁸. Можно предположить, таким образом, что и сами названия тех или иных знаков препинания, сообщаемые нашим грамматистом, свидетельствуют о какой-то не дошедшей до нас традиции. Что же касается приводимых здесь вариантных названий — «вопросная» и «удивная» — то они соответствуют терминологии грамматики Смотрицкого⁵⁹ или грамматики Максимова 1723 г.

Замечание, что знак вопроса изображается как «?» «по нынешнему употреблению», обусловлено тем обстоятельством, что раньше в соответствующей функции употреблялась точка с запятой⁶⁰; ср. соответствующее противопоставление «новой» и «старой» орфографии в этом плане у Тредиаковского, 1748, стр. 91 и 266 прим. В этом же смысле можно понимать сообщение Адодурова в очерке 1731 г. (стр. 6), что сейчас пользуются латинской пунктуацией, тогда как ранее пользовались греческой; последняя, однако, сохраняется в церковнославянском (in Kirchen Sachen), а многими — еще и в гражданском употреблении.

К § 116—118

Мысль о том, что неверная расстановка знаков препинания обусловила различие в понимании Священного Писания, могла быть заимствована автором из славянских сочинений о языке. См., например, эту же мысль в сочинении «Г» исправленіи в' прежде печатаныхъ книгахъ ми-

⁵⁸ При этом здесь нет омонимии данного термина, поскольку точка в нашем значении называется у Зизания «срокой» и соответственно двоячье — «двоерочию».

Точно так же в «Адельфотисе» 1591 г. общим обозначением знака препинания выступает термин «подиастолія» (ср.: Абакумов, 1948, стр. 20).

⁵⁹ Смотрицкий, собственно, и ввел употребление «удивной». Раннее соответствующий знак назывался «прибыльца» и употреблялся в значении, приближающемся к запятой. См.: Абакумов, 1948, стр. 18, 24.

⁶⁰ Впрочем, уже в текстах XVI в. можно встретить точку с запятой в значении, более или менее отвечающем современному употреблению этого знака, что объясняется западным влиянием. См. подробнее: Абакумов, 1948, стр. 17, 18, 27.

неакх. . . » конца XVII в. (см. изд. Никольского, 1899, стр. 64—63).

Любопытна ссылка (в § 116) на какую-то дискуссию о знаках препинания и о попытках предложить в народе какие-то касающиеся до них правила. По-видимому, ближайшее отношение к этой дискуссии имеет рассуждение некоего современного автору «писателя», на которое автор ссылается в § 118.

Свидетельство об этой дискуссии, а также о сочинении «некоторого не бесснатнаго писателя» можно найти у Тредиаковского (1748, стр. 259 сл.), причем Тредиаковский цитирует обширную выдержку из этого сочинения. О текстуальных совпадениях с нашей грамматикой говорится на стр. 75—76 наст. изд.⁶¹

Градация различных знаков препинания в зависимости от полноты смысла, выражаемого соответствующим сегментом, — см., противопоставление запятой, точки с запятой, двоеточия и точки по данному критерию в § 117 (то же и в «Разговоре об орфографии. . .» Тредиаковского, см. об этом стр. 76 наст. изд.⁶²) — встречается вообще в грамматических сочинениях и раньше (наш грамматист и не скрывает того обстоятельства, что соответствующие определения принадлежат не ему, см. § 118 грамматики). Именно таким образом, например, противопоставляются точка и двоеточие в грамматике Лаврентия Зизания (1596 г.), где также говорится о степени «совершенства» речи; в грамматике Смотрицкого (см. изд.: Смотрицкий, 1619, 1648 или 1721), где к соответствующим определениям прибавлены еще интонационные признаки (см.: Абакумов, 1948, стр. 21—24). Однако точка с запятой в подобной иерархии не участвовала, поскольку употреблялась в совсем иной функции — вопросительного знака (см. выше, наш комментарий к § 115). Теперь же точка с запятой включилась в данную иерархию, практически

⁶¹ При этом термину «стихъ» нашей грамматики соответствует у Тредиаковского термин «периодъ»; оба термина означают «предложение».

⁶² Совершенно такая же иерархическая градация знаков препинания — запятая, точка с запятой, двоеточие, точка — содержится, между прочим, и во французском стихотворении Тредиаковского «Правила как знать надлежит, где ставить запятую, точку с запятою, двоеточие, точку, вопросительную и удивительную», приложенном в числе других стихов к его «Езде в остров любви».

заявляя место двоеточия (это обстоятельство, видимо, способствует в дальнейшем полному вытеснению двоеточия из данного семантического ряда⁶³).

Трактовка точки с запятой и выступает тем самым как наиболее оригинальный момент в предлагаемых определениях знаков препинания. Между тем, судя по «Разговору об орфографии. . .» Тредиаковского и по цитируемому там сочинению некоего «писателя», так же как в какой-то степени и по замечаниям самого Адодурова (см. § 118 данной грамматики), — эта трактовка принадлежит не автору нашей грамматики, а заимствована им из этого (не дошедшего до нас) сочинения. См. стр. 76 наст. изд.

⁶³ Ср. свидетельство Тредиаковского (1748, стр. 260), что есть люди, которые вообще ставят точку с запятой вместо двоеточия, тогда как другие могут поступать наоборот. Речь, по-видимому, идет в обоих случаях о сознательном устранении одного из отождествляемых знаков препинания. Ср. в этой связи замечание Сумарокова (1787, X, стр. 47): «Г. Ломоносовъ Точку со Запатою кажется почитать за мое двоеточіе, что и у многихъ хорошихъ чужестранныхъ авторовъ есть. У Грековъ ето была Вопросительная. А по моему вотъ какъ: . . . | ; | [знак точки с запятою] когда или что слѣдуетъ тому же смыслу, или что упирается | : | [знак двоеточія] когда раздѣляется смыслъ или когда что ко слѣдующему приуготовляетъ».

Реликтовые формы употребления двоеточия в соответствующей функции могут иногда наблюдаться и в дальнейшем. См., например, оригинальную пунктуацию в прозе Андрея Белого, которая нуждается вообще в специальном исследовании.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Абакумов, 1948 — С. И. Абакумов. Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV—XVIII вв. «Уч. зап. МОПИ», т. XIII («Труды кафедры русского языка», вып. 1). М., 1948.
- Аверьянова, 1957 — А. П. Аверьянова. Рукописный лексикон Татищева. «Уч. зап. МГУ», № 197. 1957.
- Аверьянова, 1964 — Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Подгот. к печати А. П. Аверьяновой. Л., 1964.
- Адельфотис, 1591 — *Adelfotus*. Грамматика доброгоглаголивого елинословенского языка. Львов, 1591.
- Адогуров, 1731 — *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*. — В изд. Вейсманнов лексикон 1731 г. (приложение). Ср. факсимильное воспроизведение у Унбегауна, 1969.
- Адогуров, заметка о ъ и ь — Записка В. Е. Адогурова от 11 марта 1737 г., начинающаяся словами: «О разности и употреблении литеры ъ и ь...». Архив Академии наук, разр. I, оп. 73, № 7, л. 1—1 об. Ср. другой список — там же, разр. V, оп. А-10, № 1, л. 1.
- Аксаков, 1909 — С. Т. Аксаков. Воспоминания. — В изд.: С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в двух томах, т. I. М., 1909.
- Андреев, 1951 — А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. «Исторический архив», VI. М.—Л., 1951.
- Арне, 1917 — T. J. Arne. *Det stora Svitjod. Essayer om gängna tider i svensk-ryska kulturförbindelser*. Stockholm, [1917].
- Атлас 1742 — Атлас российской. . . [проспект]. СПб., 1742.
- Атлас 1745 г., латинско-французское изд. — *Atlas russicus*. . . Petropoli, 1745; немецкое изд. — *Russischer Atlas*. . . SPb., 1745.
- Балицкий, 1876 — Ив. Балицкий. Материалы для истории славянского языкознания. Литература исследований о церковнославянском и русском языке на иностранных языках с XVI в. по 1872 г. Киев, 1876.
- Барсов, 1768 — [А. А. Барсов.] Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании. М., 1768.
- Барсов, грамматика — Российская Грамматика, сочиненная Профессором Московского Университета Антоном Алексеевичем Барсовым (1783—1788 гг.). Рукопись (с собственноручными дополнениями автора) библиотеки МГУ, 9 h 11.
- Бауманн, 1964 — *Nasso Baumann*. *Die erste in deutscher Sprache gedruckte Russischgrammatik*. «Beiträge zur Geschichte der Slavistik». Hrsg. von H. H. Bielfeldt und K. Horálek. Berlin, 1964 («Deutsche Akademie der Wissenschaften, Veröffentlichungen des Instituts für Slavistik», 30).
- Бауманн, 1973 — H. Baumann. V. E. Adodurovs Bedeutung für die Entwicklung der russischen Literatursprache. «Zeitschrift für Slavistik», Bd. XVIII, 1973, H. 5.
- Беляев, 1911 — И. С. Беляев. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII столетий. Изд. 2, испр. и доп. М., 1911.
- Берков, 1935 — П. Берков. Литературно-теоретические взгляды Тредиаковского. В изд.: Тредиаковский, 1935.
- Берков, 1936 — П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. Л., 1936.
- Берков, 1937 — П. Н. Берков. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах. «Известия АН СССР». Отд. общественных наук, 1937, № 1.
- Берков, 1951 — Сатирические журналы Н. И. Новикова («Трутенъ» 1769—1770, «Пустомеля» 1770, «Живописецъ» 1772—1773, «Кошелек» 1774). Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951.
- Биллярский, 1865 — П. П. Биллярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
- Биргергорд — *Ulla Birgergård*, J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten (две части с продолжающейся пагинацией). Без места и года. Мимеографическое изд.
- Биржакова, Войнова, Кутина, 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Богородицкий, 1939 — В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4, переработанное. М., 1939.
- Бородин, 1936 — А. В. Бородин. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы. «Труды Института книги, документы, письма [АН СССР]», V. Статьи и материалы по истории книги в России. Л., 1936.
- Брандт, 1901 — Р. Ф. Брандт. О лженаучности нашего правописания. (Публичная лекция). СПб., 1901 (оттиск из «Филологических записок», вып. I—II).
- Будде, 1916 — Е. Ф. Будде. Русский язык. Изд. 3. Казань, 1916.
- Будилович, 1869 — А. С. Будилович. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб., 1869 (также: ЖМНП, 1869, № 8, стр. 272—333; № 9, стр. 48—106).
- Букварь 1637 г. — Азбѣки. М., 1637. Изд. Василия Бурцева.
- Букварь 1775 г. — Новый российский букварь с краткими правоучениями и повестями. СПб., 1775.
- Букварь славяно-греческий, конца XVII в., приписываемый братьям Лихудам — *Παίδων προπαιδεία*. Дѣтей предѣнаказаніе. Рукопись Гос. Публичной библиотеки. Соф., 1208.
- Булич, 1904 — С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904 («Записки ист.-филол. фак-та имп. С.-Петербургскаго ун-та», ч. LXXV).
- Вейсманнов лексикон 1731 г. — *Deutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache*. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissen-

- скафтен zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскіи и русскіи Лейконъ кунно съ первыми началами рускаго языка къ общему пользѣ при Императорской Академіи наукъ печати издавъ. СПб., 1731.
- Виноградов (ред.), 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). Под ред. В. В. Виноградова. М., 1965.
- Винокур, 1959 — Г. О. Винокур. Орфографическая теория Тредиаковского. — В изд.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959 (стр. 468—489).
- Винтер, 1958 — E. Winter. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Rußlands. «Zeitschrift für Slavistik», Bd. III, 1958, H. 5 [ср. сокращенный русский перевод: Э. Винтер. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732). «XVIII век», сб. 4. М.—Л., 1959]. С приложением отчета Пауса «Observationes, inventiones et experimenta circa Literaturam et Historiam Russicam in camera obscura et optica ad Academiam Scientiarum instituta».
- Вомперский, 1968 — В. П. Вомперский. Ненапечатанная статья В. К. Тредиаковского «О множественном прилагательныхъ целыхъ именъ окончаніи». «Научные доклады высшей школы». Филологические науки, 1968, № 5.
- Вомперский, 1969 — В. П. Вомперский. Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г. — ВЯ, 1969, № 3.
- Вомперский, 1970 — В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., [1970].
- Геннади — Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 гг., т. 1—3. Берлин—М., 1876—1908.
- Гинзбург, 1935 — Лидия Гинзбург. Неизданные стихотворения Рубана. «XVIII век» [сб. I]: М.—Л., 1935.
- Глаголева, 1906 — Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений князя А. Д. Кантемира. — ИОРЯС, т. XI, 1906, кн. 1.
- Гнедич, 1816 — [Н. Гнедич.] О вольном переводе Бюргеровой баллады: Ленора. «Сын Отечества», 1816, ч. 31, № XXVII.
- Горлицкий, 1730 — Grammaire françoise et russe en langue moderne accompagnée d'un petit dictionnaire pour la facilité du commerce. Грамматика французская и руская нынѣшняго языка сообщена съ малымъ Лейкономъ ради удобства сообщества. СПб., 1730.
- Грёнинг, 1750 — Michael Groening. Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica, eller Grundelig Handedning til Ryska Språket. Stockholm, 1750. Ср. факсимильное воспроизведение у Унбегауна, 1969.
- Грот, 1899 — Я. Грот. Филологические разыскания (I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. II. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до нынѣ). Изд. 4, доп. Под ред. проф. К. Я. Грота. СПб., 1899.
- Давид, букварь 1690 г. — [Georgius David.] Exemplar characteris Moscovitico-Ruthenici duplicis Publici et usualis. Nissae, 1960.
- Единственный известный экземпляр этой книги хранится в Национальной библиотеке в Вене под шифром: 74, 0. 10.
- Давидссон, 1956 — Carin Davidsson. Nicolaus Bergius' slaviska bok- och handskriftssamling i Uppsala universitetsbibliotek. «Nordisk tidskrift för Bok- och Biblioteksväsen», årgång 43, 1956, nummer 4.
- Давыдов, 1855 — И. Давыдов. Предисловие... В изд.: Грамматика русского языка академика М. В. Ломоносова, 1755 года. Издана Вторым отделением имп. Академии наук, в воспоминание столетия русской грамматики. СПб., 1855.
- Евгений, 1805 — [Евгений Болховитинов.] Адогуров [статья из «Словаря русских светских писателей...»]. «Друг просвещения». М., 1805, ч. I.
- Евгений, 1838 — Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. М., 1838. Изд. И. М. Снегирева.
- Евгений, 1845 — Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I—II. М., 1845. Изд. М. П. Погодина.
- Екатерина, 1907 — Записки императрицы Екатерины Второй. Пер. с подлинника, изданного имп. Академией наук. СПб., 1907.
- Енсен, 1912 — A. Jensen. Die Anfänge der schwedischen Slavistik. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 33, 1912, H. 1—2.
- Еселевич, 1969 — И. Э. Еселевич. Ударения форм страдательных причастий в поэтических произведениях Ломоносова. «Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения)», вып. 2—3. Казань, 1969.
- Заметка о транскрипции — Заметка (недатированная и не подписанная), начинающаяся словами: «Кажется что польской ма- вѣрь къ выраженію латинскими литерами звуку россияскихъ литеръ...». Архив Академии наук, разр. I, оп. 76, № 7, л. 2—3. Ср. другой список — там же, разр. V, оп. A-10, № 1, л. 1—1 об. Авторство этой заметки приписывается обычно В. Е. Адогурову.
- Зизаний, грамматика (1596) — Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска. Вильно, 1596.
- История Академии наук, 1958 — История Академии наук СССР в трех томах, т. I (1724—1803). М.—Л., 1958.
- Кантемир, 1740 — Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла, Парижской Академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740.
- Карамзин, 1797 — Аониды, или Собрание разных новых стихотворений [стихотворный альманах, составленный Н. М. Карамзиным], кн. II. М., 1797.
- Каржавин, 1791. — Phéodore Karjavin. Remarques sur la langue russe et sur son alphabet. Avec des pièces relatives à la connoissance de cette langue. СПб., 1791. (Первое, несколько менее полное изд. — СПб., 1789). «Remarques» написаны Ерофеем Каржавиным в Париже в 1755 г. и изданы (Федором Каржавиным) посмертно.

- Катков, 1845 — М. Н. Катков. Об элементах и формах славянского русского языка. М., 1845.
- Кипарский, 1962 — V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Князев, Файдель и Шафрановский, 1958 — Г. А. Князев, Э. П. Файдель и К. И. Шафрановский. Каталог изданий Петербургской Академии наук 1731 года (дар немецкой Академии наук, 1956). «XVIII век», сб. 3. М.—Л., 1958.
- Кокрон, 1962 — Friedrich Cosron. La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (Morphologie). Paris, 1962 («Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves», t. XXXIII).
- Колесов, 1974 — В. В. Колесов. Лексическое варьирование в литературном языке XVII в. «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова». М., 1974.
- Копиевич, 1706 — Е. Kopijewitz. Рѣководѣніе въ грамѣтѣхъ славяно-російскою, или Московскою. Ко оутребленію оучащихъ языка Московскаго. Manuductio in Grammaticam Slavonicam Rosseanam seu Moscoviticam. In usum discipulorum linguam Moscoviticam. Stoltzenbergii, 1706. Ср. факсимильное воспроизведение у Унбегауна, 1969.
- Копорский, 1961 — С. А. Копорский. Забытые страницы В. К. Тредьяковского «О слове, или словесности». «Уч. зап. МОПИ», т. С («Труды кафедры русского языка», вып. 6). М., 1961.
- Коровин, 1961 — Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. М.—Л., 1961.
- Крайя словарь — Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского, т. I—XII. Изд. К. Крайя. СПб., 1847—1855.
- Крафт, 1741 — Г. В. Крафт. Подлинное и обстоятельное описание Ледяного Дома. . . СПб., 1741.
- Крижанич, 1859 — Граматично изказанје об руском језику попа Јерка Крижанича: . . . лита ЗБОД [1666 г.] М., 1859 (то же — ЧОИДР, 1848, кн. 1, 1859, кн. 4). Изд. О. Бодянского.
- Крижанич, 1891 — Ю. Крижанич. Обясненіе виводно о писмѣ словѣнскомъ [1661 г.]. В кн.: «Собрание сочинений Юрия Крижанича», вып. 1. М., 1891 (то же — ЧОИДР, 1891, кн. 1). Изд. В. Колосова.
- Кузнецов, 1958 — П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
- Кулябко, 1962 — Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., 1962.
- Куник, 1853 — [А. А.] Куник. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии? «Уч. зап. имп. Академии наук по I и III отделениям», 1853, т. II, вып. 1.
- Куник, 1865 — Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке, ч. I—II. Изд. А. Куник. СПб., 1865.
- Ларин, 1937 — Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступ. статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937 («Материалы и исследования по истории русского языка», I).
- Левин, 1964 — В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика). М., 1964.
- Ломоносов, 1755 (грамматика) — М. В. Ломоносов. Российская грамматика. СПб., 1755.
- Ломоносов, 1891—1898 — Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. СПб. (1891 — т. I; 1893 — т. II; 1895 — т. III; 1898 — т. IV).
- Ломоносов, 1952—1959 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. М.—Л. (1952 — т. VII; 1955 — т. IX; 1957 — т. X; 1959 — т. VIII).
- Лудольф, 1696. — Н. W. Ludolf. Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta Russicæ Linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oхоніі, 1696. См. издание этой грамматики в факсимильном воспроизведении у Унбегауна (1959); ср. также изд. Ларина (1937).
- Любименко, 1935 — И. И. Любименко. Об основании «Российской Академии». «Архив истории науки и техники», серия 1). 1935 («Труды Института истории науки и техники», вып. 6. Л., Академия). «Архив истории науки и техники», серия 1).
- Макеева, 1961 — В. Н. Макеева. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961.
- Максимов, 1723 — [Ф. Максимов.] Грамматика Славенская въ кратцѣ собранна въ Греко-славенской школѣ въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архирейскомъ. СПб., 1723.
- Малаховский, 1937 — В. А. Малаховский. Произношение и орфография А. С. Пушкина. «Русский язык в школе», 1937, № 2.
- Маленин, 1928 — А. И. Маленин. Новые данные для биографии В. К. Тредьяковского. — В изд.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928 (Сб. ОРАС, т. 101, № 3).
- Марузо, словарь — Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. М., 1960.
- Материалы АН — Материалы для истории имп. Академии наук [под ред. М. И. Сухомлинова], т. I—X. СПб., 1885—1900.
- Миккола, 1906 — J. J. Mikkola. Groening Michael. «Tietosana-kirja», II. Helsinki, 1906, стлб. 1614—1615.
- Михальчи, 1964 — Д. Е. Михальчи. И. В. Паузе и его славяно-русская грамматика. «Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. XXIII, 1964, вып. 1.
- Михальчи, 1968 — Д. Е. Михальчи. Листы белой рукописи «Славяно-русской грамматики» И. В. Паузе. «Вопросы грамматики и словообразования». М., 1968 («Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы», т. XII, вып. 4).
- Михальчи, 1969 — Д. Е. Михальчи. Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. Автореф. докт. дисс. Л., 1969.
- Михальчи, 1969а — Д. Е. Михальчи. Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. Докт. дисс. Л., 1969.
- Мойсеева, 1971 — Г. Н. Мойсеева. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
- Никольский, 1896 — К. Никольский. Материалы для истории

- исправления богослужебных книг. Об исправлении Устава церковного в 1682 году и месячных Миней в 1689—1691 гг. СПб., 1896 («ОЛДП. Памятники древней письменности», CXV).
- Новиков, 1772 — Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал. . СПб., 1772.
- Обнорский и Бархударов, 1948 — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. 2. М., 1948.
- Орлова, 1950 — В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Института русского языка [АН СССР]», т. II. М.—Л., 1950.
- Пародии — Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.). Вступ. статья, подгот. текста и примечания А. А. Морозова. Л., 1960 («Библиотека поэта», большая серия, изд. 2).
- Паус, грамматика (черновой список) — [I. Pause]. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache zum Nutzen sonderl. der deutschen Nation aufgesetzt [1705—1729]. Рукопись Библиотеки Академии наук, собр. иностр. рукописей, Q 192. Мы пользовались расшифровкой этой рукописи, произведенной Д. Е. Михальчи (см.: Михальчи, 1969а).
- Паус, фрагмент — Фрагмент белой рукописи «Славяно-русской грамматики» И. В. Пауса (рукопись Архива Академии наук, разд. III, № 332). Цит. по изд.: Михальчи, 1968.
- Паус, отчет 1732 — [I. Pausius]. Observationes, inventiones et experimenta circa Literaturam et Historiam Russicam. . . Цит. по изд.: Винтер, 1958.
- Пекарский — П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. I—II. СПб., 1870—1873.
- Пекарский, 1862 — П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
- Пекарский, 1865 — П. П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865 (то же в изд.: «Записки имп. Академии наук», т. VIII, кн. 2, прилож. № 7. СПб., 1866).
- Переверзев, 1787 — [И. А. Переверзев.] Краткие правила русского правописания, из разных грамматик выбранные, и по свойству украинского диалекта для употребления малороссианам дополненные в Харькове. Изд. 2. М., 1787.
- Плюшара словарь — Энциклопедический лексикон, т. I—XVII. Изд. А. Плюшара. СПб., 1835—1841.
- Подшивалов, 1796 — [В. С. Подшивалов.] Сокращенный курс русского слога, изданный Александром Сворцовым. М., 1796.
- Поликарпов, 1701 — [Ф. Поликарпов.] Алфавитарь, рекше бжвварь славенскими, греческими, римскими писменами, оучитися хотящимъ и любомудрие в' побыв дшеснасителноу обрести тщящимся. М., 1701.
- Правила о произношении. . . 1772 г. — Правила о произношении русских букв и о исправном тех же в новейшем гражданском письме употреблении или о правописании, собранные из российских грамматик. М., 1772.
- Прокопович-Антонский, 1812 — А. Прокопович-Антонский. [Замечания о русском ударении]. «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», ч. IV. М., 1812.
- Протоколы АН — Протоколы заседаний конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г., т. I—IV. СПб., 1897—1911.
- Пруссак, 1915 — А. В. Пруссак. Описание азбучников, хранящихся в рукописном отделении императорской Публичной библиотеки. Пг., 1915 («ОЛДП. Памятники древней письменности и искусства», CLXXVI).
- Руководство. . . 1783 г. — Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению царствующей имп. Екатерины Вторыя. СПб., 1783.
- Светов, 1773 — [В. Светов.] Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах русской грамматики и на лучших примерах русских писателей. СПб., 1773.
- Сводный каталог — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800, т. I—V. М., 1962—1967.
- Селищев, 1968 — А. М. Селищев. Диалектический очерк Сибири. — В изд.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968.
- Семеновиков, 1914 — В. П. Семеновиков. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914 (приложение к журналу «Русский библиофил»).
- Семигиновский, 1794 — М. Семигиновский. Правописание русского с предварительным наставлением о произношении букв, о складах и о чтении, из разных грамматик и новейших о правописании правил. . . собранное. М., 1794.
- Сёренсен, 1962 — Н. С. Sørensen. Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1962 (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-Filosofiske Meddelelser, Bd. 39, № 8).
- Симони, 1898 — П. К. Симони. Два старинных областных словаря XVIII столетия. I. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1757 г.). II. Вятский областной словарь (1772 г.). «Живая старина», VIII, 1898, № 3—4.
- Смотрицкий, 1619 — Мелетий Смотрицкий. Грамматика славенскія правильное святаго. Еые, 1619.
- Смотрицкий, 1648 — [Мелетий Смотрицкий.] Грамматика. М., 1648.
- Смотрицкий, 1721 — [Мелетий Смотрицкий.] Грамматика. М., 1721. (Изд. Ф. Поликарпова).
- Сумароков, 1787 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. . . Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы. . . Николаем Новиковым. Изд. 2. М., 1787.
- Сумароков, 1957 — А. П. Сумароков. Избранные произведения. Вступ. статья, подгот. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957 («Библиотека поэта», большая серия, изд. 2).
- Сухомлинов — М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. I—VIII. СПб., 1874—1888 (Сб. ОРЯС, т. XI, № 2; т. XIV; т. XVI; т. XIX, № 1; т. XXII, № 1; т. XXXI, № 3; т. XXXVII, № 1; т. XLIII, № 4).

- Татищев, 1887 — [В. Н. Татищев.] Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ. С предисловием и указателями Н. Попова. М., 1887 (оттиск из ЧОИДР, 1887, т. I, отд. 1). «Разговор» Татищева первоначально написан в 1733 г., но дорабатывался позднее — во всяком случае в 1737 г., но, вероятно, и в 40-х годах.
- Татищев, 1950 — В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М.; 1950.
- Татищев, письмо к Тредиаковскому — В. Н. Татищев. Письмо к В. К. Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г. из Екатеринбурга. Архив Академии наук, разр. II, оп. 1, № 206, л. 94—97. Ср. сокращенное и не вполне точное изд. у Обворского и Бархударова (1948, стр. 86—92).
- Технология, 1725 г. — Технологія то есть художное собесѣдованіе в грамматическомъ художествѣ, собранное вопро-отвѣтами по алфавиту числительному в пользу люботщательства отроческаго в лѣто 1725. Рукопись Гос. Публичной библиотеки, ИСРК F 1921.60.
- Толстой, 1885 — Д. А. Толстой. Академический университет XVIII столетия, по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. («Записки имп. Академии наук», т. LI, кн. 1, прилож. № 3).
- Тредиаковский, 1730 — [П. Тальман.] Езда в остров любви. Переведена с французского на руской чрез студента Василья Тредиаковского. СПб., 1730.
- Тредиаковский, 1734 — В. К. Тредиаковский. Разсужденіе о одѣ во обще. — В изд.: В. К. Тредиаковский. Ода торжественная о эдаче города Гданска... СПб., 1734.
- Тредиаковский, 1735 — В. К. Тредиаковский. Речь... в Санкт-петербургской императорской Академии наук к членам Росийского собрания, во время первого оных заседанія, марта 14 дня, 1735 года. СПб., 1735.
- Тредиаковский, 1735а — В. К. Тредиаковский. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями досего надлежащих званий. СПб., 1735.
- Тредиаковский, 1748 — В. К. Тредиаковский. Разговоръ между чужестраннымъ челоѣкомъ і российскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи. СПб., 1748.
- Тредиаковский, 1761 — В. К. Тредиаковский. Предувѣдомленіе отъ трудившагося въ переводѣ: — В изд.: [Ш.] Ролленъ. Римская исторія... т. I. СПб., 1761.
- Тредиаковский, 1763 — В. К. Тредиаковский. О словѣ, или словесности. — В изд.: [Ш.] Ролленъ. Римская исторія... т. VII. СПб., 1763.
- Тредиаковский, 1766 — В. К. Тредиаковский. Предъязясненіе объ Ироической Пѣимѣ. — В изд.: В. К. Тредиаковский. Тилемахида... т. I. СПб., 1766.
- Тредиаковский, 1935 — Тредиаковский. Стихотворения. Под ред. А. С. Орлова при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. Вступ. статья С. М. Бонди. Л., 1935 («Библиотека поэта», большая серия, изд. 1).
- Тредиаковский, «Разговор об ортографіи», рукопись — Рукописный оригинал (автограф с авторской правкой), с которого производился набор изд.: Тредиаковский, 1748. Архив Академии наук, разр. II, оп. 1, № 137.
- Тредиаковский, статья о правописании прилагательных 1746 г. — В. К. Тредиаковский. О множественном прилагательных. целых имен окончении (1746 г.). Цит. по изд.: Вомперский, 1968.
- Тредиаковский, статья о правописании прилагательных 1755 г. — В. Т[редиаковский]. Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужескаго рода, множественнаго числа и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ до правописанія принадлежащихъ. Цит. по изд.: Пекарский, 1865 (стр. 102—116). Статья написана не ранее 1755 г. и предположительно может быть отнесена к этому году.
- Тредиаковский, письмо (памфлет на Сумарокова) 1750 г. — В. К. Тредиаковский. Письмо, в котором содержится Рассужденіе о Стихотворении, поныне на свет изданном от Автора двух Од, двух Трагедій и двух Эпистол, писанное от приятеля к приятелю (1750 г.). Цит. по изд.: Куник, 1865 (ч. II, стр. 435—500).
- Тредиаковский, письмо (к неизвестному) 1736 г. — В. К. Тредиаковский. Письмо некоего россиянина к своему другу, написанное по поводу нового российского стихосложения (11 октября 1736 г.). Цит. по изд.: Тредиаковский, 1935, стр. 354—357 (пер. с французского З. В. Гуковской). Адресатом этого письма А. А. Куник и П. П. Пекарский считали Штелина, а П. Н. Берков — Кактемира.
- Трубачев, 1973 — О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. «Этимология, 1971». М., 1973.
- Унбеган, 1955 — В. О. Unbegaun. Das Alter von russisch etot. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXIII, 1955, H. 2.
- Унбеган, 1958 — В. О. Unbegaun. Russian Grammars before Lomonosov. «Oxford Slavonic Papers», VIII, 1958.
- Унбеган, 1959 — Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii A.D. MDCXCVI. Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.
- Унбеган, 1969 — Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B. O. Unbegaun. München, 1969 («Slavische Propyläen», Bd. 55).
- Успенский, 1968 — Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968.
- Успенский, 1969 — Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.
- Успенский, 1970 — Б. А. Успенский. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты). — ВЯ, 1970, № 5.
- Успенский, 1971 — Б. А. Успенский. Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). Автореф. докт. дисс. М., 1971.

- Успенский, 1972 — Б. А. Успенский. Первая грамматика русского языка на родном языке (Неизвестная русская грамматика 30-х гг. XVIII в.). — ВЯ, 1972, № 6.
- Успенский, 1974 — Б. А. Успенский. Доломоновский период отечественной русистики: Адогуров и Тредиаковский. — ВЯ, 1974, № 2.
- Хивуд, каталог филиграней — E. Heawood. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, Holland, 1950.
- Черных, 1949 — П. Я. Черных. Местоименные формы «эвот», «энтот» и т. п. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 8, М., 1949.
- Чернышев, 1914 — В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2, испр. и доп. Вып. 1. Фонетика. СПб., 1914.
- Чумакова, 1969 — Ю. П. Чумакова. Указательные местоимения в похвальных одах М. В. Ломоносова. «Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения)», вып. 2—3. Казань, 1969.
- Шишков, 1824 — А. С. Шишков. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки (Разговор I. О правописании). — В изд.: Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. III. СПб., 1824.
- Шлёцер, 1875 — Общественная и частная жизнь А. Л. Шлёцера, им самим описанная. (Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 гг. Известия о тогдашней русской литературе). Пер. с немецкого, примечания и приложения В. Кеневича. СПб., 1875 (Сб. ОРЯС, т. XIII).
- Шлёцер, 1904 — Aug. Schlözer. Ruszische Sprachlehre (А. Шлёцер. Русская грамматика), I—II. С предисловием С. К. Булича. СПб., 1904. — Грамматика Шлёцера составлена в 1763—1764 гг. (см.: Шлёцер, 1875, стр. 154—155).
- Ягич, 1896 — И. В. Ягич (V. Jagić). Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Codex slovenicus regum grammaticarum. СПб., 1896 (оттиск из «Исследований по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895).
- Ягич, 1910 — И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910 («Энциклопедия славянской филологии», под ред. И. В. Ягича, вып. I).

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
61	4 св.	«Предувѣдомлении»	«Предувѣдомлѣнїи»
68	22 св.	денежное	денежное
107	3 св.	Еврѣиѣ	Еврѣиѣ (з)
107	4 св.	вѣдѣ	вѣдѣ
118	17 св.	потверждается	потверждается
123	16 св.	словах.	словах
185	1 св.	пагинации примечаний).	пагинации).
198	19 св.	произведѣнію	произведѣнію
198	20 св.	чрѣз	чрѣз
202	23 св.	быти,	быти:
212	12—13 св.	ростѣтъ, стрѣжѣ,	ростѣтъ, стрѣжѣ,
		лѣтъ, пролѣтъ,	лѣтъ, пролѣтъ,
		допрядѣтъ	допрядѣтъ

- ВЯ — Вопросы языкознания
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
- ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
- МГУ — Московский Государственный университет
- МОПИ — Московский областной педагогический институт
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете

1 1/3, 1/3, 10, 11, 31, 32, 24